Ани Еганян

Пожалуйста, оставайтесь на линии

Ани Еганян

Пожалуйста, оставайтесь на линии

«Автор»
2026

Еганян А.

Пожалуйста, оставайтесь на линии / А. Еганян — «Автор», 2026

Один звонок может изменить жизнь. Один неуслышанный голос — разрушить её.Натан Келлс привык следовать правилам. Он работал в системе, где человеческие просьбы превращались в номера обращений, а закрытая заявка считалась решённой проблемой.Пока однажды не обрушился дом.Пытаясь добиться справедливости, Натан становится голосом тех, кого никто не хотел слушать. Его выступления собирают тысячи зрителей. Его называют героем. Но чем громче звучит его голос, тем труднее ему услышать правду о самом себе.Постепенно борьба за справедливость превращается в борьбу за признание. А чужая боль — в историю, которую слишком легко рассказать неправильно.Можно ли искупить вину, если последствия уже невозможно отменить? Где заканчивается желание помочь и начинается желание быть нужным? И что остаётся человеку, когда его больше никто не считает героем?«Пожалуйста, оставайтесь на линии» — психологический роман о совести, ответственности и цене молчания.

© Еганян А., 2026
© Автор, 2026

Ани Еганян
Пожалуйста, оставайтесь на линии

ПОЖАЛУЙСТА,

ОСТАВАЙТЕСЬ НА ЛИНИИ

Психологический роман

270 глав и эпилог

«Человека можно заставить замолчать. Но нельзя предугадать, каким будет его голос, когда он наконец заговорит».

Часть первая. Запись

Глава 1. Человек, которого не было слышно

В детстве Натану Келлсу нравилось слушать, как разговаривают по телефону взрослые.

Ему казалось, что во время телефонного разговора человек становится гораздо честнее. Мать переставала поправлять волосы перед зеркалом; отец, напротив, втягивал живот и выпрямлялся, хотя собеседник не мог его видеть. Люди говорили в маленькую пластмассовую трубку так, будто там помещался кто-то больше их самих. Иногда они делались нежными. Иногда — жестокими. Иногда говорили «я тебя люблю» и закатывали глаза, показывая всем присутствующим, насколько мало значили произнесённые слова.

В семь лет Натан обнаружил, что существует особенный вид молчания — тот, который наступает после просьбы.

Отец называл его «полезной паузой».

— Никогда не отвечай сразу, когда у тебя что-нибудь просят, — учил он. — Подожди. Человек сам начнёт объяснять, почему заслужил твоё согласие.

Отец, Уолтер Келлс, продавал страховые полисы и любил утверждать, что торговля — единственная настоящая наука о людях. По утрам он надевал галстук перед зеркалом и отрабатывал улыбку, которой собирался встретить потенциального клиента. Мальчику эта улыбка казалась чужой. Настоящая появлялась на лице отца только тогда, когда кто-нибудь допускал ошибку.

Натан рано научился не ошибаться на виду.

Ему было сорок один, когда выяснилось, что это умение стало главным достижением его жизни.

* * *

Здание компании CivicTone располагалось в восточной части Беллпорта между закрытым кинотеатром «Астория» и магазином медицинского оборудования. Ещё десять лет назад «Астория» обещала зрителям «новое измерение впечатлений». Теперь над входом висел замок, на афишах выцвели лица давно умерших актёров, а над куполом гнездились голуби. Магазин по соседству торговал ходунками, инвалидными креслами и устройствами, позволяющими пожилым людям самостоятельно вставать с кровати. Место казалось Натану на редкость логичным: справа продавали способы продолжать жить, слева сохраняли то, что от жизни осталось, а посередине находилась компания, обещавшая всем помощь.

На стеклянной двери CivicTone светились синие буквы:

«ВАШ ГОЛОС ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ».

Однажды буква «Г» перегорела. Натан три недели ходил на работу мимо вывески с дырой в слове и испытывал странное облегчение. Он не мог объяснить почему. Потом электрик приехал, снял защитную панель и исправил неисправность за восемь минут.

В тот день Натан впервые подумал, что город умеет удивительно быстро ремонтировать некоторые вещи.

Утром в среду он вошёл в офис в 6:47, как обычно. На шестом этаже уже горели лампы, хотя солнце только начинало выбираться из-за серых домов. Пахло кофе, горячей пылью из вентиляции и искусственным лимоном: уборщики обрабатывали полы средством, рекламировавшимся как «аромат чистого начала».

У Натана был стол под номером тридцать семь из сорока восьми. Слева — Рут Эллис, вежливая невысокая женщина тридцати восьми лет, которая носила с собой яблоки и перед едой обязательно разрезала каждое на восемь долек. Справа — Брэдли Фокс, двадцатипятилетний сотрудник, чей смех прилетал к чужим столам раньше, чем он сам.

— Утро доброе, пенсионер, — сказал Брэдли, не отрываясь от телефона.

— Доброе, — ответил Натан.

— А ты чего не спрашиваешь, почему пенсионер?

Натан снял куртку.

— Почему?

— Потому что тебе так и хочется вручить плед и выключить звук.

Брэдли засмеялся. Натан улыбнулся. Он не считал шутку смешной, но когда-то обнаружил, что улыбка требует меньше времени, чем объяснение, почему ему не хочется смеяться. Даже если обидчик потом обязательно повторял шутку.

Рут, не поднимая головы, положила ему на стол яблочную дольку.

— Не обращай внимания, — сказала она.

— Я не обращаю.

Она посмотрела на него. Во взгляде не было ни жалости, ни осуждения, и именно это почему-то оказалось неприятнее всего.

На мониторе Натана открылась корпоративная панель. Большими зелёными цифрами сообщалось: эффективность за прошлую смену — 94,6 процента. Обработано 143 обращения. Закрыто без дальнейших действий 129. Передано на дополнительную проверку 6.

Возле имени сияла маленькая звезда. Он был в верхних десяти процентах отдела.

Каждую пятницу компания рассылала сотрудникам письмо о важности эффективности, а каждый понедельник проводила собрание о человеческом подходе. Натан давно понимал, что два этих качества не всегда уживаются, но ни разу не решился уточнить у начальства, какое именно следует выбирать, когда они противоречат друг другу.

Он достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу.

Это была программка школьного концерта. В углу неровным почерком было написано: «Папа, я буду третьей. Не опаздывай. Джун».

Одиннадцать дней назад он не пришёл.

В тот вечер Джулиан попросил его остаться с отчётами. На самом деле сказал: «Было бы хорошо закончить сегодня». В CivicTone это означало приказ. Натан мог уйти, потому что в графике его смена заканчивалась в шесть. Мог хотя бы предупредить дочь. Он не сделал ни того ни другого; почти до конца он надеялся успеть, а после семи стало страшно звонить.

Извиняясь, он сказал Джун, что «так сложились обстоятельства». Ему понравилась эта фраза. У обстоятельств не было лица и номера телефона, к ним нельзя было предъявить претензию. В них можно было спрятать всё, что человек не захотел сделать.

Натан разгладил сгибы программки и убрал её в ящик, где хранились два карандаша, жевательная резинка и старый пропуск с фотографией, на которой он выглядел на десять лет моложе и не особенно счастливее.

Потом надел гарнитуру.

* * *

Служба, где работал Натан, не принимала обращения напрямую. Её официально называли Отделом контроля целостности городских услуг. На практике сотрудники прослушивали телефонные разговоры, уже обработанные операторами, и решали, была ли заявка верно классифицирована. Рут прежде работала на приёме звонков и время от времени выходила туда на подмену; поэтому её голос встречался и в архивных записях. В отличие от живых людей, обращения не плакали, не кричали, не просили и не отказывались ждать. Они имели номер, категорию, приоритет и состояние.

«Низкий».

«Обычный».

«Высокий».

«Закрыт».

Натан иногда думал, как было бы удобно, если бы и человека можно было обозначить одним словом. Тогда никто не удивлялся бы его состоянию, не задавал лишних вопросов и не требовал, чтобы он объяснил, почему на семейном ужине не может весело разговаривать о погоде.

В 8:13 ему досталась запись номер 774193.

Вначале звучали дыхание и едва слышный шорох, словно звонящий держал трубку двумя руками. Потом раздался женский голос:

— Здравствуйте, милочка. Я уже звонила вчера.

Натан откинулся на спинку стула и посмотрел на карточку обращения. Женщина, предположительно старше семидесяти пяти. Жилищно-коммунальное хозяйство. Повторное обращение. Стандартный приоритет.

— Назовите, пожалуйста, адрес, — попросила оператор.

Натан узнал голос Рут.

— Блум-стрит, семнадцать. Квартира сорок два.

— Ваша заявка зарегистрирована. Ожидайте ответа в течение тридцати рабочих дней.

— Девочка, послушайте меня, — сказала женщина.

Она говорила очень спокойно. В этом спокойствии было что-то неправильное. Натан не мог сразу понять что. Ему встречались абоненты, которые рыдали от бессилия, и абоненты, угрожавшие поджечь городскую администрацию, если им не заменят лампу. Эта женщина не требовала ничего чрезвычайного. Она как будто извинялась за сам факт своего звонка.

— У нас дом двигается. Я знаю, звучит глупо. Но раньше дверь на кухню закрывалась нормально, а теперь нет. И трещина в коридоре стала шире. Я вчера спичку в неё просунула. Она целиком вошла.

— Я понимаю ваше беспокойство, — ответила Рут.

— Нет, милая. Ты не понимаешь.

Послышались три удара. Затем долгий скрип — глухой, напряжённый, похожий на звук дерева, которое медленно ломают под водой.

— Слышишь?

— Да, слышу.

— Это потолок. Он так каждый вечер делает.

За соседним столом Рут перестала печатать. В записи образовалась пауза. Натан заметил, что тоже задержал дыхание.

— В доме есть дети, — продолжала женщина. — На третьем этаже мальчик, Майло, ему пять лет. И миссис Харпер в инвалидном кресле. Я не хочу никого пугать. Только мне страшно.

Рут сказала, что обращение будет направлено в соответствующий отдел. Голос её стал строже — не от равнодушия, а от страха произнести что-то неподходящее. В CivicTone наказывали за обещания, которых сотрудник не имел полномочий выполнять, и Рут давно научилась говорить так, чтобы не дать ни одного обещания.

— Я уже звонила в соответствующий отдел, — ответила женщина.

— К сожалению, я не могу ускорить рассмотрение заявки.

— А если дом упадёт раньше, чем вы ответите?

Последовал долгий промежуток тишины. Натан вспомнил отца и его «полезную паузу». Только сейчас молчание не заставляло собеседника просить сильнее. Оно оставляло двух людей на разных концах провода с одинаковым знанием: ни один не может предложить другого пути.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии, — сказала Рут.

Запись закончилась.

Некоторое время Натан сидел неподвижно. Потом открыл историю заявок по адресу.

Двадцать семь обращений за последние шесть месяцев.

На одном из снимков по лестничной стене тянулась трещина. На другом виднелась дверь, переставшая попадать в косяк. Где-то в документах всплывала запись о грунтовых водах. Восемь месяцев назад инспектор назвал состояние дома удовлетворительным.

Натан снова прослушал треск.

Снял наушники.

Посмотрел на зелёную звезду эффективности.

После долгого размышления он нажал «Дополнительная проверка».

Компьютер спросил: «ВЫ УВЕРЕНЫ?»

Натан выбрал «ДА».

Через двадцать три секунды позвонил Джулиан.

* * *

Кабинет руководителя отделяла от остального офиса стеклянная перегородка. Джулиан Хейс любил говорить, что открытые стены создают культуру доверия. Натан находил в этом утверждении некоторое противоречие: стекло позволяло всем видеть, когда начальник вызывал кого-то на разговор, но не позволяло услышать, о чём там шла речь.

Джулиан сидел за чистым столом. На стене висела награда «За человечность в управлении». Его часы стоили дороже, чем Натан зарабатывал за два месяца.

— Садись, — сказал Джулиан. — Ты открыл повторную проверку по Блум-стрит.

— Да.

— Объясни.

— Там может быть угроза обрушения. Жалобы повторяются. На фотографии трещина, а жильцы слышат звук перекрытий.

Джулиан посмотрел на него так, как взрослый смотрит на ребёнка, неправильно решившего арифметическую задачу.

— Ты инженер?

— Нет.

— Инспектор?

— Нет.

— Специалист по конструктивной безопасности?

— Нет.

— Тогда твой вывод — предположение. Наша задача не принимать эмоции за факты.

— Но факты и появляются, когда кто-то приезжает и проверяет.

Джулиан чуть приподнял брови. Натан сразу пожалел о фразе. Она прозвучала как спор, а спор на работе имел последствия даже тогда, когда разговор заканчивался мирно.

— Я понимаю твой человеческий порыв, — сказал Джулиан. — Но если мы будем при каждой жалобе отправлять инженеров, у города не останется ни денег, ни инженеров. Нужно доверять процедуре.

— Там уже двадцать семь обращений.

— Количество не равняется достоверности. Если один человек позвонит двадцать семь раз, у нас будет двадцать семь звонков, а не двадцать семь подтверждений.

Натан знал, что это неправда: по адресу звонили разные жильцы. Но чтобы доказать это, следовало открыть карточки, назвать имена, спорить, настаивать, потребовать письменно указать основание отказа. Он представил, как Джулиан откинется в кресле и спросит, хорошо ли он себя чувствует. Как на следующем собрании начнут говорить о сотрудниках, не принимающих корпоративные ценности. Как через месяц закончится аренда и как у него не останется денег на переводы Джун.

И он промолчал.

— Закрой заявку, — сказал Джулиан. — Если появятся подтверждённые данные, город отреагирует.

— А если подтверждение будет поздно?

Джулиан устало улыбнулся.

— Ты сегодня не в настроении? Возьми выходной. И, Натан, не принимай чужие беды близко к сердцу. Эти люди тебе никто.

Натан вышел. Он хотел хлопнуть дверью, но дверь была стеклянной, и он испугался, что она разобьётся.

За своим столом он снова открыл карточку. В окне классификации мигала жёлтая кнопка. Натан посмотрел на Рут. Она быстро печатала, закусив губу, и у неё под глазами залегли тени. Он хотел подойти к ней, обсудить разговор, попросить поддержки. Но тогда она оказалась бы втянута в проблему, которую он не решился решить сам.

Натан написал короткий запрос о повторной инспекции. Джулиан ответил: «Мы уже обсуждали этот вопрос».

Два человека говорили о доме, в котором жили шестьдесят восемь семей. Ни один из них туда не поехал.

Натан перевёл курсор на кнопку «Закрыть».

В комнате отдыха Брэдли громко смеялся над очередной историей про старушку, которая якобы обвинила соседского кота в нарушении личных границ. Сотрудники хохотали. Брэдли заметил Натана и потребовал улыбнуться. Кто-то поднял телефон. Натан напряг лицо, выдавил улыбку и рассмеялся вместе со всеми. Никто не заметил, что у него дрожали руки.

Вернувшись за стол, он нажал «Подтвердить первоначальную классификацию».

На экране появилась зелёная галочка.

«СПАСИБО, НАТАН! ВЫ ПОМОГАЕТЕ НАШЕМУ ГОРОДУ СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ».

— Не за что, — тихо произнёс он.

Он не знал, что вспомнит эти два слова в тот момент, когда впервые увидит руины на Блум-стрит.

Глава 2. Нормальный человек

Натан иногда думал, что самое неприятное в разводе — не одиночество.

Одиночество было хотя бы честным. В квартире никто не ждал, никто не смеялся за стеной, не спрашивал, когда он вернётся, не оставлял в ванной мокрое полотенце. У одиночества имелся распорядок и ясные границы. А вот развод заставлял ежедневно исполнять роль человека, который в принципе сохранился после катастрофы и потому должен быть благодарен.

Он больше не был мужем Марианны. Но оставался человеком, который знал, как она спит, когда болеет, каких гроз боится и почему не ест апельсины. Он помнил, что она складывает счета по размеру, а когда устаёт — начинает говорить очень вежливо, как с незнакомцем. И всякий раз, когда видел её во время передачи Джун, удивлялся, как много можно знать о человеке, которого уже не имеешь права обнять.

В пятницу Натан вернулся домой к шести часам. Квартира находилась на втором этаже над цветочным магазином. Хозяйка магазина, миссис Элленберг, считала его образцовым жильцом: он не устраивал вечеринок, не спорил о повышении арендной платы и никогда не просил ремонтировать кран в ванной, хотя вода из него капала уже полгода.

— Замечательный мужчина, — говорила она покупателям, если Натан случайно попадался ей навстречу. — Никому не создаёт проблем.

Он понимал, что в её словах содержится комплимент. И всё же иногда слышал в них эпитафию.

В коридоре пахло лепестками, начинавшими портиться в мусорном баке за магазином. На стене висел почтовый ящик с заедающим замком. Натан давно собирался смазать петли, но каждый раз находил повод отложить. Наконец он принялся открывать ящик осторожно и медленно, будто это не замок был неисправен, а он сам недостаточно аккуратен.

Внутри лежал рекламный листок с фотографией загорелой пары на пляже.

«ВАМ ПОЛОЖЕН НОВЫЙ НАЧАЛО», — было написано крупным шрифтом. Вероятно, дизайнер ошибся с родом. Натан перечитал фразу дважды и неожиданно положил листок в карман, вместо того чтобы выбросить.

Дома на холодильнике висел рисунок, выполненный Джун в пять лет: три человека держались за руки. Один имел короткие тёмные волосы, другой — длинные золотистые, третий отличался круглыми глазами и двумя красными косичками. Над ними было написано «МОЯ СЕМЬЯ».

Однажды Марианна попросила вернуть рисунок дочери.

— Ей будет приятно найти его в старых вещах, когда вырастет, — сказала она.

— Конечно, — ответил Натан.

И не отдал.

Он не считал это воровством. У него почти не осталось предметов, принадлежавших их общей жизни. Марианна забрала мебель, потому что Натан сказал, что ему ничего не нужно; забрала фотографии, потому что ему было слишком больно смотреть на них; забрала кофейный столик, потому что он сам помог погрузить его в фургон. Теперь рисунок казался последним доказательством того, что когда-то он жил не только для себя.

В 18:19 пришло сообщение: «Джун будет в пиццерии к семи. Не заказывай за неё. Марианна».

Натан набрал: «Разве я когда-нибудь заказывал за неё?»

Стер.

Написал: «Хорошо. Спасибо».

Он надел чистую рубашку. Потом сменил её на менее официальную. Долго смотрел на своё лицо в зеркале над умывальником. На одной щеке остался маленький порез после бритья. В молодости он выглядел забавным, когда пытался казаться взрослым. Теперь лицо словно перестало соответствовать человеку, которым он хотел быть. Он выглядел усталым, хотя в течение многих лет почти ничего не совершал, что могло бы объяснить такую усталость.

По дороге в пиццерию Натан проходил мимо школы. На стене здания висел баннер с фотографиями учеников, победивших в музыкальном конкурсе. Он остановился.

Где-то среди этих детей могла находиться Джун. Он всматривался в лица, пока не понял, что не знает, как сейчас выглядит её школьная форма: на последних фотографиях дочь всегда снималась в толстовке или куртке.

За окном пиццерии сидела семья: мужчина с девочкой и женщиной. Мужчина говорил что-то, размахивая руками. Девочка смеялась и хлопала ладонью по столу. Женщина смотрела на них с выражением, которое Натан когда-то считал повседневным, а теперь не мог уверенно назвать. Возможно, это была любовь. Возможно — простая усталость от человека, которого всё равно выбираешь каждый день.

Он пришёл на двадцать минут раньше. Выбрал столик, не слишком близко к двери, чтобы дочь не замёрзла, и не слишком далеко от окна, чтобы она могла смотреть на улицу, если разговор не получится. На столе было три пакетика сахара. Натан выровнял их по краю салфетницы, затем поймал себя на этом и убрал руки под стол.

Марианна привела Джун в 19:06.

Марианна по-прежнему носила светлое пальто, купленное ещё во время их брака. Под глазами у неё появились тени, а волосы были собраны в быстрый узел. Натан хотел сказать, что она прекрасно выглядит; потом решил, что это прозвучит как попытка снова занять чужое место.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Заберу её в восемь тридцать.

— Конечно.

Марианна задержалась.

— Натан, не спрашивай меня потом, что она чувствовала за ужином. Попробуй сам узнать у неё.

Он почувствовал знакомое раздражение. Ему казалось, что Марианна постоянно разговаривает с ним как воспитатель с ребёнком, неспособным завязать шнурки.

— Я знаю, как общаться с собственной дочерью.

Она не ответила. Только посмотрела на него. Этот взгляд был хуже любого возражения, потому что в нём содержался целый архив прошлых разговоров.

Джун сняла куртку и села напротив. Волосы у неё стали короткими. Она носила чёрный свитер с крошечной белой звездой на рукаве. Натан решил спросить про звезду, но почему-то первым произнёс:

— Ты подстриглась.

— Три недели назад, пап.

— Тебе идёт.

— Спасибо.

Они открыли меню.

— Как школа? — спросил он.

— Нормально.

— А математика?

— Нормально.

— У вас, кажется, новый учитель?

— Да.

— И какой?

— Нормальный.

Джун закрыла меню.

— Пап, ты всегда так разговариваешь?

— Как?

— Как будто заполняешь анкету.

Натан улыбнулся. Иногда дети говорили удивительно жестокие вещи, не понимая, насколько точно попали. И именно потому взрослые охотно называли такие замечания детской непосредственностью.

— Я просто интересуюсь твоей жизнью.

— Я знаю.

— Мне важно, как у тебя дела.

— А мне важно, чтобы ты не делал вид, будто у тебя есть список обязательных вопросов.

Он замолчал. Она посмотрела на него, затем, словно пожалев, добавила:

— Можно просто пиццу заказать.

Натан подозвал официантку. Джун выбрала грибную. Он заказал такую же, хотя не любил грибы. Это было бессмысленное маленькое проявление солидарности, которого никто не заметил.

Когда остались одни, Натан вдруг сказал:

— Я видел запись концерта.

Джун подняла глаза.

— Какого?

— Ну, вашего. Я попросил прислать. Ты прекрасно выступила.

Её лицо изменилось едва заметно. Она не нахмурилась, не покраснела, не сжала губы. Просто посмотрела на отца внимательнее, чем обычно смотрят на человека, который говорит очевидную правду.

— Что тебе больше всего понравилось?

Натан почувствовал, что где-то внутри срабатывает маленькая сигнализация.

— Как ты держалась. Очень уверенно.

— Я не выступала, пап.

Он сглотнул.

— Что?

— Перед выходом у меня порвалась струна. Я не смогла играть. Поэтому никакого моего выступления на записи нет.

Натан посмотрел на её руки, лежавшие на столе. На безымянном пальце у девочки чернела крошечная точка от фломастера. Он вдруг отчаянно захотел спросить, откуда она, лишь бы разговор переменился.

— Значит, я перепутал с другим видео, — произнёс он.

— Ты не видел никакого видео.

Он молчал.

— Зачем ты врёшь?

Вопрос был задан без злости. Именно поэтому не оставлял выхода.

— Я не хотел тебя расстраивать.

— Ты уже не пришёл на концерт. Что тут ещё можно испортить?

Натан посмотрел на дверь. Ему захотелось исчезнуть, чтобы дочь запомнила его хотя бы человеком, которому стыдно.

— Я хотел, чтобы ты была довольна.

— Мне было бы приятнее, если бы ты просто сказал правду.

Пришла пицца. Официантка поставила горячие тарелки, пожелала приятного аппетита. Джун поблагодарила её. Натан повторил «спасибо», словно эхо. Они ели почти молча.

Тогда Джун начала рассказывать сама. О том, как после сорванного концерта девочка из параллельного класса дала ей запасную струну; как учитель предложил выступить на следующем вечере; как один мальчик посмеялся, а потом извинился, потому что его заставила подруга. Натан слушал и обнаружил, что дочь не нуждалась в его благородной лжи. Ей требовалось куда меньше — чтобы он спросил, что произошло, и выдержал ответ.

— И ты теперь готовишься к новому выступлению? — спросил он.

— Да. Но это будет не концерт. Просто вечер для родителей и учителей.

— Можно прийти?

Она помолчала.

— Ты работаешь по вечерам.

— Могу поменяться сменами.

— Тогда сначала поменяйся. А потом обещай.

Он кивнул.

Она сказала это совершенно спокойно. Но он почувствовал, что на его плечи вдруг легло что-то тяжелее любого обвинения: дочь научилась строить планы так, словно он не обязательно в них появится.

* * *

После ужина они шли вдоль площади. Беллпорт готовился к ежегодному фестивалю «Наш город, наши голоса». Над улицей протянули гирлянды, на площади устанавливали сцену. Мэр появлялся на рекламных экранах чаще, чем прогноз погоды. В новом ролике он улыбался рядом с ребёнком в школьной форме, уверяя, что у каждого жителя есть место в общей истории города.

— Красиво, — сказал Натан.

Джун посмотрела на экран.

— Он страшный.

— Кто?

— Мэр. Он так улыбается, будто проверяет, смотрит ли на него камера.

Натан неожиданно рассмеялся. Настоящим смехом, без принуждения. Джун взглянула на него и тоже улыбнулась.

Это было такое маленькое счастье, что оно почти показалось унизительным. Натан поймал себя на желании задержать этот миг, повторить шутку, сделать что-нибудь ещё, лишь бы дочь не перестала улыбаться. И сразу же испортил его, спросив:

— А тебе вообще нравится у мамы?

Джун удивилась.

— Конечно.

— Я не имел в виду… Просто у нас раньше было уютно.

— У нас было по-разному, пап.

Он не спросил, что она имела в виду. Боялся узнать, какие именно сцены их совместной жизни остались в её памяти. Он помнил семейные праздники, летние поездки, вечером пахнущие мокрым асфальтом прогулки. Джун могла помнить крики из кухни, долгие паузы за ужином или то, как отец по двадцать минут молчал после замечаний матери, а потом говорил, что ничего не произошло.

У пешеходного перехода Джун остановилась.

— Когда я была маленькая, ты казался мне очень смешным.

— А теперь?

— Теперь ты всё время какой-то испуганный.

Натан почувствовал, как сжимаются пальцы.

— Я не испуганный.

— Ну ладно.

Её «ну ладно» прозвучало так, как звучат последние слова взрослого, когда спор бессмысленен. Натан понял, что не хотел слышать ни одного ответа на собственный вопрос.

На другом тротуаре музыкант играл на саксофоне. Он стоял перед закрытым книжным магазином, рядом лежал футляр, в котором шуршали мелкие купюры. Натан остановился и положил туда пять долларов. Музыкант кивнул, не прерывая мелодии.

— Вот это было здорово, — сказала Джун.

— Что?

— Ты просто захотел и сделал. Даже не спросил, правильно ли это.

Ему захотелось сказать, что он всегда так поступает. Но впервые за вечер он удержался от привычной неправды.

— Наверное, — ответил Натан. — Иногда я могу.

Марианна приехала в восемь тридцать. Джун обняла отца, легко и немного осторожно. Когда-то она бросалась ему на шею так сильно, что он едва удерживал равновесие. Теперь объятия походили на начало разговора, от которого обе стороны опасаются слишком многого.

— Пока, пап.

— Пока, солнышко.

Машина уехала. Натан стоял у бордюра, пока задние огни не растворились в потоке. Потом достал телефон и написал: «Прости. Я действительно не смотрел запись концерта».

Ответ пришёл быстро: «Я знаю, пап».

По дороге домой он думал о том, что Джун уже знает о нём гораздо больше, чем он сам осмеливается признать.

* * *

В квартире горела одна лампа. Рисунок на холодильнике отсвечивал под прозрачным магнитом. Натан достал остатки макарон, разогрел, поставил тарелку на стол и так и не притронулся.

Ему позвонила мать.

— Как Джун?

— Хорошо.

— Ты с ней поговорил?

— Да.

— О чём?

Он устало прикрыл глаза.

— Мам, мы просто поужинали.

— Я же переживаю. Марианна говорит, ты совсем закрылся. Тебе нужно общаться с людьми, хотя бы начать выходить куда-нибудь.

— Я целый день общаюсь с людьми.

— Это работа. Я имею в виду нормальное общение.

Натан посмотрел на выключенный телевизор. Его лицо отражалось в чёрной поверхности, как чужое.

— Что значит нормальное?

— Не начинай, — вздохнула мать. — Ты всё превращаешь в спор.

Он хотел спросить, когда именно успел поспорить. Но уже знал, что сам вопрос сделает обвинение правдой.

— Хорошо, мам.

— Я желаю тебе только добра.

— Я знаю.

Закончив разговор, Натан открыл ноутбук. Некоторое время просматривал школьную страницу в поисках записи концерта Джун. Нашёл фотографии, где дочь стояла возле пианино, уставшая и серьёзная, а рядом смеялись одноклассницы. На одной фотографии её снимал мальчик, поставив ладонь козырьком над глазами. Натан увеличил снимок, словно мог разглядеть, что именно ей тогда говорили.

Потом неожиданно открыл муниципальный реестр.

Блум-стрит, 17. Шестьдесят восемь квартир. Дом построен в 1964 году. Последний осмотр восемь месяцев назад. Следующий назначен через шесть недель.

В отчётах инспектора Эдварда Морроу повторялись одинаковые формулировки. Натан открыл ещё три документа по соседним домам. «Состояние удовлетворительное». «Критических признаков нарушения не выявлено». «Рекомендуется осуществлять плановое наблюдение». Слова стояли в одном и том же порядке, как будто здания не имели права отличаться друг от друга.

Он не был инженером. Ничего не знал о грунтах. Не умел по фотографии определить несущую способность стен. Но он одиннадцать лет работал с отчётами и узнал текст, который кто-то предпочитал копировать, не поднимая глаз.

— Это не моё дело, — сказал он.

В соседней квартире кто-то уронил тяжёлый предмет. Через потолок прокатился глухой удар.

Натан вздрогнул.

Он попытался заснуть, но каждый раз, когда закрывал глаза, слышал хриплый голос Ады Уиткомб, хотя тогда ещё не знал её имени.

«А если дом упадёт раньше, чем вы ответите?»

Под утро ему приснилось, что звонит телефон. Он берёт трубку, но на другом конце его собственный голос произносит совершенно безучастно:

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

И никто не отвечает.

Глава 3. Десять ноль восемь

В воскресенье утром Натан чистил зубы, когда на Блум-стрит начал рушиться дом.

Позже он много раз пытался представить себе тот момент, но память упорно возвращала его не к обломкам и не к крикам людей, а в собственную ванную. Белая зубная паста. Маленькая трещина, пересекавшая зеркало в углу. Ржавчина под краном, которую он обещал убрать ещё в прошлом году. Босые ноги на плитке. Ничего не предвещало катастрофы — в этом и заключалась самая непереносимая её часть.

На Блум-стрит к тому времени уже несколько часов шёл дождь. На ступенях подъезда появилась тёмная вода, медленно собиравшаяся в низкой точке лестничной площадки. Сосед с четвёртого этажа, возвращаясь с ночной смены, ругнулся на протечку и обошёл лужу. Ада Уиткомб стояла у окна сорок второй квартиры и решала, выходить ли за хлебом, когда услышала знакомые три удара.

Тук. Тук. Тук.

Затем скрип.

Но теперь скрип не закончился.

Он перешёл в звук, которого Ада никогда прежде не слышала. Сначала показалось, что где-то внизу грузовик тянет по асфальту тяжёлую железную трубу. Потом стены вокруг дверного проёма словно выдохнули. С потолка посыпалась побелка.

Ада сделала несколько шагов к коридору.

Она была вдовой девять лет, и после смерти мужа её движения стали осторожными, будто весь дом состоял из вещей, которые нельзя тревожить. Но в ту минуту она побежала. Не к двери — к комоду, на котором стояла жестяная коробка из-под печенья. В коробке лежала фотография Генри, паспорта и вырезка из старой газеты о дне их свадьбы.

Узкие створки шкафа дёрнулись. Ада услышала чей-то крик на лестнице и, ничего не понимая, схватила коробку. Первую туфлю она надела автоматически, вторую так и не нашла.

Когда она выскочила на площадку, здание содрогнулось.

Её соседка миссис Харпер жила двумя этажами ниже. Она всегда ставила инвалидное кресло немного боком возле лифта, чтобы не мешать проходу. Ада не знала, где находилась миссис Харпер в момент обрушения. После она возвращалась к этому вопросу снова и снова, пытаясь понять, могла ли хоть что-нибудь сделать. Иногда ей казалось, что следовало позвонить соседке ночью. Иногда — что нужно было постучать во все двери. Иногда — что, если бы она кричала в трубку громче, заявке присвоили бы другой цвет.

Никакого ответа у неё не было.

В 10:08 центральная часть лестничного пролёта между третьим и четвёртым этажами сложилась, как вещь, внутри которой внезапно оборвалась невидимая верёвка. Пыль вырвалась

из окон, обволокла припаркованные машины и вывеску маленькой прачечной напротив. На улице остановились прохожие. Кто-то побежал к дому, кто-то — от него. Женщина с коляской закрыла ребёнка собственным телом и только потом поняла, что опасности для них нет.

Ни один из этих людей не знал Натана Келлса.

И он не знал их.

* * *

В 10:21 позвонила мать.

— Натан, ты не спишь?

— Нет, мам.

— Я не разбудила?

— Нет.

— Какой ты сонный. Отец в твоём возрасте уже половину дел успевал сделать к десяти утра.

Он налил кофе и посмотрел на кухонные часы.

— Мам, сегодня воскресенье.

— Работать над собой можно и в воскресенье.

Она расспросила о Джун, о Марианне, о его питании, о работе, о здоровье. Натан ответил, что хорошо питается, хотя завтракал только кофе; что на работе всё спокойно, хотя до сих пор не мог забыть запись; что с Джун они прекрасно поговорили, хотя накануне понял, как мало она ему доверяет.

За одну минуту он солгал трижды и даже не заметил, пока не положил трубку.

На плите выскочил рычажок тостера. Из прибора потянуло горелым хлебом. Натан собирался вытащить ломтики, когда из гостиной донёсся экстренный сигнал новостей.

— …на востоке Беллпорта частично обрушился жилой дом. На месте работают пожарные, полиция и медицинские бригады…

Он подошёл к телевизору с чашкой в руке.

На экране мелькали мокрые ограждения, серые лица спасателей, окна с разбитыми стёклами.

Журналистка стояла возле дорожного знака, на котором различались четыре буквы.

Блум.

Камера повернулась. Показала фасад. Номер семнадцать.

Натан сел на диван. Чашка в его руке дрогнула, горячий кофе попал на пальцы, но он не почувствовал боли.

— …по предварительным сведениям, нарушения могли развиваться в течение длительного времени, однако официальная причина пока не установлена…

Он вспомнил слова Джулиана: *«Эти люди тебе никто»*.

— Нет, — сказал Натан.

Он не знал, кому именно возражает.

Встал. Пошёл к двери. Вернулся за курткой. Снова пошёл, затем вспомнил о тостере и отключил прибор от розетки. Перед выходом убедился, что окна закрыты, чайник выключен, а ключи лежат в кармане.

Он делал всё это механически, старательно, как человек, который боится допустить ещё одну ошибку, потому что понятия не имеет, с какой из уже допущенных теперь жить.

* * *

Автобус остановился за два квартала от Блум-стрит. Дальше улицу перекрыли.

Люди стояли вдоль полицейской ленты, держали телефоны над головами, пытались разглядеть происходящее. Кто-то звал родственников. Кто-то снимал прямой эфир. У юноши в жёлтой куртке на экране уже бежали комментарии: «Покажи ближе», «Есть погибшие?», «Не

видно ничего». Он раздражённо просил спасателей отойти на секунду, чтобы кадр получился лучше.

Натан прошёл мимо него, чувствуя тошноту. Через час он поймёт, что больше всего его возмутила не чужая жестокость, а собственная способность узнавать в ней что-то знакомое: и он тоже привык смотреть на чужое несчастье через прямоугольник экрана, где реальный человек занимал меньше места, чем кнопки управления.

Дом оказался гораздо выше, чем на фотографиях из муниципального реестра, и гораздо более уродливым. Центральный участок фасада был рассечён широкой трещиной; оттуда, где раньше проходила лестница, тянулся серый пыльный след. С воды на асфальте ещё не сошла известковая плёнка. Пожарные входили в здание небольшими группами, а потом появлялись с носилками.

Натан остановился.

Его первой мыслью стало не «Кто погиб?», а «Пусть никто не узнает».

Пусть никто не увидит, что карточка 774193 закрыта под его именем.

Пусть никто не вспомнит, что он открыл повторную проверку и затем отозвал её.

Пусть никто не спросит, почему двадцать семь жалоб в его системе равнялись нулю доказательств.

Ему стало настолько стыдно за эту мысль, что он схватился за ближайший дорожный столб. Холодный металл оставил на пальцах влажные следы.

Я здесь, чтобы помочь, сказал он себе.

Но сразу понял, что это ещё одна готовая фраза. Помочь кому? И как?

У бордюра сидела пожилая женщина в бежевом пальто, наброшенном поверх халата. На одной ноге у неё был ботинок, на другой шерстяной носок. В руках — металлическая коробка из-под печенья. Она смотрела на крышку с потёртыми цветами, словно ждала от неё какого-то объяснения.

— Вам нужна помощь? — спросил Натан.

Женщина подняла голову. Её глаза покраснели от пыли.

— Мне бы туфлю найти, милый. Совсем неприлично так сидеть.

— Вы живёте здесь?

— Сорок вторая. На четвёртом.

Натан чуть не отступил.

— Как вас зовут?

— Ада Уиткомб. Вы журналист?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваете?

Он хотел ответить, что видел её имя в документах. Но не знал, как произнести это так, чтобы не раскрыть то, чего боялся.

— Просто… хочу убедиться, что вы в порядке.

Ада кивнула и открыла коробку. Внутри лежали документы, записанные от руки телефонные номера и небольшая фотография молодой пары. Мужчина с зализанными волосами стоял перед автомобилем и обнимал женщину за плечи. Оба смеялись так неосторожно, как смеются только люди, которым кажется, что впереди времени бесконечно много.

— Мужа спасла, — произнесла Ада и неловко усмехнулась. — То есть фотографию его. Сам он девять лет как умер. Странно устроена голова: туфлю потеряла, документы взяла, а мужа не смогла оставить.

Натан почувствовал, как сжимается горло.

— Вы говорили с городской службой?

— Конечно. И вчера, и раньше. Сколько раз — уже не помню. Девочки там хорошие, вежливые. Всегда говорят: мы вас понимаем. А я им: не надо меня понимать, пришлите кого-нибудь посмотреть. Разве я много просила?

Он покачал головой.

— Нет.

— Дом ведь разговаривал, — сказала Ада. — Слышали бы вы. Сначала тихо, потом громко. Только его почему-то тоже никто не слушал.

Натан не удержался и сел рядом с ней на холодный бордюр.

— Там был мальчик, — сказал он. — На третьем этаже.

— Майло. Да. С очками. Всё здоровается, даже когда спешит. Рисунки свои показывает. Его мама ищет. Я не знаю, нашли ли.

Ада помолчала.

— А миссис Харпер… Её в коляске должны были вывозить. У нас лифт в дождь часто останавливался, знаете? Я всё ей говорила, что надо жаловаться, а она только смеялась: «Ада, если я буду жаловаться на всё, что в моей жизни не работает, мне понадобится отдельная телефонная компания».

Натан опустил глаза.

— Вы не могли всего предвидеть.

— Я как раз предвидела, милый. Не всё, конечно. Но достаточно, чтобы попросить посмотреть.

Они некоторое время молчали. Рядом ветер хлопал по мокрой полицейской ленте. Из подвала соседнего магазина пахло газировкой и влажным картоном. Натан обнаружил, что в этом ужасном месте жизнь продолжает производить смешные, бессмысленные запахи и звуки, словно ей совершенно безразлично, что только что произошло.

— Вы хороший человек? — неожиданно спросила Ада.

Натан взглянул на неё.

— Что?

— У вас лицо такое, будто вы кого-то потеряли. А если никого, значит, что-то другое болит. Я спрашиваю не из любопытства.

Он почувствовал, как привычные ответы выстраиваются в очередь: «Конечно». «Пытаюсь». «Как все». «Не хуже других». Любой из них позволил бы женщине улыбнуться и оставить его в покое.

— Не знаю, — сказал он.

Ада смотрела на него долго, с той осторожностью, с какой пожилые люди разглядывают незнакомого ребёнка: не решили ещё, стоит ли ему доверять.

— Это лучше, чем многие отвечают, — произнесла она.

Затем поднялась, придерживаясь за его плечо. Натан предложил руку, она приняла её без благодарностей, будто он просто выполнил то, что должен.

— Я пойду к спасателям, — сказала Ада. — Узнаю про мальчика.

— Вас не пустят.

— Пускай не пускают. Я хотя бы спрошу.

Она осторожно пошла к заграждению на одной туфле, неся перед собой металлическую коробку.

Натан остался сидеть.

Ему хотелось догнать её и сказать всё.

Что он слушал запись. Что знал о жалобах. Что начальник приказал не тревожить процедуру. Что он не нашёл смелости и нажал зелёную кнопку.

Но даже сейчас он представлял прежде всего последствия признания. Потерю работы. Газетные заголовки. Позор матери. Взгляд Джун.

Он так и не поднялся.

* * *

К вечеру подтвердили два смертельных исхода. Погибла миссис Харпер. Вторым оказался пожарный, которого накрыло при повторном обрушении. Семнадцать человек получили травмы, трое оставались в тяжёлом состоянии. Майло Рид выжил, но врачи опасались за его ноги. Его мать Ханна находилась в соседней палате.

На экране телевизора мэр Эндрю Беккет стоял перед зданием ратуши. Вокруг него располагались флаги и люди в деловых костюмах. Он говорил о единстве, стойкости и необходимости тщательного расследования.

Натан выключил звук.

Перед ним появилось сообщение от Джун: «Ты видел новости? Какой ужас».

Он набрал: «Да. Я мог помочь».

Посмотрел на слова.

Удалил.

Написал: «Ужасно».

Отправил.

В комнате было тихо. Из кухни доносилось капанье плохо закрытого крана. Натан не вставал с места, пока за окном не стемнело.

Потом на телефоне пришло ещё одно сообщение. На этот раз от CivicTone.

«Уважаемые сотрудники! В связи с трагическими событиями просим воздержаться от публичных комментариев. Мы полностью содействуем соответствующим органам. Помните: профессиональная этика и конфиденциальность — наша общая ответственность».

Натан прочёл его три раза.

Он почувствовал, как внутри зарождается нечто новое. Не раскаяние: раскаяние уже было. Не злость: для злости он был слишком измотан. Скорее мучительное любопытство.

Если я расскажу правду, кого они станут защищать первым?

Жильцов?

Рут?

Его?

Или себя?

Он не знал ответа. Только заметил, что впервые за день не думает о том, как бы остаться незаметным.

В 23:08 он открыл служебный ноутбук. На рабочем столе лежал файл с резервной копией журнала обращений. Сам Натан сделал её несколькими днями ранее, боясь, что какой-нибудь менеджер задним числом изменит историю заявок. Хранить копию вне корпоративной сети запрещалось.

Он открыл каталог. Нашёл запись 774193.

Нажал «Воспроизвести».

На кухне, в тишине, снова раздался голос Ады:

— А если дом упадёт раньше, чем вы ответите?

После короткой паузы прозвучал ответ Рут:

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Натан слушал это, пока экран не погас из-за бездействия.

Потом включил его снова.

И написал в блокноте одну строчку:

«Они ведь знали».

Он посмотрел на неё.

Слова были правдивы лишь отчасти. Кто-то знал о жалобах, кто-то — о предыдущем обследовании, кто-то — о рисках. Но никто из них не знал всего, что теперь знал Натан. Он

мог превратить множество маленьких, рассеянных решений в один ясный рассказ об одном большом зле.

Он ещё не понимал, как сильно понравится ему эта возможность.

Глава 4. Шесть минут тридцать секунд

В понедельник CivicTone открыла рабочий день минутой молчания.

Сорок восемь сотрудников стояли между одинаковыми столами, держа руки перед собой или за спиной. Брэдли машинально посмотрел на часы. Начальник отдела Джулиан Хейс стоял у стеклянной двери своего кабинета и смотрел в пол с лицом человека, которого сфотографировали для траурной заметки. На мониторах, в соответствии с распоряжением руководства, были открыты корпоративные заставки с чёрной лентой.

Натан думал о том, что минута молчания — это шестьдесят секунд, в течение которых компанию нельзя обвинить в том, что она не знает, как выражать скорбь.

Когда минута закончилась, кто-то кашлянул. На одном столе пискнуло уведомление. Люди снова сели, надели гарнитуры и вернулись к звонкам.

На экране Натана система сообщила, что его показатели за пятницу превысили средние по отделу. В правом углу появилась зелёная звезда.

Он не смог на неё смотреть.

В 9:12 всему персоналу разослали инструкцию. CivicTone выражала соболезнования семьям, обещала сотрудничество с независимой комиссией и напоминала, что разглашение персональных данных заявителей является грубым нарушением закона. Слова «мы искренне скорбим» были выделены курсивом. «Дисциплинарные последствия» — жирным шрифтом.

Натан прочитал письмо до конца и обнаружил, что оно не содержит ни одного вопроса о том, были ли предупреждения жильцов своевременно переданы в городскую инспекцию.

В 10:04 его вызвал Джулиан.

На столе руководителя стояла новая рамка: «ЛИДЕР — ЭТО ТОТ, КТО НЕСЁТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ». Натан почти улыбнулся. Он никогда не знал, как Джулиан выбирает такие надписи, но был уверен, что кто-то тратит на них немалые деньги.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Джулиан.

Вопрос прозвучал с заботой, которой в нём не было.

— Нормально.

— Хорошо. Мы все потрясены. Надеюсь, ты понимаешь, что для нас важно сейчас сохранить профессионализм.

— Я был там вчера.

Джулиан поднял глаза.

— На месте происшествия?

— Да.

— Зачем?

— Не знаю.

Это был первый честный ответ за разговор. Джулиан, однако, выслушал его как проявление слабости.

— Я понимаю эмоциональный импульс, Натан. Но не стоит превращать трагедию в личное испытание. Мы приняли все меры, предусмотренные процедурой.

Натан почувствовал, как внутри поднимается злость.

— Женщина говорила, что дом двигается. Двадцать семь обращений.

— Мы уже обсуждали. Количество обращений не равняется подтверждённой опасности.

— А что равняется? Когда обрушивается лестница?

Джулиан повернул к себе планшет. Движение было очень спокойным, почти ленивым.

— У тебя нет специальных знаний, чтобы оценивать состояние здания. У тебя есть должностные обязанности. Ты их выполнил.

Натан посмотрел на него.

— Вы мне сказали закрыть проверку.

— Я рекомендовал придерживаться регламента. Не перекладывай личное решение на руководителя.

Вот тогда Натан понял, зачем Джулиан никогда не повышает голос. Крик оставляет доказательства. Спокойные слова можно впоследствии назвать советом, а приказ — личным мнением. На экране останется только фамилия человека, который нажал кнопку.

— В журнале закрытия стоит моя учётная запись, — произнёс Натан.

— Именно.

— Но вы знали.

— Натан. — Джулиан снял очки. — Сейчас не время для обвинений. Следствие разберётся. А тебе необходимо продолжать выполнять свою работу.

В коридоре Натан остановился перед чёрно-белым плакатом, на котором люди разных возрастов держали телефонные трубки и улыбались. Подпись обещала: «МЫ СЛЫШИМ КАЖДОГО».

Он неожиданно представил, что плакат висит в комнате пыток. Солнечные лица на картинке. Правильная грамматика. Уверенный слоган. И за стеной — человек, которому не могут ответить.

Натан отошёл от плаката. Ему стало стыдно за собственную мысль: она была слишком резкой, слишком театральной, слишком похожей на дешевую метафору. Но выкинуть её из головы уже не получалось.

* * *

Рут Эллис ждала его возле автомата с кофе. На столе у неё лежали нарезанные яблоки, нетронутые и потемневшие по краям.

— Я слышала, тебя вызывали, — сказала она.

— Всех вызывают.

— Но ты ведь проверял запись.

Натан посмотрел на неё. Он не знал, зачем она спрашивает, хотя ответ казался очевидным.

— Да.

— Я её помню. Эту женщину. Она не кричала. Я тогда подумала: может, поэтому страшнее.

Он молчал.

— Я попросила диспетчерскую передать жалобу дежурному инженеру, — продолжила Рут. — Мне ответили, что уведомление уже ушло автоматически. Я сохранила скриншот. Просто на всякий случай.

— Хорошо, что сохранила.

— Что в этом хорошего, Натан? — Рут смотрела на него устало. — Если всё сделано по инструкции, почему я всю ночь не спала?

Он хотел сказать, что она ни в чём не виновата. Но в собственном оправдании уже слишком привык заменять расследование утешением.

— Ты тогда могла кому-нибудь позвонить ещё раз? — спросил он.

Рут уставилась на него.

— Кому? Я в десяти местах просила передать заявку. У диспетчера был тот же экран, что у меня. Я не могла отправить инженера лично. Могла уволиться посреди смены и поехать на Блум-стрит, но что бы я там сделала?

Он опустил глаза.

— Прости. Я не хотел тебя обвинять.

— Ты и не обвинял. Ты просто пытаешься найти человека, который мог сделать что-то другое.

Рут развернула бумажную салфетку. На ней она нарисовала круг и разделила его на восемь частей, словно даже сейчас пыталась разложить случившееся на понятные действия. Потом перечеркнула одну из линий: на схеме не было места тому, что никто не проверил результат.

— Мы каждый день выбираем из двух кнопок, — сказала она. — И нас учат, что это не решение, а процедура. Но разве процедура сама нажимает кнопку?

Натан долго смотрел на её пальцы.

— Нет.

— Вот и я так думаю.

Они молчали, пока автомат жужжал и выдавал очередную порцию кофе. В коридоре раздался смех Брэдли. Натан не повернул голову. Сначала это показалось ему маленькой победой. Затем он понял, что даже собственное достоинство измеряет реакцией Брэдли.

* * *

Вечером Натан пришёл домой с пакетом продуктов, которые не выбирал. Хлеб, яйца, яблоки, молоко. Он купил всё это потому, что в магазине был короткий список на холодильнике, составленный им несколько недель назад. В очереди он стоял за женщиной с ребёнком. Ребёнок просил жвачку, женщина отвечала «нет», потом «я сказала нет», потом наконец купила жвачку и выглядела при этом так, будто проиграла важный спор. Натан смотрел на них и думал о процедуре. О том, сколько раз в день человек отступает не потому, что его убедили, а потому, что устал защищать своё «нет».

Дома он достал старый отцовский диктофон. Уолтер Келлс пользовался им для записи речей перед клиентами. После смерти отца Натан забрал прибор вместе с коробкой кассет, хотя не мог объяснить, зачем.

Он вставил новые батарейки, нажал красную кнопку и произнёс:

— Здравствуйте. Ваш звонок очень важен для нас.

Прослушал.

Голос был ровным, приятным, скучным. Настолько безличным, что Натан едва узнал себя. Казалось, он произносил фразу уже после собственной смерти и теперь существовал только как запись, которую удобно включать в нужный момент.

Он попробовал иначе.

— Здравствуйте. Ваш звонок очень важен для нас.

На втором дубле голос звучал теплее. Натан понял, что его можно заставить звучать так, будто он переживает за каждого, даже если на самом деле ничего не чувствует.

Он отложил диктофон и открыл служебный ноутбук.

Несколькими днями ранее он сделал резервную копию журнала обращений: боялся, что после обрушения история 774193 исчезнет. Копировать служебные данные на личное устройство запрещалось. Он не был уверен, что даже хранить файл имеет право, не говоря уже о том, чтобы кому-то его отправлять.

В каталоге лежали двадцать семь обращений жильцов. Снимки трещин, описание звуков, комментарии операторов, внутренние пометки. Натан открыл всё сразу. На экране возникла целая стена аккуратно написанных тревог.

У каждой было своё место.

У каждой — свой номер.

Ни одна не смогла стать действием.

Он выделил запись Ады — шесть минут тридцать секунд. Слушал, пока не выучил паузы наизусть.

«А если дом упадёт раньше, чем вы ответите?»

«Пожалуйста, оставайтесь на линии».

Он снова запустил запись. Потом ещё раз.

Натан вспомнил Аду у бордюра, её коробку, одну туфлю и то, как она спрашивала, хороший ли он человек. Ему вдруг показалось, что любой настоящий ответ на этот вопрос потребует не слов, а поступка.

Он открыл пустое письмо.

Набрал адрес редакции «Беллпорт Геральд».

И не отправил.

Вместо этого закрыл ноутбук, погасил свет и лёг спать.

Через час встал.

Снова открыл ноутбук.

Ему было сорок один год. Он не дрался в школе. Не увольнялся со скандалом. Не говорил соседям, что они слишком громко включают музыку. Никогда не пытался изменить решение человека, говорившего с ним уверенно. Но сейчас он держал в руках вещь, от которой могло измениться многое. И впервые не знал, чего хочет больше: чтобы правду услышали или чтобы его самого заметили рядом с ней.

От этого вопроса он испугался почти так же сильно, как от самой записи.

Глава 5. Ошибка системы

Натан не отправил письмо в понедельник.

Во вторник он нашёл пять новых причин этого не делать.

Первая состояла в том, что Ада не давала ему разрешения на публикацию разговора. Он мог бы исказить её жизнь сильнее, чем любая новость. Вторая — что запись принадлежала работодателю, а значит, служебная проверка рано или поздно установит источник утечки. Третья — что следствие уже началось и всё, возможно, разрешится без его участия. Четвёртая — что Джун может пострадать от скандала. Пятая была самой простой и самой большой: ему было страшно.

Он записал эти причины на листке и долго рассматривал список. Первые четыре выглядели благородно. Пятая — честно. Он обнаружил, что почти всегда выбирает между благородной и честной версией одного и того же поступка, даже если никакого поступка ещё не совершил.

В среду на работе появились двое мужчин из службы внутренней безопасности. Один ходил с планшетом, другой — с бумажной папкой. Они говорили тихо, представлялись уважительно и записывали фамилии сотрудников. Ведущему специалисту отдела кадров поручили подготовить список всех, кто обращался к журналу по Блум-стрит после происшествия.

Натан, проходя мимо них, почувствовал, как ладони стали влажными.

— Мистер Келлс? — спросил один.

Он остановился.

— Да?

— Вы не подскажете, где переговорная «Север»?

Натан указал направление. Мужчина поблагодарил и ушёл, не запомнив его лица.

Это унизило Натана больше, чем если бы его сразу заподозрили. Ещё минуту назад он считал себя возможным ключевым свидетелем; теперь снова оказался человеком, которого спрашивают о ближайшей двери.

В обеденный перерыв Брэдли подошёл к его столу.

— Слышал, кто-то сливает документы. Я думаю, это Рут. Она слишком много переживает.

— У тебя есть основания?

— Да ладно, Натан. По людям видно. Посмотри на неё: вся ходит как виноватая.

— Может, потому что два человека погибли.

Брэдли усмехнулся.

— Ты что, тоже решил стать героем?

Натан посмотрел на него. Он хотел ответить. В голове даже возникла удачная фраза: «Для этого, Брэдли, придётся сначала понять, что такое герой». Но вслух он сказал:

— Нет.

Брэдли хлопнул его по плечу.

— Вот и правильно. Нас за это мало платят.

Когда тот ушёл, Натан ещё долго держал руки на столе. Он мысленно повторял несказанную реплику, менял ударения, представлял, как Брэдли теряет улыбку и как коллеги поворачиваются к нему с уважением. Воображаемая победа доставила ему такое удовольствие, что реальность показалась особенно бедной.

* * *

Клара Восс работала в редакции «Беллпорт Геральд» уже тринадцать лет. Она не любила слово «разоблачение», потому что в разговорах с редакторами оно почти всегда означало материал, после которого кто-нибудь должен громко хлопнуть дверью. Её интересовали скорее документы, чем двери.

В четверг утром она сидела у окна, разбирая ответы на запросы о состоянии аварийных домов. На столе стояла чашка с холодным кофе, рядом лежал блокнот, исписанный фамилиями, которые она не разрешала себе печатать, пока не проверит их вторым источником.

На почту пришло письмо без подписи.

Тема: «Вы спрашивали, кто знал».

Внутри — ссылка на папку с документами и аудиофайл.

Клара сначала подумала о подделке. После катастрофы редакция получала десятки анонимных сообщений. Одни обвиняли мэра в намеренном сносе дома ради нового торгового комплекса; другие уверяли, что все жильцы давно знали об угрозе, но отказались переехать ради компенсаций; третьи называли фамилии «виновных» и требовали немедленного ареста, не приложив ни одного доказательства.

Клара открыла архив. Внутри находились номера заявок, фотографии трещин, служебные статусы и запись звонка пожилой женщины. Документы выглядели подлинными, но это ещё не означало, что их можно публиковать. Она позвонила в городской центр обращений, попросила подтвердить номера дел, услышала отказ и записала время разговора. Затем связалась с адвокатом редакции.

— Личные данные убрать, — сказал адвокат. — Адрес вы уже можете назвать, он известен. Имя абонента — только с согласия. Запись, если подлинная, имеет общественное значение, но нам нужны проверки.

— Вы хотите, чтобы мы ждали, пока они сами себе разрешат быть обвинёнными?

— Я хочу, чтобы мы выпустили материал, который выдержит судебный запрос и не навредит свидетелям.

Клара положила трубку. Её раздражало, когда юристы были правы: из-за этого злиться на них становилось трудно.

Она написала отправителю: «Почему вы решили передать архив? Можете подтвердить его происхождение?»

Ответ пришёл через двадцать минут.

«Потому что она предупреждала. А мы закрыли заявку».

Клара прочла сообщение дважды. В слове «мы» было больше информации, чем в длинной папке приложений.

Она уточнила: «Вы работали с обращением?»

Ответа не было.

* * *

Натан отправил письмо поздно ночью, когда не мог больше выдерживать собственных объяснений, почему это делать нельзя. Он ничего не написал о себе. Не оставил имени. Не потребовал публикации. Но, когда файл ушёл, он почувствовал странное удовольствие, будто впервые опоздал на работу намеренно и никто ещё не успел отругать.

Утром он проснулся раньше будильника. Сразу проверил новости. Ничего.

В метро проверил снова. Ничего.

На работе каждые десять минут открывал сайт газеты в отдельном окне. Ничего.

В 11:42 появился заголовок:

«ГОРОД ЗНАЛ: РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА ЗАПИСИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ О СОСТОЯНИИ ДОМА НА БЛУМ-СТРИТ».

Натан нажал на ссылку. В материале были фотографии трещин, хронология жалоб, комментарий независимого инженера и сокращённая запись Ады с удалёнными личными сведениями. Клара осторожно отделяла подтверждённые факты от вопросов, на которые пока не имелось ответа. В конце она спрашивала, по каким критериям повторные предупреждения жителей не были признаны основанием для внеплановой инспекции.

Натан читал статью и испытывал сразу две противоположные эмоции. Облегчение: запись, которую он передал редакции, не исчезла. Раздражение: в заголовке не было ничего о человеке, который её передал.

Он поймал себя на этой второй эмоции и поспешил закрыть страницу.

К обеду аудиофрагмент разошёлся по местным каналам. На экранах телефонов звучал голос Ады: «А если дом упадёт раньше, чем вы ответите?» Люди пересылали запись друг другу, словно страшную молитву, которая наконец получила адресата.

В комнате отдыха сотрудники толпились у телевизора.

— Неужели у нас это хранилось? — спросила молодая девушка из ночной смены.

— Значит, кто-то настоящий герой, — сказал другой сотрудник.

— Или уголовник, — заметил Брэдли. — Личные данные сливать нельзя. Представьте, что кто-нибудь из вас завтра окажется в Интернете.

Натан стоял у двери. Никто не смотрел на него. Никто не подозревал, что человек в старом сером свитере проверял запись того самого звонка и закрыл проверку, после чего обращение перестало появляться в очереди его отдела.

Но теперь они обсуждали его поступок.

Не зная, что он его совершил.

Он вдруг подумал: если бы он представился, изменилось бы их отношение? Остались бы они такими же восхищёнными? Или вспомнили бы, как обычно шутят над ним, и сразу решили, что геройство вышло у него случайно?

Эта мысль зародила внутри неприятное желание. Натан хотел не просто, чтобы правду услышали. Он хотел, чтобы кто-то посмотрел ему в глаза и признал, что он способен на большее, чем закрывать жалобы.

* * *

Джулиан собрал отдел в 15:30.

— Произошла серьёзная утечка конфиденциальных материалов, — начал он. — Мы сотрудничаем с правоохранительными органами. Я требую, чтобы каждый здесь помнил: нарушение процедуры влечёт ущерб не только работодателю, но и заявителям.

Рут сидела в первом ряду, сложив руки на коленях. Натан посмотрел на неё и почувствовал холод. Она действительно могла стать удобной подозреваемой: голос на записи принадлежал ей, она просила дополнительную передачу, она открыто переживала после обрушения.

— Это не смешно, — сказал Джулиан.

Натан не понял, что улыбнулся.

— Простите?

— Я сказал, что ситуация не допускает легкомыслия.

Натан хотел извиниться. Почти произнёс слово, но остановился.

— Я не смеюсь над погибшими, — сказал он.

Джулиан посмотрел на него слишком внимательно.

— Тогда над чем?

Натан почувствовал знакомый жар в ушах. Он мог бы отступить. Сказать, что нервничает. Что плохо спал. Что не так понял. И все немедленно вернулись бы к прежнему порядку.

— Над формулировкой, — ответил он. — Вы говорите, будто заявителям нанесла вред запись. А до её публикации они уже два раза похоронили людей.

В комнате стало тихо.

Брэдли перестал улыбаться.

Джулиан не повысил голос.

— Келлс, останься после собрания.

Вот тогда Натан понял, что иногда правду произносят не потому, что стали смелыми. Иногда просто не успевают вовремя испугаться.

* * *

Вечером городская администрация объявила внеплановые проверки двенадцати зданий. На следующий день таких адресов стало двадцать восемь. Через неделю несколько семей временно переселили из дома на южной окраине, где инженеры обнаружили опасные деформации. Муниципалитет обещал пересмотреть систему регистрации жалоб.

Натан следил за каждой новостью. Ему хотелось считать всё это победой. И отчасти так и было. Но вместе с облегчением он замечал другое: он почти ждал, когда появится новая неисправность, новый отказ, новый повод снова почувствовать себя необходимым.

Однажды вечером на анонимный почтовый адрес пришло сообщение.

«Спасибо. Моему отцу наконец проверили отопление. Год ждал. Вы не представляете, что сделали для нашей семьи».

Натан перечитал слова несколько раз.

Он не мог вспомнить, когда в последний раз его благодарили так, будто он действительно существовал.

Вдруг он почувствовал себя человеком, которому дали открыть дверь комнаты, куда никто не приглашал его с детства. За дверью находилось не счастье, не свобода и даже не справедливость.

Там находились люди, которые хотели слушать его.

Он создал новый адрес электронной почты.

В поле имени набрал:

«Абонент».

Долго смотрел на слово.

И нажал «Сохранить».

Глава 6. Слова, которыми можно согреться

После публикации короткого обращения с адресом для писем Натану Келлсу начали писать как Абоненту. Он решил, что не станет отвечать на все сообщения.

Это казалось разумным. У него была работа, дочь, больная мать, ипотека, которой, к счастью, больше не было, и арендная плата, которая, к сожалению, была. Он не собирался превращаться в круглосуточную справочную службу для всего Беллпорта. Этого не требовала ни мораль, ни здравый смысл.

К утру пришло сто сорок сообщений.

Первое отправила женщина из западного района, которую вместе с двумя детьми трижды переселяли из одного временного жилья в другое. К письму прилагались фотографии матрасов на полу и заключение врача о бронхиальной астме младшего ребёнка. Вторым оказался

водитель автобуса, уволенный после жалобы на неисправные тормоза. Третье письмо написал мужчина, считавший, что его мать умерла не от болезни, а от ожидания медицинской помощи. В четвёртом кто-то требовал наказать соседа за то, что тот якобы изменял жене. Пятое начиналось словами «Вы единственная надежда для нашего народа» и заканчивалось просьбой перевести деньги на карту.

Натан открывал каждое письмо.

Иногда в них обнаруживалась явная неправда. Иногда — настоящая беда, к которой невозможно было подобрать один виновный адрес. В некоторых люди подробно описывали унижения, а потом требовали унизить другого человека ещё сильнее. Натан заметил, что когда читаешь всё подряд, различать справедливость и желание расплаты становится не так просто.

Он сделал таблицу. В первой колонке — имя, во второй — проблема, в третьей — документы, в четвёртой — срочность. Затем добавил пятую колонку: кому передано обращение и подтвердил ли этот человек, что получил его. На мгновение почувствовал себя снова сотрудником CivicTone и с отвращением закрыл файл.

Но спустя час открыл обратно.

Видимо, даже протест против системы легче начинать её собственными инструментами.

К вечеру сообщений стало триста двенадцать. Натан не выходил на улицу. Съел черствый хлеб с сыром. Пропустил звонок матери. На телефон дочери ответил после третьего сигнала, с раздражением, которое не успел скрыть.

— Пап, ты занят?

— Немного. А что случилось?

— Ничего. Просто спросить хотела.

Он посмотрел на экран ноутбука. Новое письмо начиналось заглавными буквами: «ПОЖАЛУЙСТА ПОМОГИТЕ, НАС ВЫСЕЛЯЮТ». Натан почувствовал, как ему трудно сосредоточиться на дочери.

— Слушаю тебя.

— Ты слышал про этого Абонента?

— Да, немного.

— Все в школе слушают. Даже мисс Грин сказала, что это интересный случай гражданской активности.

Он невольно улыбнулся.

— И что ты думаешь?

— Не знаю. Он вроде помогает. Но мама говорит, что он слишком любит, когда на него смотрят.

Натан замер.

— Почему она так решила?

— Она говорит: если хочешь помочь человеку, сначала спроси, что ему нужно. А этот всё время объясняет, какой плохой город.

Он почувствовал раздражение, будто Марианна без его разрешения вошла в комнату.

— Может, твоя мама несправедлива. Благодаря ему начали проверять дома.

— Может. Я же сказала, не знаю.

Джун помолчала.

— А ты бы мог так выступить? Перед всеми?

Он посмотрел на чёрное отражение в окне. За спиной на столе лежал старый диктофон, рядом — нераспечатанный пакет яблок.

— Наверное, нет.

— Я тоже так думаю. Ты даже официантам боишься сказать, что они принесли не то.

Она сказала это без насмешки, как наблюдение о погоде. Внутри Натана что-то неприятно вспыхнуло. Ему хотелось закричать: *Ты не представляешь, кто я!* Но он промолчал.

— Ты обиделся? — спросила Джун.

— Нет.

— Просто ты молчишь.

— Я слушаю.

Джун вздохнула.

— Это не одно и то же, пап.

Когда разговор закончился, Натан долго сидел с телефоном в руках. Ему казалось, что дочь обладает странным даром находить в его жизни именно те места, которые он сам старательно обходит.

* * *

На третий день после публикации записи Натан пришёл в церковный приют, где временно разместили часть жильцов Блум-стрит. В холле пахло стиральным порошком, дешёвым супом и мокрой обувью. На стене висел плакат о сборе одежды. Добровольцы бесконечно повторяли просьбу подписывать принесённые пакеты, чтобы можно было сортировать вещи по размеру.

Ада Уиткомб сидела возле окна с металлической коробкой на коленях.

— Я вас помню, — сказала она, когда Натан подошёл. — Вы тогда у развалин были. Смотрели на меня, как будто я задолжала вам денег.

Он покраснел.

— Я хотел узнать, как вы устроились.

— Временно, милый. Здесь у всех временно. Даже цветы искусственные, чтобы им не пришлось привыкать к людям.

На подоконнике действительно стоял пластмассовый букет. Натан почувствовал неожиданное уважение к её способности замечать смешное там, где другим было не до смеха.

Он сел рядом.

— После записи многое изменилось.

— Да, — сказала Ада. — Теперь меня узнают в магазине.

— Наверное, хорошо, что люди услышали.

Она повернулась к нему.

— Вы уже третий человек за два дня, который говорит мне, что хорошо, когда меня услышали. А мне всё хочется спросить: если бы не погибла миссис Харпер, кто бы стал слушать? Я бы ещё сидела в той квартире с коробкой и ждала инспектора?

Натан не нашёл ответа.

— Вчера мальчишка с камерой попросил повторить слова про потолок. Хотел, чтобы я сказала, как всё было страшно, и немножко заплакала, если смогу. Говорит, люди лучше откликнутся. Я ему ответила, что уже плакала, когда он не снимал.

— Он извинился?

— Нет. Сказал, что я неправильно понимаю современные способы помощи.

Она подняла коробку, проверила, на месте ли крышка, и опустила обратно.

— Некоторые хотят помочь. А некоторые хотят почувствовать себя хорошими. Это не одно и то же, милый.

Натан посмотрел на неё так внимательно, что Ада усмехнулась:

— Вы ведь из той службы?

Он едва не дёрнулся.

— Почему вы так решили?

— Потому что всё время спрашиваете, радуюсь ли я записи. Как будто вам важно, что она кому-то пригодилась.

Он отвёл взгляд.

— Я работал с обращениями.

Ада не удивилась. Словно давно это знала.

— Тогда вы знаете, как я разговаривала с девочкой. Она была добрая. Я на неё не сержусь.

Натан почувствовал, что ему становится ещё тяжелее.

— Как вы думаете, кто виноват?

Ада потерла переносицу.

— Дом не первый день был старый. Кто-то экономил на ремонте. Кто-то подписывал бумаги. Кто-то не читал жалобы. Кто-то, наверное, вообще ничего не знал. Не думаю, что одного человека достаточно, чтобы объяснить такую беду.

Он знал, что она права. И всё же ответ раздражал: он не оставлял места для одного обвинительного предложения, которое можно было бы произнести перед тысячами людей.

— А наказать? — спросил Натан.

— Если виноваты — наказать. Только мне бы сначала хотелось, чтобы Майло мог снова ходить. И чтобы у Ханны была квартира рядом с больницей. А потом уже пусть суд решает, кто чего заслужил.

Она загнула один палец.

— Майло. Потом жильё. Потом оставшиеся дома проверить. Потом, если деньги останутся, нормальную обувь купить тем, кто выбегал в чём был. Вот мой список.

Натан достал блокнот и записал.

Он не знал, что станет делать с этими словами. Они были слишком скромными для революции.

* * *

Натан вернулся домой поздно вечером. Перед уходом из приюта Ада попросила его не называть её по имени ни в каких новых публикациях и не приводить к ней людей с камерами. Он пообещал.

На ноутбуке уже ждало сообщение из редакции.

«Это Клара Восс. Если вы — источник первоначального архива, нам нужно подтвердить несколько обстоятельств. Внутренняя классификация объясняет часть произошедшего, но не доказывает умышленного сокрытия. Пожалуйста, не публикуйте новые имена без проверки».

Натан перечитал письмо. Каждое слово было правильным. Настолько правильным, что захотелось разбить монитор.

Он написал: «Пока вы проверяете, они стирают следы».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Возможно. Поэтому и нужно фиксировать то, что можно доказать. Если у вас есть только злость, она не заменит документ».

Натан откинулся на спинку стула. Он представлял себе Клару в редакции, среди коллег, получающих зарплату, одобрение и уважение. Ему казалось, что осторожность легко советовать человеку, которому не нужно доказывать, что он вообще существует.

Он открыл программу записи звука.

— Они говорят вам ждать, — произнёс он. — Они всегда просят ждать. Но когда приходит беда, выясняется, что время ожидания никому не принадлежит.

Прослушал. Голос получился слишком ровным.

Он начал снова.

— Они научили нас быть вежливыми даже тогда, когда мы умираем.

Второй вариант звучал сильнее. Натан прослушал его три раза и почувствовал горячий прилив удовлетворения. Потом долго подбирал музыку для вступления, пока не понял, что сама тщательность выбора доставляет ему удовольствие.

Перед публикацией он вспомнил список Ады. Майло. Жильё. Проверки. Обувь.

Он мог начать с этого.

Но вместо этого произнёс фразу, которая, как ему показалось, понравится людям сильнее:

— Город не имеет права требовать терпения от тех, кому он уже не оставил времени.

Запись длилась шесть минут тридцать секунд.

На этот раз на другом конце провода не было человека, который мог бы попросить его замолчать.

Глава 7. Голос без лица

Первый выпуск Абонента прослушали семьдесят три человека.

Натан несколько раз обновлял страницу и с трудом скрывал разочарование. Ему хотелось верить, что качество сказанного должно само по себе заставить мир остановиться. Но мир не остановился. Вечером в соседнем доме играла музыка. Автобусы ходили по расписанию. В супермаркете объявили скидку на стиральный порошок. О голосе, который Натан записывал почти до рассвета, знали всего семьдесят три человека, и большинство из них не дослушали до конца.

На второй день появился комментарий: «Вы говорите правильно, но кто вы такой?»

Натан долго смотрел на вопрос.

Ему хотелось ответить: «Тот, кто пытался предотвратить обрушение». Но он сам закрыл заявку. Хотел написать: «Один из немногих честных людей». Но в тот момент честность казалась настолько хрупкой, что прикосновение к этому слову почти разрушало её.

Он ответил: «Один из тех, кого вы привыкли не замечать».

Комментарий собрал двадцать два сердечка.

Натан почувствовал лёгкое головокружение. Двадцать два человека одобрили не его работу, не его вежливость, не его эффективность. Они одобрили фразу, которую он придумал сам.

На третий день на запись сослалась маленькая группа жильцов восточного района. На четвёртый её перепечатал блогер, рассказывавший о муниципальных расходах. К пятому дню прослушиваний стало семнадцать тысяч. Натан снова и снова открывал статистику, следил за графиком, в котором каждая новая точка поднималась выше предыдущей.

Он обнаружил, что успех не успокаивает. Он делает паузу между двумя тревогами ещё короче.

Теперь ему было страшно не только остаться незамеченным, но и перестать быть замеченным.

На работе он стал ещё тише. Когда Брэдли требовал улыбнуться, Натан улыбался. Когда Джулиан поручал дополнительные отчёты, он соглашался. Но теперь внутри этого согласия скрывалось не прежнее бессилие, а тайное превосходство.

Вы не знаете, с кем разговариваете, думал он.

Один раз, глядя на собственное отражение в мониторе, он даже испытал удовольствие от того, что начальник принимает его за беспомощного человека. Он поймал себя на мысли, что тайная власть приятнее открытой: она позволяет презирать другого за его неведение.

* * *

Сначала Натан не использовал настоящие имена. Он рассказывал о домах, где лифты месяцами оставались неисправными, о пенсионерах, терявших документы в электронных очередях, о матерях, которые каждый раз заново доказывали государству существование детей. Он говорил об этом как человек, который однажды очень долго слушал, но теперь наконец решил заговорить.

Не все были согласны.

Один слушатель спросил, почему Натан обвиняет операторов, если сами сотрудники выполняют инструкции. Другой утверждал, что город не может удовлетворять каждую жалобу мгновенно. Третий написал, что нельзя превращать одну трагедию в доказательство всеобщего заговора.

Натан начал отвечать на комментарии.

Поначалу — терпеливо, подробно, со ссылками на документы. Потом заметил, что длинные объяснения почти не получают отклика, зато остроумное оскорбление сразу собирает сотни отметок одобрения.

«Если человеку нужно двадцать семь предупреждений, чтобы понять слово “опасно”, не просите у него тридцатого», — написал он одному спорщику.

Комментарий разошёлся по сети отдельно от разговора.

Натан прочёл его на чужой странице и ощутил странную гордость. Люди повторяли его слова, не зная ни имени, ни лица автора. Иногда кто-то приписывал фразу известному писателю, и это нравилось Натану ещё сильнее. Ему казалось, что он наконец создал мысль, достаточно большую, чтобы жить без него.

Но потом появился первый человек, которому захотелось причинить боль из-за его слов.

Под записью о городском департаменте неизвестный пользователь написал: «Кто знает, где живёт этот инспектор? Сходим поговорим».

Натан собирался удалить комментарий, но передумал. Человек ещё не угрожал. Он всего лишь спрашивал. И по-настоящему разгневанным людям, как говорил сам Натан, не следует затыкать рот.

Через час кто-то прислал адрес старого административного здания.

Натан удалил адрес.

Комментарий, требовавший визита, оставил.

Разница казалась ему принципиальной.

* * *

Клара Восс встретилась с ним в кафе возле вокзала. Натан приехал на двадцать минут раньше, выбрал столик спиной к стене и несколько раз проверил, нет ли в помещении знакомых лиц. Его беспокойство приобрело новый оттенок. Раньше он боялся, что его заметят. Теперь боялся, что заметят слишком хорошо.

Клара вошла без торопливости. Она была ниже, чем он представлял, и носила тёмную куртку, из кармана которой торчал блокнот. На лице не было ни восхищения, ни осуждения.

— Вы Натан? — спросила она.

Он кивнул.

— Клара Восс.

Она села, заказала чёрный кофе, подождала, пока официантка уйдёт, и сразу сказала:

— Я проверила архив. Похоже, подлинный. Вы пытались добиться повторной проверки, а потом закрыли обращение.

Натан напрягся.

— Вы следили за моими действиями?

— Я изучала документы, которые вы сами передали редакции.

— Я отправил их анонимно.

— Анонимность источника я соблюдаю. Но источнику важно понимать, что публикация не сделает его прошлые решения невидимыми.

Натан посмотрел на окно. За стеклом дождь стучал по козырьку, люди перебегали от станции к автобусам.

— У меня не было выбора, — сказал он.

Клара не торопилась отвечать.

— Был. Просто каждый вариант имел неприятную цену.

Он стиснул чашку так сильно, что горячий фарфор обжёг пальцы.

— Вы не работали в такой системе. Вы не знаете, как всё устроено.

— Возможно. Поэтому я спрашиваю. Но если вы хотите говорить публично о чьей-то ответственности, нельзя начинать с утверждения, что у вас её не было.

Натан хотел встать и уйти. Потом понял, что сам назначил встречу и слишком долго ждал её, чтобы теперь сбежать.

Клара разложила документы.

— Есть отчёт по грунтовым деформациям квартала. Муниципалитет его не публикует. Я пытаюсь получить копию у подрядчика. Возможно, инспектор Морроу знал о рисках и сознательно их занизил. Возможно, отчёт был неполным. Нам нужна подпись независимого инженера и история передачи документа.

— Но люди уже погибли.

— Да.

— Сколько ещё подтверждений вам нужно?

— Столько, чтобы мы не наказали другого человека за преступление, которого он не совершал.

Натан невольно рассмеялся.

— Вы говорите так, будто правда — это мост, на который выдают разрешение после каждой доски.

— Иногда так и есть. Особенно если по этому мосту пойдут люди, которым вы обещали безопасность.

Клара убрала один лист и посмотрела на него.

— У вас хороший голос, Натан. Люди его слушают. Это ответственность, а не награда.

Он вздрогнул. Её слова ранили гораздо сильнее, чем могли бы похвалы. Он вдруг понял, что хотел услышать совсем другое: «Вы смелый. Вы сделали то, чего никто не решился». Клара вместо этого предлагала ещё одну обязанность.

— Вы, наверное, думаете, что я опасный человек, — сказал он.

Она задумалась.

— Нет. Я думаю, что вам очень нравится, когда вас наконец слушают. И мне хочется, чтобы вы не перепутали это с тем, что всё сказанное вами верно.

Натан опустил глаза.

После встречи он долго ходил по перрону, не садясь в поезд. Представлял, как ответит Кларе в следующем выпуске. Придумывал острые, точные формулировки. Он даже записал несколько в телефон, но ни одну не опубликовал.

Вечером Джун прислала фотографию маленького бумажного журавлика, которого сделала на уроке. Натан долго выбирал ответ. Написал: «Красивый. Ты сама?»

Она ответила: «Нет, пап, я купила его на фабрике бумажных журавликов».

Он улыбнулся.

На мгновение ему стало достаточно этой улыбки. Графики, комментарии и чужие просьбы отступили. Перед ним находилась двенадцатилетняя девочка, которая наконец позволила себе пошутить с отцом.

Но потом телефон мигнул новым уведомлением: его последний выпуск пересёк отметку в сто тысяч прослушиваний.

Он сразу открыл статистику.

И не заметил, что Джун отправила ещё одно сообщение.

Глава 8. Мужчина в белом коридоре

Сообщение Джун было коротким: «В среду будет выступление. В семь. Ты говорил, что сможешь поменяться сменами».

Натан обнаружил его только утром.

Дочь отправила сообщение вчера, в тот момент, когда он пересматривал график прослушиваний. Натан сел на край кровати и долго не двигался. Слово «вчера» становилось для него всё тяжелее. Вчера можно было ответить, вчера можно было позвонить, вчера можно было заметить, что для другого человека происходит что-то важное.

Он написал: «Конечно. Буду. Я помню».

И тут же понял, что снова солгал. Он не помнил. Дата появилась в его памяти только потому, что дочь повторила её.

В офисе Натан первым делом открыл график смен. На среду стояла внеплановая сверка архивов. Джулиан назначил её всему отделу, и изменить расписание без согласования было невозможно.

Натан пошёл в кабинет начальника.

— Мне нужно уйти в среду раньше, — сказал он.

Джулиан поднял глаза от монитора.

— У нас проверка.

— Я знаю. Но у моей дочери выступление.

— Ты говорил об этом заранее?

Натан помолчал.

— Нет.

— Тогда не понимаю, почему я должен менять расписание.

— Потому что я могу отработать часы в четверг.

Джулиан пристально посмотрел на него. В прежние годы Натан уже начал бы извиняться, уверять, что это неважно, искать компромисс, за который начальнику не пришлось бы ничем жертвовать.

— Это действительно важно? — спросил Джулиан.

— Да.

— Боюсь, не смогу обещать.

Натан почувствовал, как у него холодают руки.

— Тогда я уйду по окончании своей смены. В шесть.

Джулиан медленно закрыл папку.

— Ты понимаешь, какие сейчас обстоятельства у компании?

— Да.

— Хочешь, чтобы я зафиксировал отказ от участия в коллективной проверке?

— Я не отказываюсь от проверки. Я говорю, что уйду по графику.

В кабинете сделалось тихо. Натан слышал, как в соседней комнате щёлкает принтер. Сам не понимал, отчего простая фраза «уйду по графику» требует такого усилия, будто он собирался объявить войну.

— Ты изменился, — сказал Джулиан.

Натан вспомнил слова матери: *«Раньше ты был приятнее»*.

— Может быть.

— Надеюсь, это пойдёт тебе на пользу.

— Мне тоже хотелось бы.

Он вышел из кабинета, не дожидаясь окончательного разрешения. Сердце билось так сильно, словно его только что уволили. Но за этим страхом ощущалось что-то приятное — гордость, которую можно было принести дочери без тайной подписи.

* * *

В тот же день по местному телеканалу показали интервью Эдварда Морроу, руководителя инспекции муниципальных зданий. Мужчина стоял в белом коридоре департамента перед плакатом о безопасности городской инфраструктуры. Его подбородок казался твёрже, чем был в действительности: оператор снимал снизу, предоставляя чиновнику вид человека, который никогда не ошибается.

— Проблема старого жилищного фонда системная, — говорил Морроу. — Выделяемых средств часто недостаточно. Все необходимые проверки проводились в соответствии с действующими нормативами.

Натан смотрел интервью в наушниках. Он останавливал запись после каждого предложения и сравнивал слова Морроу с бумагами.

«Все необходимые проверки».

«В соответствии с нормативами».

«Системная проблема».

Слова звучали безупречно. В них не было людей. Ни старушки в одной туфле, ни мальчика с повреждёнными ногами, ни погибшей миссис Харпер. Вместо них существовали «фонды», «средства» и «нормативы», которые невозможно было обнять, утешить или похоронить.

В архиве муниципальных закупок Натан нашёл договор с компанией «Астер-Куэй», планировавшей реконструкцию части квартала. В нескольких документах повторялась подпись Морроу. Сами по себе эти бумаги не доказывали ни коррупции, ни умышленной халатности: чиновник по должности мог согласовывать десятки подобных решений. Но рядом лежали планы выкупа старых зданий и отчёты о сокращении ремонтных расходов. Совпадения тревожили.

Натан отправил материалы Кларе.

Она позвонила через два часа.

— Я видела. Здесь есть вопросы, но не выводы.

— Вы опять начинаете.

— Натан, подпись на документе ещё не означает, что человек знает всё, что когда-либо делала организация. Нам нужна цепочка передачи информации.

— У вас всегда есть причина подождать.

— У вас всегда есть причина не ждать. Иногда это полезно. Иногда — опасно.

Натан смотрел на замерший кадр Морроу. Тот улыбался так, будто его попросили изобразить уверенность специально для человека, сидящего в темноте перед экраном.

— Я думаю, он знал, — сказал Натан.

— Возможно. Но «я думаю» — не материал для обвинения в преступлении.

Он сбросил звонок.

После этого ещё несколько минут смотрел на экран. Потом открыл аудиоредактор. Перед ним находилась длинная запись интервью. Если вырезать из неё официальные уточнения, оставить только слова про отсутствие подтверждённых сведений и наложить кадры обрушения, Морроу будет выглядеть иначе.

Натан ещё не сделал этого.

Просто заметил, что теперь умеет представить себе такой монтаж.

И сама мысль принесла ему неприятное удовлетворение.

* * *

В среду он ушёл с работы ровно в шесть.

Джулиан не остановил его. Брэдли свистнул вслед, но Натан не обернулся. Он ехал в переполненном автобусе, чувствуя, как под рубашкой выступает пот, и всё время смотрел на часы. Автобус попал в пробку у площади. Натан вышел за три остановки и побежал.

К семи он добрался до школьного зала. На сцене уже стояли дети с музыкальными инструментами. Он нашёл Джун в третьем ряду — она держала скрипку, смотрела на дирижёра и не замечала его.

Натан осторожно сел сзади.

Когда дети начали играть, он понял, что не знает названия произведения. Ему хотелось запомнить каждую ноту, но он постоянно отвлекался на лицо дочери. Джун была сосредоточенной, серьёзной, иногда морщила нос, как в раннем детстве. Один раз её смычок чуть запоздал. Она быстро исправилась и продолжила.

Натан почувствовал странное облегчение: дочери не требовалось быть безупречной, чтобы он ею гордился.

После концерта Джун нашла его у двери.

— Ты пришёл.

— Да.

— Я думала, не успеешь.

— Я тоже.

Она улыбнулась и обняла его крепче обычного.

Натан хотел рассказать, как спорил с начальником, как рисковал работой, как бежал через город. Но вдруг понял, что любое такое объяснение превратит её маленький концерт в очередное доказательство его собственной значительности.

— Ты прекрасно играла, — сказал он.

— Спасибо, пап.

На улице моросил дождь. Марианна ждала у машины. В тот вечер Натан ненадолго почувствовал, что в его жизни существуют вещи, не требующие ни разоблачений, ни тайной власти, ни армии слушателей.

Когда он вернулся домой, новый выпуск Абонента прослушали уже двести тысяч раз.

Натан открыл статистику.

И снова стало трудно оторваться.

Глава 9. Третий стул

В четверг Натан проснулся от звука собственных аплодисментов.

Сначала ему показалось, что аплодируют за стеной: кто-то включил телевизор слишком рано. Потом он понял, что звук доносится из телефона. Ночью он оставил ролик с выступлением городского совета на паузе; в шесть сорок приложение автоматически запустило следующий файл — запись его собственного обращения, смонтированную кем-то под кадры разрушающегося дома. В конце ролика из какого-то старого концерта подставили овацию.

На экране под его голосом светилось: «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАСТАВИЛ ИХ СЛУШАТЬ».

Натан вырубил звук.

В квартире стало так тихо, что он услышал, как щёлкает термостат у батареи.

Ещё вчера вечером Джун обняла его после концерта. Он помнил вес её руки у себя на шее, торчащие из чехла смычка волоски и серьёзность, с которой она спрашивала, не было ли слышно, как она ошиблась в середине пьесы. Натан сказал, что слышал. И что это ничего не испортило.

Теперь между этим воспоминанием и утром находилось сто сорок семь новых сообщений от слушателей.

Письма были похожи на очередь, у которой отсутствовал последний человек. Одни благодарили. Другие просили связаться с журналистом, врачом или депутатом. Третьи просто хотели, чтобы неизвестный голос произнёс их фамилию: тогда, казалось им, беда станет настоящей. Натан читал и всё чаще ловил себя на том, что отвечает людям не словами, а мысленными рубриками: срочно, непроверено, пригодно для выпуска, слишком сложно, повтор.

Он ненавидел эту привычку. Но отказаться от неё не мог: иначе не хватило бы даже жизни.

На одном письме он задержался.

«Мистер Абонент, — писала женщина по имени Ханна Рид. — Я не знаю, читаете ли вы эти сообщения. Моего сына Майло извлекли из дома на Блум-стрит. Вы упоминали его в одном из выпусков, и мне хотелось бы попросить вас больше этого не делать. Он не символ. Он мальчик. По ночам он спрашивает, смогут ли врачи вернуть ему ноги такими, какими они были. Я пока не знаю, что ответить. Пожалуйста, не делайте из него доказательство своей правоты».

Натан перечитал последнее предложение.

Сначала пришло раздражение. Он ни разу не называл Майло по фамилии. Напротив, говорил осторожно, чтобы показать слушателям человеческую сторону трагедии. Благодаря записям власти начали действовать. С какой стати его просят замолчать?

Потом он представил, как двенадцатилетняя Джун лежит в больнице, а неизвестный мужчина каждый вечер произносит в сети её имя с особой интонацией. Многотысячная толпа слушает и рассуждает о том, насколько её боль убедительна.

Он закрыл письмо.

На работу всё равно нужно было идти.

* * *

К полудню в CivicTone установили новые перегородки между столами. Руководство объявило, что это мера для защиты персональных данных. Натан подозревал другую причину: раньше, если сотрудник плакал после тяжёлого разговора, его могли увидеть соседи. Теперь плач оставался частным событием, которое не мешало работе отдела.

Рут Эллис пришла к его столу с папкой.

— Ты видел изменения в протоколах?

— Какие?

— Обращения по аварийному жилью теперь будут идти через дополнительное согласование.

— Разве это не хорошо?

— Смотря что считать хорошим. Дополнительное согласование — это ещё три дня. До Блум-стрит такие обращения хотя бы попадали инженерам автоматически.

Натан поднял глаза.

— Значит, они снова придумали способ ничего не делать.

— Возможно. Но я хотела показать тебе другое.

Рут раскрыла папку. Внутри лежал список исправлений, составленный после внутренней проверки. Одна из граф называлась «избыточная эмоциональная вовлечённость оператора».

— Теперь, если сотрудник советует человеку срочно покинуть здание, его могут наказать за выход за пределы компетенции, — сказала Рут. — Даже если он слышит, что там падают балки.

Натан почувствовал знакомое горячее движение под рёбрами.

— Это надо опубликовать.

— Нет, — быстро ответила она.

Он удивился.

— Почему?

— Потому что сначала нужно понять, окончательный это документ или черновик. И можно ли его отменить. Я вчера говорила с двумя начальниками групп. Они сами возмущены.

— Пока вы будете разговаривать, кто-нибудь ещё погибнет.

Рут закрыла папку.

— Ты раньше не говорил «вы» в таком смысле.

— В каком?

— Будто я уже на другой стороне.

Он хотел возразить, но женщина продолжила:

— У меня дома лежит копия вызова Ады. Я её не выбросила. Каждую ночь думаю, что могла сказать по-другому. Но когда ты произносишь «пока вы разговариваете», мне кажется, что ты даже не видишь, с кем сейчас говоришь.

Она ушла, оставив на его столе запах яблочного мыла.

Натан открыл протокол, который Рут успела переслать на внутреннюю почту, и сделал снимок экрана. Он убеждал себя, что сохраняет доказательство на случай удаления. Пока файл загружался в личное хранилище, он всё время смотрел на вход в кабинет Джулиана.

* * *

В четыре часа Натан вышел из офиса и поехал в больницу Святого Мартина.

Он не предупредил Ханну. Ему показалось, что личный разговор исправит недоразумение. Если она увидит не «Абонента», а обычного человека в мокром плаще с неудачно завязанным шарфом, то поймёт, что он не желает зла её ребёнку.

На втором этаже пахло дезинфекцией и чем-то сладким из автомата для напитков. Женщина за стойкой долго изучала его водительские права.

— Вы родственник?

— Нет.

— Друг семьи?

— Я… знаю о случившемся.

— Об этом знает весь город, сэр.

Он покраснел.

— Мне нужно передать матери одну вещь.

— Оставьте здесь.

Натан посмотрел на свои пустые руки. Ничего он не принёс.

— Я хотел лично поговорить.

— Тогда договаривайтесь с ней. Без разрешения посетителей не пропускают.

Он отошёл к окну. Внутри возникло оскорбительное чувство, знакомое с детства: у него важные намерения, а какая-то незнакомая женщина останавливает его из-за правил. Он уже представлял, как расскажет об этом голосом Абонента, — «даже мать раненого ребёнка ограждают от тех, кто пытается помочь», — когда увидел в коридоре Ханну.

Она толкала инвалидную коляску. В кресле сидел худой мальчик в синем свитере. На коленях у него лежала большая книга о морских животных. Мальчик показывал матери фотографию осьминога.

— Восемь рук, — говорил он. — Он мог бы играть на четырёх скрипках.

Ханна улыбнулась. Улыбка вышла измученной, но настоящей.

Натан шагнул им навстречу.

— Мисс Рид?

Женщина остановилась.

— Да?

— Меня зовут Натан Келлс. Я… один из тех, кто занимался обращениями по Блум-стрит.

Ханна посмотрела на него настороженно.

— Мы уже общались со следователем.

— Я не оттуда.

— Тогда откуда?

Натан почувствовал, что сейчас необходимо сказать правду. Слова стояли у него за зубами, огромные, неудобные.

— Я передал записи журналистам, — произнёс он наконец. — Помог сделать всё известным.

Ханна не поблагодарила.

— Значит, это вы?

— Я не хотел, чтобы вас опять заставили ждать.

— Я просила не упоминать Майло.

Он кивнул.

— Да. Я получил письмо.

— И приехали обсудить, почему вам всё-таки можно?

Мальчик поднял голову.

— Мам, кто это?

Ханна присела перед коляской.

— Человек, который хочет поговорить. Мы скоро пойдём.

Натан неожиданно опустился на корточки, чтобы оказаться с мальчиком на одном уровне.

— Привет, Майло.

— Привет.

— Что читаешь?

— Про океан.

— Хорошая книга?

— Да. Тут есть рыбы, которые светятся в темноте. Потому что там, внизу, совсем нет солнца.

Натан хотел сказать что-нибудь доброе. Например, что Майло сильный. Или что всё обязательно будет хорошо. Но в этот момент увидел, как мальчик осторожно прижимает книгу к коленям, чтобы она не соскользнула, и понял: обещание не принадлежит ему.

— А какая рыба тебе нравится? — спросил он.

— Не рыба. Осьминог. Он умеет открывать банки. Мама говорит, я тоже смогу, если тренироваться.

Ханна положила ладонь сыну на плечо.

— Пойдём, у нас занятия.

Мальчик раскрыл книгу на нужной странице, словно хотел запомнить место, и они поехали дальше.

Натан остался в коридоре рядом с Ханной. Она повернулась к нему.

— Вы хотели помочь? — спросила она.

— Да.

— Тогда есть фонд, который оплачивает реабилитацию. Им нужны документы о жилье и медицинских расходах. Они не берут записи с чужими слезами. Им нужны люди, которые помогают заполнять формы. Если хотите, можете прийти во вторник.

Он растерялся.

— Я могу собрать пожертвования через канал.

— Можете. Но я сейчас попросила о другом.

Натан почувствовал, что его как будто снова посадили за офисный стол.

— Во вторник я работаю.

— Я тоже работала до этого, — сказала Ханна. — Теперь не могу. У всех свои обстоятельства.

Она не произнесла это зло. Вежливо кивнула и ушла к лифту.

Натан смотрел вслед.

Его не оскорбили.

Не обвинили.

Даже не отказались от помощи.

Ему предложили самую обычную работу, без имени, без публики, без записи.

И от этого было стыдно сильнее, чем от любой грубости.

* * *

Вечером он включил микрофон.

— Сегодня я был в больнице, — сказал он.

Запись неожиданно сорвалась: голос прозвучал деловито, почти торжественно.

Он остановил её.

Попробовал ещё раз:

— Я видел, как человек учится жить после чужого равнодушия.

Это звучало хорошо. Он повторил фразу. Потом подумал о Ханне, которая не просила рассказывать о встрече, и выключил микрофон.

За окном кто-то резко нажал на автомобильный гудок. Натан вздрогнул.

Он мог поехать во вторник и помочь с формами.

Он мог не рассказывать об этом никому.

Эта мысль казалась ему правильной — и почти невыносимой.

Вместо записи он отправил Ханне короткое письмо: «Вы правы. Я приду во вторник после работы и помогу, чем смогу. О встрече рассказывать не буду».

Затем перечитал сообщение, будто проверял, достаточно ли в нём благородства.

Ответа не было.

Утром он первым делом проверил, не ответила ли она.

Не ответила.

И уже тогда он начал злиться.

Глава 10. Живые документы

Клара Восс не любила людей, которые приходят с готовой правдой.

Обычно это означало, что ей предложат убедительную историю, а потом обидятся, когда она попросит проверить имена и даты. Городская журналистика воспитывала в человеке два несовместимых качества: недоверие ко всем и необходимость разговаривать со всеми вежливо.

В пятницу утром она ждала в редакции инженера по имени Леон Мерсер.

Часы над дверью показывали девять двадцать. Сквозь окна было видно, как на соседней улице рабочие вешают праздничные флаги перед Днём Беллпорта. В редакционном чате спорили, считать ли ремонт мэрии новостью или рекламой администрации.

Леон пришёл без зонта. Серое пальто промокло на плечах, в руках он держал пластиковую папку, прижатую к груди так крепко, будто боялся, что документы у него отнимут.

— Мне говорили не приходить, — сказал он вместо приветствия.

— Кто?

— Люди, которым я должен деньги.

Клара предложила ему сесть.

— Тогда давайте сначала выясним, зачем вы пришли.

Леон смотрел на диктофон, лежавший между ними.

— Если я расскажу, вы напишете моё имя?

— Не без вашего согласия. Но для проверки документов мне нужно понимать, как они попали к вам.

Он медленно достал из папки четыре листа.

Первый был счётом подрядчика. Второй — промежуточным актом обследования. Третий содержал таблицу с отметками о трещинах, ширине раскрытия и возможной подвижке грунта. На четвёртом стояла подпись инспектора Морроу. Но подпись была рядом с формулировкой «получено к сведению», а не «утверждено».

Клара аккуратно разложила страницы.

— Кто составлял обследование?

— Я был старшим техником. Документ делала наша группа.

— Почему он не появился в реестре?

Леон провёл ладонью по подбородку.

— Потому что это предварительный отчёт. Мы рекомендуем дополнительные замеры, а начальство решает, нужны ли они.

— Рекомендовало ли ваше начальство эти замеры?

— В переписке — да. Устно нам сказали, что бюджет перенесли.

— Кто сказал?

Он назвал фамилию руководителя подрядной организации.

Клара записала.

— Вы понимаете, что этого недостаточно для обвинения в умышленном сокрытии?

— Мне не нужно никого обвинять, — сказал Леон. — Мне нужно, чтобы вы знали: трещины появились не в воскресенье. Мы их видели в августе.

Клара посмотрела на документ.

Подпись Морроу существовала. Но рядом не было доказательства, что он прочитал весь отчёт, и тем более что понимал опасность скорого обрушения. Возможная ответственность чиновника была серьёзным вопросом; готовый ответ по-прежнему отсутствовал.

— Почему вы пришли сейчас?

Леон опустил глаза.

— Потому что миссис Харпер жила на четвёртом. Я видел её однажды, когда мы делали замеры. Она спросила, опасно ли там. Я ответил: «Не могу сказать». Я правда не мог. Но она улыбнулась и сказала, что, наверное, всё в порядке.

Он вынул из кармана сложенную салфетку и медленно развернул её, словно там могла оказаться подсказка.

— У меня есть дочь, — произнёс он. — Ей девять. И теперь я всё время представляю, как она спрашивает меня о чём-нибудь важном, а я говорю: «Не могу сказать».

Клара не стала его утешать.

Она спросила, можно ли оставить копии.

Он разрешил.

* * *

Натану она позвонила в обед.

— У меня появился свидетель, — сказала Клара.

Он выпрямился.

— Морроу?

— Не совсем. Технический специалист, который участвовал в обследовании.

— Он подтвердил, что чиновники знали?

— Он подтвердил, что определённые данные были получены и переданы. Кому именно, как и с какими выводами — ещё проверяем.

— Вы постоянно уточняете.

— Потому что пока это единственный способ не соврать.

Натан поднял взгляд от рабочего экрана.

На нём открылась жалоба женщины, требовавшей вернуть незаконно списанный платёж за отопление. Сумма была меньше пятидесяти долларов. Она звонила восьмой раз.

— Клара, — сказал он, — вы хоть понимаете, что люди ждут?

— Очень хорошо. Я сегодня говорила с человеком, который ждал полтора месяца, прежде чем осмелился показать документы. Он может потерять работу. Он не персонаж для вашей следующей записи.

Натан сжал телефон.

— Вы мне не доверяете.

— Я доверяю тому, что могу проверить. И прошу вас: не публикуйте имя Морроу в контексте этого отчёта до проверки цепочки передачи.

— Его имя уже в телевизоре.

— Не в этом качестве.

Он ответил, что понял, и закончил разговор.

Ему хотелось кричать. Но в соседнем отсеке сидела Рут, а прямо над монитором висел новый плакат: «УВАЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ С НАС».

Натан нажал кнопку завершения обращения.

В поле «Комментарий» машинально поставил галочку «Консультация предоставлена».

Через несколько секунд он осознал, что не помнит, чем закончился разговор с женщиной, звонившей из-за отопления.

* * *

Вечером ему позвонила мать.

Эвелин Келлс уже много лет говорила так, будто между любыми двумя людьми существовала опасность недоразумения и она одна могла предотвратить его громкостью голоса.

— Твоя сестра прислала фотографии племянника, — сообщила она.

— У меня нет сестры, мама.

На другом конце стало тихо.

— Господи, — сказала Эвелин. — Я хотела сказать: соседка. Нина. У неё внук.

Натан сел на край стола.

Его мать забывала слова всё чаще. Иногда называла знакомых именами людей, умерших двадцать лет назад. Иногда рассказывала один и тот же случай дважды за вечер. Раньше Натан раздражался. Теперь раздражался ещё сильнее, потому что боялся.

— Ты приняла таблетки? — спросил он.

— Какие ещё таблетки?

— Те, что врач назначил в прошлый четверг.

— Я в порядке. Перестань разговаривать со мной как с ребёнком.

Он взглянул на календарь. В воскресенье обещал отвезти её к специалисту. Забыл записать время.

— Я заеду завтра, — сказал он.

— Зачем?

— Просто так.

— У тебя больше нет своих дел?

— Есть.

— Тогда не нужно. Я не хочу быть обузой.

Он уже собирался ответить привычным «ты не обуза», когда услышал в её голосе не только привычное давление, но и настоящий испуг. Мать действительно боялась лишиться самостоятельности. Ей казалось, что любая помощь будет означать чью-то власть над её жизнью.

Натан медленно произнёс:

— Я заеду, потому что хочу тебя увидеть.

Она помолчала.

— Ну если так, купи молока. Только не обезжиренного.

— Хорошо.

— И не опаздывай. Я терпеть не могу ждать.

Натан закрыл глаза.

Всё в его жизни неожиданно стало связано с ожиданием.

Он представил, как люди, которым он обещал помочь, стоят у дверей с папками, фотографиями, письмами. Как дочь ждёт его на школьном концерте. Как мать ждёт молоко. Как Клара ждёт доказательства. Как жители Блум-стрит ждали инженера.

И какое-то время ему казалось, что он действительно обязан быть для всех сразу.

Позже, лёжа в темноте, он впервые подумал не «почему никто не помогает?», а «почему они всё требуют от меня?».

Мысль оказалась неожиданно приятной.

* * *

На следующий день он пришёл к матери с молоком и запечённой курицей.

Эвелин жила в доме на окраине, где каждый предмет знал своё место и почти никто не смеялся. На стене в коридоре висела фотография Уолтера Келлса, отца Натана: прямые плечи, жёсткий подбородок, улыбка человека, который считал слабость плохим воспитанием.

В детстве Натан учился распознавать настроение отца по звуку ключа в замке. Если ключ застревал и Уолтер ругался, мальчик старался не выходить из комнаты. Если дверь открывалась легко, можно было попробовать показать школьный рисунок.

Мать разложила салфетки.

— Ты похудел, — сказала она.

— Ты говорила это в прошлый раз.

— Потому что правда.

Она подошла к плите, сняла крышку с кастрюли и принялась искать деревянную ложку, которая лежала у неё в руке.

Натан не указал на неё сразу.

Он боялся увидеть, как мать поймёт свою ошибку.

Когда Эвелин обнаружила ложку, она рассмеялась коротко и зло.

— Совсем рассеянная стала.

— У всех бывает.

— У твоего отца такого не бывало.

Натан молча разрезал курицу.

За обедом мать спросила о Джун. Он рассказал про концерт. Про то, как дочери удалось справиться с ошибкой во время выступления.

— Хорошо, что ты пришёл, — сказала Эвелин. — Дети запоминают такие вещи.

Натан чуть не ответил, что это она могла бы сказать раньше. Но увидел, как её пальцы ищут чашку, которая стояла рядом, и вместо этого подвинул чашку ближе.

— Мам, я хотел спросить, — начал он. — Отец когда-нибудь говорил, что гордится мной?

Эвелин удивилась.

— Что за вопрос?

— Просто хочу знать.

— Он много работал ради семьи.

— Я не спрашивал, сколько он работал.

Она положила вилку.

— Уолтер не любил громких слов.

— Он любил громкие слова. Особенно когда я делал что-нибудь не так.

— Ты же знаешь, какой он был.

— Знаю.

Натан смотрел на тарелку.

— И всё-таки. Он когда-нибудь говорил, что гордится мной?

Мать растерянно улыбнулась.

— Наверное. Я не помню.

От этих слов ему стало больно так, будто ответ был окончательным.

Он вдруг понял: всю жизнь ждал подтверждения от человека, который уже не мог ему ничего сказать, а теперь спрашивал о нём женщину, начинавшую забывать вчерашний день.

Эвелин протянула руку и накрыла его пальцы своими.

— Я тобой горжусь, Натан, — сказала она.

Он посмотрел на неё.

Ему хотелось поверить. Но в этой фразе слишком отчётливо слышалось утешение.

* * *

По дороге домой Натан зашёл в магазин канцелярских товаров и купил толстую чёрную тетрадь.

На первой странице написал: «ДОКАЗАТЕЛЬСТВА».

Потом зачеркнул.

Написал: «ТО, ЧЕГО ОНИ НЕ ХОТЯТ СЛЫШАТЬ».

Это звучало значительно лучше.

Он стал заносить туда документы, фамилии, обрывки разговоров и чужие просьбы. Рядом с каждой фамилией оставлял место для примечания: кто помог, кто соврал, кто промолчал, кто обидел.

У Джулиана Хейса оказалась целая страница.

У Эдварда Морроу — две.

Клара Восс получила только одну строчку: «Не верит, пока не станет поздно».

Под именем Рут он долго ничего не писал.

Потом вывел: «Боится».

И закрыл тетрадь.

Глава 11. Искусство паузы

Первым правилом Натана было не называть себя.

Вторым — не просить денег.

Третье он придумал в воскресенье: никогда не повышать голос.

Он заметил, что тихая речь заставляет людей прибавлять громкость. Это давало ощущение близости. Ты наклоняешься к телефону, как к человеку, который рассказывает секрет, и незнакомец становится частью твоей комнаты.

В понедельник утром Натан прослушал три своих старых выпуска подряд.

В первом он говорил быстро, почти извинялся. Во втором — увереннее. В третьем после каждого сильного предложения оставлял пустоту, в которую слушатель мог поместить собственное негодование.

Пауза работала лучше любого крика.

Он научился делать её искусственно.

Волновая дорожка на экране была похожа на кардиограмму. Натан растягивал промежутки между словами, убирал дыхание, вычищал нерешительные «кажется» и «возможно». После монтажа его голос звучал так, будто в нём никогда не возникало сомнений.

Самым удивительным было то, что люди благодарили его за честность.

* * *

Во вторник, когда он обещал прийти к Ханне Рид и помочь с документами, руководство CivicTone назначило общую встречу по вопросам внутренней безопасности.

Джулиан выступал перед отделом, стоя у проектора.

— Мы все понимаем, что последние события привлекли нежелательное внимание, — сказал он. — Компания сотрудничает с городскими службами. Однако несколько сотрудников нарушили порядок хранения данных.

Натан ощутил, как у него свело живот.

— До завершения проверки доступ к архивным обращениям будет ограничен. Прошу не обсуждать внутренние процедуры за пределами компании.

Кто-то спросил, будут ли увольнения.

— Рассматриваются все варианты, — ответил Джулиан.

Брэдли, сидевший через ряд, оглянулся на Натана. На мгновение их взгляды встретились. Брэдли не улыбнулся. От этого стало хуже.

Рут задала вопрос о новом порядке классификации аварийных заявок. Джулиан ответил, что документ ещё не вступил в силу и отдел ждёт уточнений юристов. Натан почувствовал неприятное облегчение: формально Рут оказалась права, назвав тот протокол черновиком. Но тут же решил, что это ничего не меняет. Важна ведь не бумага, а намерение.

После встречи он посмотрел на часы.

До больницы оставалось сорок минут. Он мог уйти ровно в шесть и успеть, если автобусы не застрянут в пробке.

В 17:46 Джулиан вызвал его в кабинет.

На столе лежала распечатка журнала доступа.

— Ты делал копии внутренних документов на личный носитель? — спросил начальник.

Натан почувствовал, как пересохло во рту.

— Почему вы спрашиваете?

— Это не ответ.

— Я сохранял материалы для служебной проверки.

— На личное устройство?

— Некоторые записи могли исчезнуть.

Джулиан сложил ладони.

— Ты сейчас понимаешь, что признаёшь нарушение?

Натан посмотрел на него.

Он мог сказать, что материалы никогда не должны были исчезать. Мог напомнить про двадцать семь звонков, про Аду, про погибшую миссис Харпер. Мог встать и уйти.

Но прежде всего он вспомнил арендную плату.

— Я не передавал персональные данные посторонним, — сказал он, тщательно выбирая слова.

Это была неправда.

Он ведь передал журналистам архив с записью Ады, хоть и удалил из публичной версии имена. И теперь впервые произнёс ложь не для удобства другого человека, а для собственной защиты от разоблачения.

Джулиан поднял бровь.

— Мы проверим.

Натан молчал.

— До окончания проверки ты переводишься на административные задачи без доступа к архиву. И подпиши уведомление.

Он взял ручку. Почерк оказался неровным.

В 18:19 Натан вышел из здания.

Он уже опоздал к Ханне.

По дороге к автобусной остановке достал телефон и написал: «Извините, сегодня не получится. На работе непредвиденные обстоятельства».

Потом добавил: «Я обязательно помогу в другой день».

Подумал.

Удалил вторую фразу.

Ответ пришёл через минуту: «Документы мы оформили. Спасибо, что предупредили».

Натан остановился у рекламного щита.

Никаких упрёков.

Никаких жалоб.

Ханна не стала спрашивать, почему он не пришёл. Она просто нашла другого человека.

И это почему-то оказалось обиднее, чем если бы она его прокляла.

* * *

Поздно вечером Клара прислала подтверждение: отчёт Леона Мерсера был настоящим. Подрядчик выполнил обследование, а материалы поступили в муниципальный департамент. Но важная деталь изменила картину: заключение требовало дополнительного наблюдения и не содержало прямого предупреждения о немедленном обрушении. За три недели до аварии другой инженер направил запрос на повторные измерения, который остался без ответа.

Клара писала, что готовит большую публикацию и пытается получить комментарии Морроу, подрядчика и департамента. Она просила Натана не опережать проверку.

Он прочитал сообщение и открыл свою чёрную тетрадь.

У Морроу было две страницы.

Он добавил третью.

«Получил предупреждение. Ничего не сделал».

Это было проще, чем действительная цепочка документов.

Потом открыл программу монтажа.

Взял телевизионное интервью Морроу, где тот отвечал на разные вопросы о городской инфраструктуре. В одном месте чиновник говорил: «Нам не поступало подтверждённых сведений о непосредственной угрозе». Через несколько минут он добавлял, что предварительные отчёты и жалобы жильцов должны анализироваться отдельно от окончательных инженерных заключений.

Натан вырезал пояснение.

Получилась короткая, почти издевательская сцена: Морроу произносил «не поступало подтверждённых сведений», а затем звучал голос Ады с вопросом о том, что будет, если дом упадёт раньше ответа.

В таком виде две записи создавали впечатление прямого разговора между чиновником и старухой, которого никогда не существовало.

Натан посмотрел на монтаж.

Он понимал, что зритель не увидит последовательности. Не узнает, что одна фраза относилась к юридическому статусу отчёта, а другая прозвучала задолго до интервью. Не заметит того, что заметил бы любой редактор.

Он снял наушники.

Прошёл на кухню.

Налил воды.

Вернулся.

В голове прозвучал голос Джун: «Зачем ты врёшь?»

Натан перемотал файл назад.

Вернул вырезанное пояснение на место.

Запись стала дольше на двадцать восемь секунд.

И гораздо слабее.

Он прослушал её.

Снова удалил пояснение.

Потом сказал вслух:

— Но он ведь знал.

В пустой комнате ответить было некому.

Натан сохранил короткую версию под названием «Они знали».

Опубликовал.

* * *

Через сорок минут у ролика было пятьдесят тысяч просмотров.

Через два часа — двести десять тысяч.

К утру его включили в утренний обзор новостей одного из региональных каналов. Ведущий назвал запись «предположительно смонтированным сопоставлением» и предупредил, что редакция не может подтвердить контекст.

В комментариях это предупреждение восприняли как доказательство давления на СМИ.

Люди требовали отставки Морроу. Кто-то нарисовал его лицо на мешке с мусором и повесил возле мэрии. Кто-то организовал сбор подписей. Кто-то опубликовал фотографию жен-

щины, которая работала в департаменте и была похожа на его супругу. Она оказалась совершенно другим человеком.

Натан удалил фотографию.

Потом ещё пять.

Потом перестал успевать.

В десять утра ему позвонила Клара.

— Вы вырезали ответ, — сказала она без приветствия.

— Я сократил интервью.

— Вы изменили смысл.

— Смысл в том, что люди предупреждали.

— Вы создали впечатление, будто Морроу отвечает именно Аде. Это ложь.

— По-вашему, он невиновен?

— Я такого не говорила. И вы это знаете.

Натан ходил по кухне из угла в угол.

— Пока вы уточняете формулировки, они собирают пресс-конференции, где рассказывают, какие они хорошие. Я просто ответил их языком.

Клара помолчала.

— То есть вы решили, что если другие искажают факты, вы тоже имеете право?

— Я решил, что иначе меня не услышат.

— Вас уже слышат, Натан. Именно поэтому вы не имеете права так делать.

Он остановился.

За окном проехала машина с рекламой городского фестиваля. На борту был нарисован улыбающийся ребёнок с воздушным шаром.

— Вы не понимаете, — произнёс он.

Клара вздохнула.

— Возможно. Но одну вещь понимаю: вам важнее, чтобы люди услышали вас, чем то, что произошло на самом деле.

Натан закончил разговор.

У него дрожали руки.

Он хотел бросить телефон в стену. Вместо этого открыл статистику.

Число просмотров продолжало расти.

И дрожь постепенно исчезла.

Глава 12. Неправильный адрес

Сначала пострадала женщина, которую Натан никогда не видел.

Её звали Лорен Пирс. Тридцать четыре года. Она работала секретарём приёмной муниципального департамента и восемь лет отвечала на вопросы посетителей о графике работы инспекторов. На обрушение Блум-стрит она не влияла. Не составляла актов. Не принимала решений. В тот день, когда поступила последняя жалоба Ады, Лорен находилась в отпуске и пыталась научить своего шестилетнего сына плавать.

Но имя женщины оказалось на служебном бланке, который кто-то сфотографировал и выложил рядом с записью Абонента.

В подписи утверждалось: «ВОТ КТО ПРЯТАЛ ЗАЯВЛЕНИЯ».

Адрес приёмной стоял открыто. Потом кто-то нашёл личную страницу Лорен в сети. Потом — фотографию дома, где она жила с сыном.

К четвергу у её двери оставили пакет с треснувшей штукатуркой и запиской: «ПОСЛУШАЙ, КАК ПАДАЕТ ПОТОЛОК».

Лорен вызвала полицию.

Полиция составила протокол.

На следующий день её сын отказался идти в школу, потому что услышал от одноклассника, что мама «убила людей в доме».

Натан узнал об этом из письма Рут.

«Ты должен знать, — написала она. — Женщина на фотографии ни в чём не виновата. Это секретарь, её даже не было в городе. Попроси людей прекратить».

Он открыл публичный канал.

Под последней записью было больше трёх тысяч комментариев. В одном из них кто-то действительно опубликовал фамилию Лорен, назвав её «смотрительницей мёртвых жалоб». Другие пользователи уже спорили о том, должна ли она бояться.

Натан удалил сообщение с адресом.

Затем написал предупреждение: «Не размещайте личные данные и не угрожайте людям. Наша цель — ответственность по закону».

Он прочёл фразу и остался доволен.

Через несколько минут подписчики начали требовать новых имён.

«Абонент, ты же сам говорил: они все знали».

«Почему теперь покрываешь?»

«Не останавливайся, мы с тобой».

Натан долго смотрел на экран.

Вчера его голос казался людям необходимым. Сегодня от него требовали большей жестокости.

Он мог остановить выпуск и объяснить, что конкретные документы не доказывают вины секретаря. Мог извиниться за собственный монтаж. Мог публично отделить факты от предположений.

Вместо этого опубликовал ещё одно сообщение:

«Не позволяйте никому превращать нашу справедливую злость в охоту на случайных людей. Но и не позволяйте настоящим виновникам прятаться за случайными людьми».

Фраза была удобной.

В ней не было имён.

Не было признания ошибки.

Каждый мог услышать то, что хотел.

* * *

После работы Рут остановила его у входа в офис.

Дождь закончился, и мокрый асфальт отражал вывеску CivicTone — ту самую, с обещанием значимости голоса. У Рут был усталый вид. Она держала зонтик, хотя небо уже прояснилось.

— Это твоё сообщение? — спросила она.

Натан почувствовал, как сжалось горло.

— Какое?

— Не надо. Ты слишком долго работал с голосами, чтобы не понимать, что люди тоже могут узнавать их.

Он оглянулся.

— Говори тише.

— Вот видишь. Ты всё-таки знаешь, что не всё сказанное нужно слышать всему городу.

Натан не ответил.

Рут подошла ближе.

— Я не собираюсь тебя выдавать. Но послушай: Лорен Пирс не виновата. Ты должен прямо произнести её имя и сказать, что она не имеет отношения к решениям. Твоё предупреждение люди трактуют как очередной намёк.

— Я не называл её.

— Ты назвал целую группу «теми, кто знал», а теперь тебе удивительно, что люди ищут лица.

— Я говорил о начальстве.

— Тогда скажи это ясно.

Он провёл ладонью по лицу.

— Если я начну оправдывать каждого, кого они считают виновным, настоящие виновные только обрадуются.

Рут посмотрела на него с нескрываемой печалью.

— Когда человек становится невиновным только после того, как ты решишь его оправдать, ты уже не разоблачитель, Натан.

— А кто?

Она не ответила сразу.

— Я не знаю, — сказала она. — И боюсь, что ты тоже.

Рут ушла в сторону автобусной остановки.

Натан хотел её окликнуть. Хотел напомнить, как сам предлагал пересмотреть обращение Ады, как Джулиан приказал закрыть проверку, как все промолчали. Но понял, что разговор превратится в перечень собственных заслуг и чужих ошибок.

Он стоял под светящейся вывеской и впервые заметил, что слово «значение» в ней начинает мерцать.

* * *

Джун увидела ролик в школе.

Одноклассники показывали друг другу вырезку, где Морроу говорил о неподтверждённой угрозе, а затем звучал голос пожилой женщины. Кто-то наложил музыку, кто-то добавил изображение пустого гроба. Когда учитель попросил убрать телефоны, девочка с соседней парты сказала, что Абонент — единственный нормальный взрослый в городе.

Джун не засмеялась.

После уроков она попросила Марианну отвезти её к отцу.

Натан не ожидал гостей. На столе лежали диктофон, наушники и чёрная тетрадь. Когда раздался звонок в дверь, он в спешке закрыл ноутбук и спрятал тетрадь под диванную подушку.

Джун вошла без привычных шуток.

— Пап, можно спросить?

— Конечно.

— Ты слышал новую запись Абонента?

Он почувствовал, как изменилось дыхание.

— Да.

— Мне кажется, там что-то не так.

Натан попытался улыбнуться.

— Что именно?

— Там сначала мужчина говорит спокойно, а потом будто отвечает старушке. Но я нашла полное интервью. Там другой вопрос.

Натан посмотрел на дочь.

Двенадцать лет. Короткие волосы. Скрипичный чехол за плечом. Ребёнок, который ещё совсем недавно просил его объяснить, как устроено солнечное затмение, теперь пришёл сообщить ему о подмене смысла.

— Может, монтаж просто для того, чтобы было понятнее, — сказал он.

Джун нахмурилась.

— Но тогда люди думают, что он ответил ей. А он не ответил. Это нечестно.

— Дело не в одном вопросе.

— Я знаю. Дом упал. Люди пострадали. Но разве от этого можно говорить неправду?

Натан сел.

Он вдруг почувствовал сильную усталость. Ему надоело объяснять осторожность Клары, обиды Рут, боль Ханны и собственную необходимость действовать. Он хотел хотя бы дома услышать не вопрос, а понимание.

— Джун, — сказал он, — иногда всё гораздо сложнее, чем кажется снаружи.

— Тогда почему он делает вид, что всё очень просто?

В комнате стало тихо.

Он посмотрел на неё и увидел, что в её глазах нет ни обвинения, ни восторга. Только настоящее желание разобраться.

— Ты на его стороне или нет? — спросил Натан.

Джун удивилась.

— А обязательно быть на чьей-то стороне?

Он не ответил.

Она поставила скрипичный чехол у стены.

— Я думала, ты обрадуешься, что я сама проверила.

Натан почувствовал укол стыда.

— Я рад.

— Ты выглядишь не очень радостным.

— Просто устал.

Джун кивнула. Помолчала. Потом спросила:

— Пап, ты ведь никогда не будешь мне врать, если дело серьёзное?

Он смотрел на неё.

Сказать «никогда» означало солгать прямо сейчас.

Сказать правду — объяснить, что человек, который изменил запись, сидит перед ней и считает себя хорошим отцом.

Натан выбрал третье.

— Я очень стараюсь быть честным с тобой.

Джун долго молчала.

— Это не ответ, — сказала она.

Он опустил глаза.

* * *

Когда дочь ушла, Натан открыл тетрадь.

Нашёл страницу с именем Клары.

Под словами «Не верит, пока не станет поздно» дописал: «Настраивает людей против меня».

Потом открыл страницу Рут.

Рядом с «Боится» вывел: «Может предать».

Ему хотелось вписать туда и Джун, но рука остановилась.

Он закрыл тетрадь так резко, что с края стола упала ручка.

Натан нагнулся за ней.

Под диваном лежал бумажный журавлик, которого Джун сделала на уроке и принесла ему после концерта. Один уголок крыла погнулся. На белой бумаге ребёнок тонким маркером нарисовал маленький глаз.

Он поднял журавлика.

Разгладил крыло.

И впервые за долгое время почувствовал желание не сказать что-то людям, а просто попросить прощения.

Но у кого?

У Клары — за ложь, которую она видела?

У Рут — за подозрения, которых она не заслужила?

У Ханны — за помощь, на которую он так и не приехал?

У дочери — за то, что он снова выбрал удобный ответ?

Натан положил журавлика на стол рядом с микрофоном.

Затем открыл новый файл.

Назвал его: «Почему они боятся правды».

И начал записывать.

Глава 13. Маленькие виновные

Лорен Пирс впервые увидела собственную фамилию на экране телефона в магазине детской обуви.

Она выбирала сыну ботинки для осени. У мальчика быстро росла нога, а деньги уходили на квартиру, страховку и лекарства от астмы. Лорен стояла между двумя полками и решала, насколько велика разница между сорока девятью и шестьюдесятью двумя долларами, когда ей пришло сообщение от коллеги.

«Лорен, не открывай комментарии».

Так обычно пишут людям, которые после такого предупреждения немедленно открывают комментарии.

Первый содержал её фотографию из муниципальной приёмной.

Второй — фамилию и город.

Третий — грубое обвинение.

Она не поняла, что происходит. Какое отношение имела фотография, сделанная два года назад для сайта департамента, к обрушившемуся дому? Почему кто-то утверждал, будто она лично отвергала жалобы жильцов?

В тот день Лорен не имела доступа к журналу обращений. И вообще не работала с ними напрямую. Она принимала посетителей, объясняла, куда отправить заявления, помогала людям находить нужный кабинет. Иногда ей казалось, что это бессмысленная работа. Но она старалась по крайней мере не заставлять посетителей чувствовать себя глупыми.

Теперь совершенно незнакомые люди писали, что она убийца.

— Мам, смотри, — сказал сын. — Эти с огоньками.

Она не услышала.

— Мам?

Лорен подняла голову.

Томми держал в руках ботинки со светящейся подошвой. Он хотел продемонстрировать, как они мигают, если ударить пяткой о пол.

— Красивые, — сказала она.

— Ты даже не посмотрела.

Он поставил обувь на пол и наступил на одну кроссовку.

Подошва вспыхнула синим.

Лорен улыбнулась.

В тот момент она ещё не знала, что вечером кто-то придёт к её двери. Что придётся объяснять шестилетнему мальчику, почему полицейский фотографирует записку. Что ещё через день ребёнок спросит, убивала ли его мама людей.

У всех трагедий есть начало, которое потом трудно узнать в подробностях обычного дня.

Для Лорен всё началось не с публичного обвинения.

С сообщения «не открывай комментарии».

* * *

Натан узнал её голос через три дня, когда Клара прислала короткий аудиофайл.

Женщина говорила по телефону с редакцией. Голос был слегка севший, будто она несколько ночей подряд почти не спала.

— Я не прошу, чтобы меня жалели, — сказала она. — Просто проверьте, где я работаю. Посмотрите мои обязанности. Спросите моего начальника. Даже если я кому-то неприятна, это не делает меня виновной. Я хочу, чтобы люди перестали ходить к моей двери.

Натан слушал запись за обеденным столом.

Вилка лежала на тарелке с холодными макаронами. На холодильнике всё ещё висел детский рисунок: три человечка держались за руки под словами «МОЯ СЕМЬЯ».

Он включил аудио второй раз.

Ему хотелось найти в голосе Лорен что-то неискреннее. Может быть, она преувеличивает угрозы. Может, журналистка попросила её говорить особенно печально. Может, это очередная попытка департамента переключить внимание с погибших на собственных сотрудников.

Он прислушивался.

Не нашёл ничего.

И тогда подумал, что сам факт его стараний найти повод не верить уже должен бы его испугать.

Но он только остановил запись.

От Клары пришло сообщение: «Я готовлю материал о Лорен. Хочу дать вам возможность прокомментировать распространение неверных сведений».

Натан долго набирал ответ.

«Я удалял адреса. Я выступил против угроз».

Потом добавил: «Нельзя возлагать на меня ответственность за поступки тысяч людей».

Посмотрел на два предложения.

Оба были верны.

И оба почему-то оставляли за пределами разговора главную причину, по которой тысячи людей вообще услышали его голос.

Он отправил ответ.

* * *

На следующий день руководство CivicTone пригласило сотрудников на закрытую встречу с юристом компании.

Конференц-зал был рассчитан на тридцать человек, поэтому остальным предложили стоять вдоль стен. Юрист говорил спокойным голосом и время от времени перелистывал листы на планшете.

— Организация проводит служебную проверку. В случае обнаружения несанкционированного копирования информации мы обязаны уведомить соответствующие органы. Это не означает презумпции вины конкретных сотрудников.

Натан стоял у двери.

Рядом Брэдли дышал слишком громко.

— Думаешь, это из-за Абонента? — спросил он шёпотом.

Натан пожал плечами.

— Откуда мне знать?

— Я бы хотел с ним выпить, — сказал Брэдли. — Мужик сделал то, на что у нас ни у кого кишка не хватит.

Натан взглянул на него.

Брэдли продолжил:

— Правда, он перегибает. Моя тётка работает в департаменте, так у них сейчас всем угрожают. Но без шума ничего не двигается, да?

На мгновение Натан почувствовал удовольствие от похвалы. Оно было особенно сильным именно потому, что исходило от Брэдли — человека, который месяцами выставлял его смешным.

Ему захотелось рассказать правду прямо там, в душном конференц-зале. Посмотреть, как изменится лицо Брэдли. Как он смутится. Может быть, даже извинится.

Но Натан вспомнил документы о служебной проверке и не сказал ничего.

— Знаешь, — добавил Брэдли, — если бы Абонент работал у нас, я бы, наверное, сразу понял. У него голос такой… уверенный.

Натан невольно засмеялся.

— Ты бы не понял, — сказал он.

— Почему?

— Потому что не всегда слушаешь.

Брэдли обиделся.

Несколько минут они стояли рядом молча, и Натан наслаждался этим молчанием.

* * *

Вечером Лорен дала интервью Кларе.

Натан посмотрел его целиком.

На кадрах женщина сидела на кухне за столом, застеленным клеёнкой с жёлтыми лимонами. Позади виднелась детская куртка. Лорен не плакала. Она объясняла, какие именно обязанности выполняла в департаменте, показывала подтверждение отпуска и документы, удостоверяющие, что в день последнего обращения находилась в другом городе.

Клара за кадром спросила:

— Как вы думаете, почему ваше имя оказалось в центре этой истории?

— Потому что меня было легко найти, — ответила Лорен. — У меня простая работа. Моё лицо есть на сайте. Я не могу нанять адвоката, который будет каждый день говорить за меня. И я не умею обращаться к большой аудитории. Наверное, это делает меня удобной.

Натан остановил видео.

Слово «удобной» отозвалось в нём неожиданно болезненно.

Всю жизнь он считал себя удобным человеком.

Его можно было попросить задержаться. Обязать извиниться. Оставить без ответа. Посадить на худшее место за столом. Про него легко было сказать: «Он не против».

Теперь в чужой кухне сидела женщина, которая точно так же оказалась удобной — только не для начальства, а для людей, называвших себя борцами с равнодушием.

Натан продолжил просмотр.

Клара спросила, чего Лорен хочет от Абонента.

— Я не хочу от него ничего особенного, — сказала та. — Пусть просто скажет, что не знает меня. Что не проверял мои обязанности. Что люди должны перестать притворяться, будто обвинение — это уже доказательство.

На экране появилась маленькая детская ладонь. Томми подошёл к матери и положил ей на колено синий игрушечный автомобиль.

Лорен погладила сына по голове и продолжила отвечать, но Натан уже не слушал.

Он смотрел на руку ребёнка.

Вспомнил Джун в пять лет, когда она приносила ему свои игрушки не потому, что хотела играть, а потому, что ещё не знала другого способа сделать его счастливым.

— Скажи, — прошептал Натан пустой комнате.

Словно кто-то другой сидел перед микрофоном.

— Просто скажи.

Он открыл редактор.

Создал новый файл.

Набрал название: «О Лорен Пирс».

Нажал запись.

— Я хочу исправить важную ошибку…

Он остановился.

Прослушал первые слова.

В них не было ни музыки, ни гнева, ни удачного вступления. Голос звучал просто и неловко. Как голос обычного человека.

Натан удалил файл.

Он не был готов услышать себя таким.

Глава 14. Человек в конце линии

В субботу город организовал открытое собрание жильцов пострадавшего квартала.

Мероприятие проходило в школьном спортивном зале. На полу ещё оставались линии разметки, вдоль стен стояли корзины для баскетбольных мячей, а в центре установили длинный стол, за которым сидели представители муниципалитета, управляющей компании и департамента жилищного контроля.

На входе раздавали бумажные номера.

Натан получил семьдесят третий.

Он посмотрел на число и усмехнулся. Даже теперь, когда целый квартал пытался выяснить, безопасно ли ему спать по ночам, людям предлагали ждать, пока их вызовут по порядку.

В зале пахло резиновой подошвой, мокрыми куртками и дешёвым кофе. Кто-то привёл детей, потому что оставить их было не с кем. Маленькая девочка рисовала фломастером дом с огромной синей крышей. Над ним светило солнце, слишком большое для листа.

Натан сел на задний ряд.

Перед ним сидела женщина с тростью. Справа — мужчина в форме почтовой службы. Ещё правее спорили два брата, один из которых требовал немедленной эвакуации всего квартала, а второй боялся, что после переселения их больше никогда не пустят обратно.

Собрание началось с объяснения процедуры.

Представитель администрации сказал, что необходимо «отделять эмоциональную оценку происшествия от технических заключений». В зале засвистели.

Потом показали карту обследуемых зданий.

На ней цветными линиями обозначили кварталы, которым требовались дополнительные замеры.

Блум-стрит, семнадцать, находилась в середине красного прямоугольника.

Когда ведущий назвал адрес, Натан почувствовал, как люди вокруг напряглись.

С первого ряда поднялась Ада Уиткомб.

На этот раз на ней были две одинаковые туфли. Металлическую коробку она держала под мышкой.

— Я хочу спросить, — сказала она, — где будут жить люди, пока вы всё измеряете.

Представитель города раскрыл папку.

— Все пострадавшие обеспечены временными мерами размещения.

— Я не спрашивала, какие у вас меры. Я спросила, где мы будем жить.

— Миссис Уиткомб, вам предложили номер в гостинице.

— На двенадцать дней. Потом что?

Мужчина поправил очки.

— Вопрос решается.

Ада кивнула.

— Это я уже слышала. Мне бы хотелось узнать, что произойдёт, когда он решится.

В зале кто-то рассмеялся. Потом зааплодировали.

Натан тоже хлопал.

Ему было приятно видеть, как Ада превращает чиновничий язык в смешную, беспомощную вещь. Но аплодисменты быстро стихли, и женщина осталась стоять у прохода без ответа на свой вопрос.

Следующим выступил почтальон.

Потом молодая мать с ребёнком.

Потом мужчина, который требовал немедленно уволить весь городской совет.

Натан слушал, и его раздражение постепенно смешивалось с нетерпением. Выступающие говорили долго, часто повторялись, не всегда понимали документы. В его голове уже складывался идеальный монолог, который соединил бы все их жалобы в несколько точных предложений.

Когда назвали семьдесят третий номер, Натан встал.

Он вышел к микрофону.

На мгновение почувствовал себя прежним: потные ладони, сухой рот, желание извиниться за потраченное время.

— Меня зовут Натан Келлс, — сказал он.

Никто не отреагировал.

Он мог бы задать вопрос про ускорение обследований. Мог спросить о новой системе обработки заявок. Мог напомнить, что двадцать семь предупреждений остались в электронной очереди. Но вместо этого услышал собственный голос, уже знакомый ему по наушникам:

— Когда человек звонит с просьбой о помощи, ему говорят, что разговор записывается для улучшения качества обслуживания. Скажите, сколько ещё людей должно погибнуть, чтобы качество действительно улучшилось?

Зал притих.

Натан увидел, как несколько человек подняли телефоны.

У него защемило что-то под сердцем.

Он продолжил:

— Вы называете это трагической случайностью. Но случайность не приходит двадцать семь раз и не оставляет после себя номера заявок.

Раздались аплодисменты.

Ещё громче.

Кто-то крикнул: «Правильно!»

Представитель администрации попросил соблюдать регламент выступления.

Натан повернулся к нему.

— Вы хотите, чтобы я уложился в две минуты? Женщина на Блум-стрит ждала ответа неделями. У вас нашлись две минуты для меня. У неё не нашлось ни одного дня.

На этот раз зааплодировали почти все.

Натан не помнил, что говорил дальше. Слова приходили быстро. Он не называл фамилий, не приводил новые факты, которых сам не проверил. Но в каждом предложении пряталось ещё одно обвинение, и люди принимали его с облегчением. Словно наконец получили разрешение злиться.

Когда он закончил, ведущий сообщил, что время истекло.

Натан хотел уйти.

Но с последнего ряда раздалось:

— Абонент!

Кто-то узнал голос.

Ещё один человек поднялся.

— Это он! Это Абонент!

Натан застыл.

На него направили десятки телефонов.

В первую секунду ему стало страшно. Он подумал о работе, о служебной проверке, о Кларе, о людях, которым обещал анонимность.

Во вторую — ощутил то, чего ждал всю жизнь.

Все смотрели на него.

И никто не смеялся.

* * *

Через полчаса его окружили у выхода.

Люди тянули к нему телефоны, показывали фотографии трещин, просили записать обращение, хотели обнять, пожать руку, сфотографироваться. Мужчина в рабочей куртке предложил организовать движение и выдвинуть собственных кандидатов на муниципальных выборах. Молодая девушка сказала, что Абонент помог ей перестать бояться начальника. Пожилой человек подарил Натану ручку и попросил не отступать.

Впервые за многие годы кто-то назвал его «сэр» с искренним уважением.

Натан улыбался.

Отвечал.

Повторял, что не собирается становиться политиком.

Но всякий раз, когда произносил эту фразу, видел, что людям она нравится ещё больше.

Ада подошла к нему последней.

— Значит, вот кто вы, — сказала она.

Он опустил глаза.

— Простите, что не сказал раньше.

— За что именно?

Натан не понял.

Ада смотрела на него внимательно, не зло.

— За то, что работали в этой службе? Или за то, что люди услышали мой звонок без моего разрешения?

Он почувствовал, как горит лицо.

— Я хотел, чтобы вам помогли.

— Я знаю. Только мне всё время кажется, что ты ждёшь от меня благодарности за то, что теперь я должна рассказывать чужим людям о самом страшном дне своей жизни.

Натан хотел сказать, что так несправедливо. Что именно благодаря публикации начали проверять здания и выплатили первые компенсации. Что если бы он ничего не сделал, Ада всё ещё сидела бы среди папок и ждала.

Но женщина подняла руку.

— Ты сказал хорошие слова там, у микрофона. Люди слушали. А потом городские господа пообещали нам ещё одну встречу. Номер в гостинице от этого не стал длиннее.

Она поправила коробку под мышкой.

— Мне бы хотелось, чтобы ты помог не только им сердиться, но и нам жить.

Впервые за весь день Натан не нашёл нужной фразы.

* * *

Клара встретила его возле школьных ворот.

Она стояла под деревом, с которого падали жёлтые листья, и держала в руках блокнот.

— Теперь вы публичный человек, — сказала она.

— Я не выбирал этого.

— Сегодня вы вышли к микрофону. Могли не выходить.

— Мне дали номер.

— И вы использовали его очень талантливо.

Натан не понял, похвала ли это.

Клара посмотрела на него поверх блокнота.

— По поводу Лорен Пирс. Вы готовы публично сказать, что не имеете доказательств её причастности?

— Я уже написал предупреждение.

— Это не ответ.

Он рассмеялся коротко.

— Все сегодня решили разговаривать со мной одинаковыми словами.

— Может быть, потому что вы всё время уходите от одного вопроса.

Натан посмотрел на людей, стоявших у школьного входа. Некоторые продолжали снимать.

— Если я сейчас начну оправдываться, это используют против всей истории.

— История не обязана быть удобной, — сказала Клара. — В ней погибла миссис Харпер. Есть раненый ребёнок. Есть люди, которых действительно подвели. И есть женщина, которую ошибочно обвиняют. Все они существуют одновременно.

Натан отвернулся.

— Вы умеете делать из очевидного сложное.

— А вы умеете делать из сложного удобное.

Он хотел уйти, но Клара добавила:

— У меня есть полный протокол передачи предварительного отчёта. Там несколько человек, которым придётся отвечать на вопросы. Публикация выйдет в понедельник. Я не собираюсь скрывать чью-то ответственность. Я собираюсь её доказать.

На мгновение Натан ощутил почти физическую зависть.

Она получала документы, которых у него не было.

Могла публиковать их открыто.

Её подпись появится под статьёй.

А ему останется только цитировать.

Он вдруг понял, что ревнует не к человеку, а к правде, которая может состояться без него.

— Поздравляю, — сказал Натан.

Клара посмотрела на него.

— Это не соревнование.

— Конечно.

Он пошёл прочь.

* * *

На автобусной остановке ему позвонила Джун.

— Пап, я видела тебя!

Натан остановился.

— Где?

— Видео из собрания. Там все хлопали. Ты был как будто другой человек.

Он невольно улыбнулся.

— В хорошем смысле?

Джун помолчала.

— Не знаю.

Улыбка исчезла.

— Что значит не знаешь?

— Ты говорил красиво. Но я вспомнила про ту женщину, Лорен. Ты ей помог?

Натан посмотрел на автобус, медленно приближавшийся к остановке.

— Джун, это сложнее, чем кажется.

— Ты всё время так говоришь.

— Потому что так и есть.

— А когда ты говорил там, всё было просто.

Автобус остановился.

Двери открылись.

Натан не вошёл.

Люди обходили его с обеих сторон.

— Послушай, — сказал он. — Иногда взрослые должны делать вещи, которые детям трудно понять.

На другом конце повисла тишина.

— Пап, — наконец произнесла Джун, — мне не трудно понять, что человек может ошибиться. Мне трудно понять, почему ты всё время объясняешь, почему нельзя это признать.

Она не кричала.

Не угрожала больше с ним не говорить.

Просто сказала то, что думала.

Натан стоял на остановке, пока автобус не закрыл двери и не уехал.

Потом достал телефон, открыл запись собрания и включил её с самого начала.

Его голос звучал уверенно.

Очень уверенно.

Люди хлопали.

Он прослушал аплодисменты один раз.

Потом ещё.

И только на третий понял, что не помнит, чем закончился разговор с дочерью.

Часть вторая. Город отвечает

Глава 15. Лицо голоса

В воскресенье утром Натан обнаружил на двери своей квартиры лист бумаги.

Лист был прикреплён прозрачным скотчем. На нём чёрным маркером, аккуратными школьными буквами, было написано: «СПАСИБО, ЧТО ВЫ НЕ ПОБОЯЛИСЬ».

Подписи не было.

Натан долго стоял в коридоре, держа в руке пакет с мусором. Соседская дверь открылась, показалась миссис Доуэлл — маленькая женщина с серебристой заколкой, которой всегда не нравилось, когда в мусоропровод бросали стекло. Она посмотрела на записку, потом на Натана, а затем сделала вид, будто совершенно ничего не заметила.

— Доброе утро, — сказал он.

— Утро, — ответила она и поспешно зашла обратно.

Раньше её недовольство занимало бы его весь день. Он переживал бы, слишком ли громко закрыл дверь, не испачкал ли коврик, не мешает ли ей звук телевизора. Теперь он подумал о том, что она наверняка узнала его по вчерашнему видео, и впервые не испытал потребности объясняться.

Записку он снял осторожно, чтобы не порвать скотчем края. В квартире положил её возле микрофона. Пожалуй, именно такая записка и должна была лежать рядом с рабочим местом человека, которого наконец услышали. Не корпоративный лозунг. Не выданная отделом кадров благодарность. Настоящие слова, написанные настоящей рукой.

Он сфотографировал лист.

Потом сделал вторую фотографию — с чашкой кофе на заднем плане.

Третья получилась лучше: свет падал под таким углом, что тень от бумаги выглядела почти как книжная обложка.

Натан собирался выложить снимок с короткой подписью. Сначала написал: «Для этого всё и было». Удалил. Слишком торжественно. Потом: «Мы только начинаем». Удалил и это. Слишком самоуверенно. Наконец оставил: «Я прочитал. Спасибо».

Через десять минут у публикации было две тысячи отметок одобрения.

К полудню — сорок восемь тысяч.

Его собственное лицо теперь появлялось в чужих лентах. Его называли голосом улиц, совестью Беллпорта, предателем службы и человеком, который сделал больше, чем городской совет. На одном снимке он стоял в школьном спортивном зале у микрофона, слегка суту-

лясь, с неловко опущенной левой рукой. Кто-то отредактировал фотографию: выпрямил его плечи, придал лицу более решительное выражение, затемнил фон. Под ней было написано: «ОН НАЗВАЛ ИМЕНА, КОТОРЫЕ ОНИ ПРЯТАЛИ».

Натан не называл имён.

Он заметил неточность, но не стал писать опровержение. Ему нравилось выглядеть смелее, чем он чувствовал себя на самом деле.

В три часа позвонила мать.

— Это ты? — спросила она без приветствия.

— В каком смысле?

— По телевизору. Там человек стоял и кричал на чиновника. Я подумала: похож на Натана. Только ты ведь не кричишь на людей.

— Я не кричал, мам.

— Значит, это ты.

Он сел у окна.

— Да.

Эвелин молчала так долго, что Натан проверил экран.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Мне звонила тётя Глория. Она говорит, ты теперь какой-то общественный деятель.

Натан невольно улыбнулся.

— Ничего подобного.

— И правильно. От этих людей всегда одни неприятности. Твой отец не любил, когда кто-то выставлял личную жизнь напоказ.

Натан вспомнил Уолтера: тот мог час рассказывать знакомым о собственных успехах, а потом одним взглядом заставить сына замолчать, если тот осмеливался вставить слово. Но спорить не стал.

— Мам, в доме погибли люди. Я пытаюсь добиться расследования.

— Я не об этом. Ты кушал?

— Да.

— Что?

— Неважно, мам.

— Вот видишь. Уже разговариваешь как знаменитость.

Он уставился на знакомую трещину возле оконной рамы. Разговор шёл так, будто никакого дома на Блум-стрит не существовало, будто всё произошедшее было странным семейным спектаклем и главная проблема состояла в том, что Натан стал плохо отвечать на вопросы о завтраке.

— Ты гордишься мной? — спросил он внезапно.

— Господи, Натан. Опять ты за своё.

Он закрыл глаза.

— Просто скажи.

— Я всегда за тебя переживаю. Разве это не одно и то же?

Она не дождалась ответа и заговорила о давлении, лекарствах и соседке, которая оставила мокрое бельё в общей прачечной. Натан слушал. После разговора он долго сидел с телефоном в руках, чувствуя, что если человек ждёт от мира одного-единственного предложения, то даже тысяча других предложений не может его заменить.

Вечером позвонила Марианна.

— Джун спрашивают о тебе в школе.

Его первая мысль оказалась удивительно приятной: дочь теперь знает, что её отец — известный человек.

— Что спрашивают?

— Почему ты публикуешь записи чужих разговоров. И правда ли, что из-за тебя женщине угрожали.

Натан выпрямился.

— Это не из-за меня.

— Я не собираюсь разбирать с тобой всю историю по телефону. Но Джун двенадцать, Натан. Она не обязана защищать тебя от одноклассников.

— Она может просто сказать, что я борюсь за правду.

— Какую именно правду? Она сама уже не понимает. Её спрашивают о той служащей, а она приходит домой и ищет информацию, чтобы ответить. Ты втянул её в историю, в которой ей приходится проверять собственному отцу факты.

— Я не просил никого меня защищать.

— Тогда прекрати говорить ей, на чьей стороне она должна быть.

Слова попали точно туда, куда Натан не хотел смотреть. Он вспомнил разговор после школьного собрания. Вспомнил недоумение в голосе дочери, когда она спросила, обязательно ли выбирать сторону.

— Я хочу с ней увидеться, — сказал он.

— Я не против. Спроси её сам, когда она захочет.

— Ты теперь даже это решаешь за меня?

— Я как раз пытаюсь не решать за неё.

Марианна попрощалась первой.

Натан ходил по квартире и пытался придумать, что сказать Джун. Слова «я люблю тебя» казались слишком простыми, а слова «ты ещё поймёшь» — слишком похожими на то, что он сам терпеть не мог слышать от взрослых. Он так и не написал.

В 21:08 пришло письмо без темы. Отправитель называл себя Калебом Вейном.

«Вы вчера сделали то, на что мы не могли решиться годами, — говорилось в письме. — По одному нас заставляют замолчать. Вместе у них не получится. У меня есть люди, которые готовы помогать. Без партий, без городской администрации, без разрешений. Нам нужен только голос, которому доверяют. Если вам интересно — завтра в семь, закусочная “Норт-Энд”, дальний столик у окна».

Натан прочитал письмо дважды.

Он не любил незнакомцев, которые обещали «людей». Это звучало чересчур громко. Но слово «доверяют» заставило его задержаться.

Он открыл черную тетрадь. На новой странице написал: «Калеб Вейн».

Справа оставил пустое место — на случай, если позже понадобится указать, друг это или враг.

Потом он посмотрел на записку, снятую с двери.

«СПАСИБО, ЧТО ВЫ НЕ ПОБОЯЛИСЬ».

Утром она показалась ему доказательством смелости. Теперь, после разговора с Марианной, он вдруг понял, что боится почти всего: потерять работу, потерять дочь, потерять новых слушателей и однажды снова остаться человеком, имя которого никому ничего не говорит.

Он взял записку и убрал в ящик, под школьную программку Джун.

И почти сразу пожалел: лежать рядом эти две бумаги не должны были.

Одна говорила о человеке, которым он стал на глазах у незнакомцев. Вторая — о человеке, которым он не сумел быть для собственного ребёнка.

Когда телефон снова зазвонил, Натан не посмотрел, кто звонит. Поднял трубку и произнёс привычное служебное:

— Слушаю вас.

На другом конце раздался мужской смех.

— Наконец-то, — сказал незнакомец. — Натан, вы действительно так отвечаете. Значит, это всё-таки вы.

— Кто говорит?

— Неважно. Мне передали ваш номер. Я просто хотел сказать: если вы отступите, вас сожрут. Не уподобляйтесь этим трусам.

Связь оборвалась.

Натан ещё долго смотрел на телефон.

Странно, подумал он. Ещё вчера ему хотелось, чтобы кто-то узнал его голос.

Теперь он впервые пожалел, что голос нельзя спрятать обратно.

* * *

Глава 16. Собеседование

В понедельник Натан пришёл в CivicTone раньше обычного.

Снаружи всё оставалось прежним: мокрый асфальт, выбитая плитка у входа, запах кофе из автомата на первом этаже. Но стоило ему войти в лифт, как два сотрудника замолчали на полуслове.

Он видел этот жест тысячи раз. На работе всегда замолкали, когда рядом оказывался кто-то, о ком только что говорили. Раньше Натан делал вид, будто ничего не заметил, и пытался выглядеть дружелюбно. Сегодня он просто посмотрел на отражение коллег в зеркале лифта.

Оба отвели глаза.

В этом было что-то сладкое и противное одновременно.

На шестом этаже рамки с корпоративным лозунгом стояли на прежних местах. Его компьютер был выключен. На столе лежал плотный белый конверт, на котором напечатали фамилию заглавными буквами: KELLS.

Внутри находилось уведомление о временном отстранении от доступа к рабочим системам до окончания внутренней проверки. Ни обвинений, ни причин — только ссылка на положение о защите служебной информации.

Подпись Джулиана Хейса.

В 7:31 Натан вошёл к начальнику без приглашения.

Джулиан сидел за столом, как всегда идеально выпрямив спину. Рядом с ним находилась женщина, которую Натан видел лишь однажды на ежегодном собрании. Она представилась Дайаной Мур, юристом компании.

— Натан, садись, — сказал Джулиан.

— Я бы хотел сначала узнать, почему мой доступ закрыт.

— Именно об этом мы и поговорим.

Натан остался стоять.

Дайана открыла папку.

— Мы обязаны предупредить: это служебная встреча. Мы ведём протокол. Вы вправе представить письменные объяснения и воспользоваться юридической консультацией.

— Хорошо.

— Вы подтверждаете, что являетесь человеком, публикующим материалы под названием «Абонент»?

Он посмотрел на Джулиана.

Тот не выдержал его взгляда и принялся поворачивать ручку в пальцах.

— Это публично известно, — ответил Натан.

— Я спрашиваю о подтверждении.

— Да.

— Использовали ли вы сведения, полученные в рамках своей должности?

Натан почувствовал, как привычное желание объясниться поднимается изнутри. Он хотел сказать, что иначе люди погибли бы в тишине, что двадцать семь жалоб были закрыты,

что юридические процедуры давно работали не на жителей, а против них. Но Дайана спросила об одном, совершенно определённом.

— Да, — произнёс он.

Женщина что-то записала.

— Вы располагаете письменным разрешением заявителей на публикацию их голосов и идентифицирующих деталей?

— Не на все материалы.

— То есть нет.

Натан посмотрел на её ручку.

— Вы можете написать «не на все». Это точнее.

Дайана подняла голову.

— Благодарю за уточнение.

Он ждал, что она начнёт спорить. Но она спокойно перевернула страницу.

— Изменяли ли вы при публикации контекст каких-либо записей?

Натан молчал.

Джулиан откинулся на спинку кресла.

— Натан, прошу, без спектакля. Ты прекрасно понимаешь, почему мы здесь.

— Зато вы, кажется, только сейчас начали понимать, почему всё произошло.

Дайана подняла ладонь.

— Нам не нужно обсуждать ваши политические убеждения. Мы устанавливаем факты. Вы можете не отвечать на вопрос, но тогда это будет отражено в протоколе.

Натан вспомнил голос Клары: «Вы изменили смысл».

Вспомнил лицо Лорен Пирс на кухне с лимонной клеёнкой.

— Я сократил публичное интервью. Мне казалось, что важная часть осталась прежней.

— Чьи слова вы сокращали?

— Эдварда Морроу.

— Аудиофайл оригинала сохранился?

— Да.

— Готовы его предоставить?

Натан почувствовал непрошенную радость: они боялись его записи, хотели получить и обезвредить свидетельство. Потом заметил, что Дайана не выглядит испуганной. Она просто собирала материалы.

— Только если вы предоставите оригиналы всех жалоб жильцов, — ответил он.

— Это не предмет торга, мистер Келлс.

Впервые за встречу она назвала его по фамилии.

За стеклянной стеной проходили сотрудники. Кто-то остановился, заметил Натана и сразу пошёл дальше. Он подумал, что прежний Натан сидел бы здесь с опущенной головой, обещал всё исправить и просил сохранить работу. Сегодня он хотел добиться от каждого присутствующего хоть какой-то эмоции.

— Знаете, — сказал он, обращаясь к Джулиану, — когда я услышал звонок миссис Уиткомб, у меня было право открыть повторную проверку. Я открыл её. А потом вы велели мне закрыть.

Джулиан медленно снял очки.

— Я попросил соблюдать процедуру.

— Процедура убила людей.

— Нет, Натан. Дом разрушился из-за технических причин. Их устанавливают эксперты. Ты можешь считать меня бессердечным, но тебе не стоит говорить, будто я лично разрушил здание.

В этой фразе была неприятная правда. Натан не мог не признать её. Но ему казалось, что Джулиан использует точность слов для того, чтобы спрятаться за ними.

— Вы знали, что поступали новые жалобы.

— Я знал, что они поступают. Я не инспектор.

— И каждый из вас не инспектор. В итоге никто ни за что не отвечает.

Дайана вновь остановила их.

— В нашем распоряжении имеется копия вашей электронной подписи под закрытием обращения номер 774193. Подтверждаете ли вы, что нажали кнопку самостоятельно?

Вот теперь Натан сел.

Не потому, что испугался потерять работу. Работы, вероятно, уже не было. Но этот номер возвратил его к экрану, за которым когда-то существовал один-единственный простой выбор.

Он мог сказать, что подписал под давлением. Это было почти правдой.

Мог объяснить, что приказ поступил от начальника. Это тоже было почти правдой.

Однако кнопку нажал он.

— Подтверждаю, — произнёс Натан.

Никто не отреагировал. Дайана всего лишь сделала очередную запись.

Ему захотелось закричать, что они не имеют права принимать такое признание без ужаса на лицах.

— Почему вы это сделали? — спросила женщина.

Натан открыл рот.

Слова «я боялся» уже стояли у него на языке. Но за стеклом кто-то прошёл, и он вдруг увидел собственное отражение: плечи, слегка вытянутая шея, руки на коленях — всё, что так ненавидел в себе много лет.

— Потому что процедура не оставляла другого выхода, — сказал он.

Дайана сделала запись.

Джулиан ничего не сказал.

А Натан понял, что только что солгал с гораздо большей уверенностью, чем раньше.

* * *

В коридоре его ждала Рут.

Рут Эллис работала в отделе контроля CivicTone. Прежде она принимала звонки, а теперь помогала Натану разбираться в старых журналах и находить документы. Теперь она стояла возле автомата с водой, сжав в ладони бумажный стаканчик. Натан замечал, как она нервничает, когда не знает, куда деть руки; сегодня она смяла стаканчик так сильно, что по пальцам потекла вода.

— Я слышала, тебя отстранили, — сказала она.

— Они делают вид, будто неожиданно обнаружили собственные правила.

— Я не об этом.

Натан оглянулся.

— О чём тогда?

— Из отдела безопасности сегодня забрали мой компьютер. И попросили меня объяснить, почему я открывала старые журналы проверок.

— Ты им сказала?

— Я сказала, что выполняла свою работу.

— Правильно.

— Натан, в моём отчёте есть твои запросы.

Он ощутил раздражение.

— Значит, они и так всё знают.

— Не всё. Они не знают, что именно я тебе передала.

Натан посмотрел на неё внимательно.

— И ты им скажешь?

Рут дёрнулась, будто он поднял руку.

— Я пришла предупредить тебя, что могу оказаться под проверкой. У меня отец после инсульта. Мне нельзя потерять страховку. Я не знаю, сколько ещё смогу тебе помогать.

Он услышал последнее предложение гораздо отчётливее первых.

— То есть ты отступаешь.

— Я прошу тебя понять.

— Конечно. Как все.

Рут поставила смятый стаканчик на подоконник.

— Я не твой солдат, Натан.

Он хотел возразить. Но она продолжила:

— Я помогала тебе, потому что хотела, чтобы документы проверили. Не потому, что обещала защищать каждое твоё слово.

Натан почувствовал, как в нём снова поднимается знакомое желание подобрать правильный ответ — такой, чтобы человек остался рядом, даже если это потребует маленькой лжи.

Вместо этого он произнёс:

— Если тебя пугают, это значит, что они боятся нас.

Рут покачала головой.

— Иногда человек боится просто потерять работу. В этом нет никакой тайной великой борьбы.

Она ушла к лифту.

Натан смотрел ей вслед, пока двери не закрылись. Рядом с автоматом остался её стаканчик. Он хотел выбросить его, но почему-то не смог прикоснуться. Ему казалось, что каждый оставленный предмет в этом здании теперь означает чьё-то отступление.

Через час он вышел из офиса с коробкой личных вещей. Внутри лежали наушники, кружка с отбитой ручкой, фотография Джун в школьной форме и пластмассовая награда «За качество обслуживания».

У двери Генри, уборщик, посмотрел на коробку и только спросил:

— Вам помочь донести?

— Нет, спасибо.

— Вы уверены?

Натан посмотрел на него.

Всё утро он ждал от людей либо аплодисментов, либо обвинений. Генри предложил донести коробку.

— Я справлюсь, — ответил Натан.

Генри придержал дверь.

— Тогда осторожнее на ступенях. Там сегодня скользко.

Снаружи мелкий дождь превращал город в мутное отражение самого себя.

Натан поставил коробку на тротуар, достал телефон и записал короткое видео.

— Сегодня меня отстранили от работы, — сказал он. — Не за то, что я ошибся, а за то, что отказался молчать.

Он произнёс это спокойно. Без запинок.

Включил воспроизведение.

Всё звучало правильно.

Только один человек в этом городе знал, что его отстранили в том числе за публикацию чужих голосов без разрешения и за монтаж, изменивший смысл интервью.

Этот человек стоял на тротуаре с коробкой в руках.

И он решил, что людям незачем знать об этих подробностях сегодня.

* * *

Глава 17. Простите нас за неудобства

Лорен Пирс впервые увидела Натана Келлса в очереди за кофе.

Это случилось не на самом деле. Она увидела его на экране телевизора, который висел над холодильником небольшого кафе напротив детской поликлиники. Мужчина стоял перед микрофоном в школьном зале. Камера снимала его снизу, поэтому он выглядел выше, чем был. Лорен рассматривала худое лицо, складки возле рта, тёмную рубашку и испытывала нелепое удивление.

Она ожидала увидеть кого-нибудь другого.

Более жестокого. Более самодовольного. Человека, который привык командовать толпой и не боится разрушить чужую жизнь.

На экране стоял усталый служащий лет сорока с выражением лица, какое она часто видела у людей, приходивших в её приёмную после третьего отказа.

— Ваш заказ, — сказала бариста.

Лорен не ответила.

— Мэм?

Она вздрогнула и забрала бумажный стаканчик.

В поликлинике Томми сделали ингаляцию. Врач объяснил, что астма усилилась из-за стресса, выписал направление к специалисту и посоветовал стабилизировать обстановку дома. Лорен поблагодарила. Слова «стабилизировать обстановку» звучали как рекомендация открыть зонтик, когда дом уже затопило.

Она держала сына за руку и ждала у перехода. Томми прыгал по трещинам между плитками, стараясь не наступать на линии.

— Мам, тот дядя опять в телевизоре?

— Какой?

— Который говорит, что все виноватые.

Лорен посмотрела на ребёнка.

— А где ты его видел?

— В телефоне у дедушки. Дедушка сказал, что он сумасшедший.

Лорен поняла, что отец решил защищать её единственным способом, который знал: сделать обидчика плохим человеком в глазах внука. Но даже это требовало от шестилетнего ребёнка понимать то, что взрослые ещё не разобрали.

— Дедушка просто сердится, — сказала она.

— А ты сердишься?

Она хотела ответить «конечно». Хотела рассказать, как за последние пять дней телефон звонил в два часа ночи, как начальник посоветовал взять неоплачиваемый отпуск «ради спокойствия коллектива», как кто-то написал на её двери слово, которое Томми пока не умел читать.

Но сын спрашивал не обо всём этом.

Он хотел знать, можно ли сердиться на взрослого, который кажется ему важным.

— Да, — ответила Лорен. — Я сержусь. Но я не хочу делать ему плохо.

— Почему?

— Потому что я знаю, как это — когда кто-то делает плохо тебе.

Томми подумал.

— А он знает?

Лорен не ответила. Загорелся зелёный свет.

* * *

В тот день Клара Восс написала Натану три сообщения.

В первом она просила уточнить, видел ли он интервью Лорен. Во втором предлагала короткий разговор под запись или без записи — на его выбор. В третьем сообщала, что редак-

ция получила подтверждения угроз и что ситуация больше не может оставаться вопросом «неудачного толкования» его ролика.

Натан не ответил ни на одно.

Вместо этого он прочитал более сотни комментариев под собственной публикацией об отстранении. Почти все сочувствовали. Один читатель предлагал оплатить адвоката. Другой писал, что настоящие герои всегда теряют работу. Третий называл Натана последним честным человеком в Беллпорте.

Слово «последний» ему понравилось настолько, что он на секунду пожалел: слишком поздно было выбрать себе такое имя.

В 17:40 позвонила Марианна.

— Мне только что звонила учительница Джун.

Натан напрягся.

— Что случилось?

— В классе показали видео с женщиной, которую обвиняют из-за твоего выпуска. Джун вступилась за неё. Потом двое мальчиков сказали, что её отец убийца.

— Это нелепо.

— Конечно, нелепо. Но она расплакалась, Натан. И ушла из класса.

Он сел на подлокотник дивана.

— Я поговорю с директором.

— Не надо разговаривать с директором. Пожалуйста, просто поговори с Джун.

— Марианна, кто-то должен объяснить этим детям…

— Натан. Дети спорят не о политике. Они видят, что их подруга боится спрашивать у собственного отца, что происходит.

Он оглянулся на микрофон, лежавший на столе.

— Я не делал ничего против Джун.

— Тебе кажется, будто это единственный способ причинить человеку боль: сделать что-то прямо против него.

Марианна говорила негромко. Не обвиняла, не требовала признания. От этого Натан злился ещё сильнее.

— Я не знаю, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы ты перестал пользоваться дочерью как доказательством того, что остаёшься хорошим человеком.

Она положила трубку.

Натан не сразу понял смысл последней фразы. Когда понял, ему захотелось перезвонить и сказать нечто окончательное, после чего она обязана была бы пожалеть о своих словах.

Вместо этого он набрал номер Джун.

Она ответила не сразу.

— Привет, пап.

— Мама сказала, у тебя неприятности в школе.

— Всё нормально.

Он узнал собственный ответ. Такое же короткое слово, за которым люди прятали то, к чему не хотели возвращаться.

— Джун, я хочу, чтобы ты знала: я никого не убивал. И женщина, о которой они говорят, тоже никого не убивала.

— Я это знаю.

— Тогда зачем плакать?

Он хотел спросить «почему», но прозвучало «зачем» — будто плач был поступком, который можно было обосновать или отменить.

Джун помолчала.

— Потому что ты всё время говоришь, что люди не должны молчать. А когда я спрашиваю тебя о Лорен, ты не отвечаешь.

— Я уже объяснял. Это очень сложная история.

— Я спрашивала не про историю, пап. Я спрашивала, ошибся ли ты.

Натан взял со стола бумажного журавлика. Поставил на ладонь. Одно крыло снова выгнулось по старой складке.

— Возможно, в одном месте я действительно поспешил, — сказал он.

— Тогда скажи это людям.

Так просто.

Без слов о системе. Без разговоров о последствиях. Без сравнений, насколько чужая ложь больше его собственной.

— Я подумаю, — ответил Натан.

Джун вздохнула.

— Пап, когда ты говоришь «я подумаю», это обычно значит, что ты ничего не сделаешь.

Он хотел возразить, но она уже попрощалась.

* * *

В 20:15 Натан включил микрофон.

Он долго сидел перед пустым редактором. Потом открыл документ с заранее заготовленной речью. В нём было несколько абзацев о журналистах, которые ищут ошибки у тех, кто защищает слабых, и о чиновниках, использующих любую неточность, чтобы заставить людей забыть о погибших.

Речь звучала красиво.

Он перечитал её вслух.

И вдруг понял, что за четыреста двадцать слов ни разу не произнёс имени Лорен.

Натан удалил документ.

Запустил запись.

— Меня зовут Натан Келлс. И я должен извиниться перед Лорен Пирс.

Он остановился.

Не потому, что сказал неправду. Просто услышал слово «должен». После него он уже не был человеком, которому благодарны. Он становился человеком, имеющим перед кем-то долг.

Натан начал снова.

— В одном из моих выпусков был опубликован материал, после которого люди ошибочно связали Лорен Пирс с решением по дому на Блум-стрит. Я не проверил её обязанности. У меня не было оснований считать её причастной. Если вы писали ей угрозы, приходили к дому или распространяли её адрес, немедленно прекратите. Лорен ни в чём не обвиняется.

Он выдохнул.

До этого места всё было чисто. Никаких уловок. Он почти почувствовал облегчение.

Но затем сказал:

— И именно поэтому мы не можем позволить властям использовать ошибки отдельных людей, чтобы спрятать преступления всей системы.

Он остановился.

Вроде бы естественный переход. Вроде бы важная мысль. Вроде бы даже благородная.

Только в тот момент, когда речь должна была быть о Лорен, Натан снова заговорил о собственной борьбе.

Он подумал вырезать последнюю фразу.

Не вырезал.

Публикация называлась «Уточнение по делу Блум-стрит».

За двадцать минут её прослушали почти девяносто тысяч человек. Одни благодарили его за честность. Другие требовали не извиняться перед «частью машины». Третьи писали, что Лорен, вероятно, сама заплатила журналистам, чтобы очистить имя.

Натан удалил несколько самых грубых комментариев. Остальные оставил.

Он считал это разумным компромиссом.

В половине одиннадцатого Клара написала: «Спасибо, что назвали её. Но вы не сказали, что именно ваш монтаж привёл к неверным выводам. Люди продолжают считать обвинение почти доказанным».

Натан смотрел на сообщение до тех пор, пока не погас экран.

Ему казалось, что он вытащил из себя тяжёлую, неподъёмную вещь и положил на стол, а Клара пришла и сказала: нет, этого недостаточно, принеси ещё.

Он ответил: «Я сделал то, что вы просили».

Она написала: «Не совсем».

Впервые за много дней Натан выключил телефон сам.

Но он не выключил компьютер.

Потому что на экране продолжали расти числа.

* * *

Глава 18. Люди, которым нужен вождь

В закусочной «Норт-Энд» пахло жареным луком, моющим средством и очень старым кофе. Над стойкой висели часы, отставшие на четырнадцать минут. Официантка не исправляла их, потому что хозяин считал это доброй традицией.

Натан пришёл в 18:52, хотя встречу назначили на семь. Он предпочитал приходить раньше, чтобы выбрать место, привыкнуть к комнате и понять, какой выход ближе. Ему не нравились неожиданные встречи, особенно после звонка незнакомца, который узнал его номер.

Калеб Вейн сидел у окна.

На вид ему было тридцать пять или тридцать шесть. Короткие светлые волосы, куртка строителя, широкие ладони. Его лицо не выражало почти ничего, пока он не улыбался; тогда становилось очевидно, что улыбка у него выработана годами общения с совершенно разными людьми.

— Натан, — сказал он так, словно они уже были знакомы.

Встал, пожал руку.

— Рад, что пришли.

— Я пока ни на что не соглашался.

— Тогда вы пришли правильно. Согласиться всегда можно позже.

Натан сел напротив.

Калеб заказал ему кофе, не спросив, хочет ли он кофе. Натан заметил этот жест, но не придал значения. Ему казалось, что человек с широкой рабочей ладонью, который называет его по имени и смотрит прямо в глаза, не может быть похож на Джулиана Хейса.

— Я видел ваше выступление, — сказал Калеб. — У меня отец живёт в восточном районе. Дом не рухнул, но две стены поехали ещё зимой. Инспекторы были. Сфотографировали, пообещали разобраться, исчезли. Потому вы говорили и за меня тоже.

— Я говорил за жильцов Блум-стрит.

— Вот именно. За всех, кого заставляют стоять с номерком.

Он положил на стол телефон. На экране была фотография школьного зала и Натана у микрофона.

— У меня есть люди из трёх кварталов. Двадцать семь человек готовы приходить на собрания, помогать искать документы, разносить листовки, собирать заявки. Не толпа без лица. Нормальные люди с адресами и профессиями.

— Кто руководит?

— Пока никто. Я занимаюсь организацией, но нам нужен человек, способный говорить, когда остальные не могут подобрать слов.

Натан взглянул на фотографию.

У отредактированного изображения были выпрямленные плечи. Он узнал её из вчерашней ленты.

— Я не политик.

— Отлично. Люди устали от политиков.

— И не собираюсь создавать организацию.

— Значит, не будем называть это организацией.

Натан впервые за встречу улыбнулся.

Калеб улыбнулся в ответ.

— Вы правда верите, что люди слушают вас только потому, что вы хорошо говорите? — спросил он.

— А почему ещё?

— Потому что в вашем голосе слышен человек, которого унижали. Люди узнают это. Их самих унижали. Когда вы говорите, им кажется, что унижение наконец можно вернуть отправителю.

Натан отвёл взгляд к окну.

— Я не хочу, чтобы люди кому-то мстили.

— Конечно. Я тоже.

Калеб выждал ровно столько, сколько нужно, чтобы пауза не стала неудобной.

— Но и просить нас снова быть хорошими мальчиками нельзя. Вы ведь понимаете.

Официантка принесла кофе. Калеб заплатил за обоих, хотя Натан достал кошелёк.

— У меня есть предложение, — продолжил он. — В четверг собираемся возле городской администрации. Мирно. Никаких разбитых окон, никаких угроз. Принесём копии неотвеченных заявок, сделаем стену из бумаги. Обычные люди смогут говорить без фильтров. Вы выступите последним.

Натан представил себе площадь, заполненную людьми, и себя — уже не в школьном спортзале под баскетбольным кольцом, а перед ратушей. Никто не будет выключать его микрофон по истечении двух минут.

— Я должен подумать.

— Разумеется.

Калеб достал тонкую папку. В ней лежали распечатки обращений и лист с именами добровольцев.

— Познакомьтесь хотя бы с людьми. Тут есть водители, медсёстры, две школьные учительницы. Они не просят вас становиться их начальником. Они просят не уходить.

Последние слова попали в Натана сильнее прочих.

Не уходить.

Джун говорила ему почти то же самое, когда была маленькой: «Пап, побудь ещё». Тогда ему приходилось уезжать на работу, и он убеждал себя, что это необходимо ради семьи. Теперь незнакомые люди просили остаться, и он вдруг нашёл для них время, которого годами не хватало дочери.

Ему стало стыдно.

Но вместе со стыдом пришла решимость: возможно, именно ради таких людей он и нужен сейчас миру.

— Хорошо, — сказал Натан. — Я встречусь с ними.

Калеб кивнул, словно ожидал именно этого.

* * *

Вечером Натан приехал в общественный центр на Парк-авеню.

В комнате без окон стояли складные стулья, термосы с чаем и коробка дешёвого печенья. Людей было меньше, чем обещал Калеб: девять человек. Но они смотрели на Натана с таким вниманием, что он почти не заметил разницы.

Первая заговорила женщина по имени Бет Далтон. Она работала в городской больнице и четыре месяца просила отремонтировать автобусную остановку перед входом в травматологическое отделение. Вторая, бывшая учительница, показала фотографию затопленного подвала. Мужчина лет шестидесяти принёс папку с бумагами о закрытии мастерской после изменения городских санитарных требований.

Натан слушал.

В начале встречи он записывал имена и факты. Затем люди начали спрашивать, что именно им следует делать.

— Просто приходите с документами, — ответил он.

— А вы будете говорить? — спросила Бет.

— Если надо.

— Только вы не уходите, — сказала старушка с папкой.

Он невольно расправил плечи.

Каждый человек, сидевший в комнате, рассказывал о своей беде. Но почти каждый разговор заканчивался взглядом на Натана, будто на его лице можно было прочитать решение. Натан никогда не чувствовал себя настолько необходимым.

Когда обсуждение перешло к плакатам, Калеб попросил придумать короткую фразу. Кто-то предложил «Наши дома — не цифры». Другая женщина сказала: «Хватит обещаний». Начался спор.

Натан молчал, пока не почувствовал знакомое внутреннее щекотание — слова уже складывались в чёткую фразу, которую он мог произнести лучше других.

— Знаете, что самое страшное? — сказал он.

Все замолчали.

— Нам каждый раз отвечают так, будто завтра обязательно наступит. А у людей из Блумстрит этого завтра не было. Поэтому я бы написал: «ПОКА ВЫ ЖДЁТЕ, МЫ ЖИВЁМ».

Секунду никто не говорил.

Затем зааплодировали.

Калеб похлопал первым.

— Вот, — сказал он. — Именно этого нам не хватало.

Натан улыбнулся.

И снова не заметил, как странно звучала его собственная фраза: будто люди, которым он обещал помочь, существовали главным образом затем, чтобы он мог говорить от их имени.

* * *

Когда собрание закончилось, Калеб вышел вместе с ним на улицу.

— Вы им нужны, — сказал он.

— Им нужны результаты.

— И они будут. Но сначала нужен способ, чтобы нас услышали.

— Я хочу мирного собрания. Без угроз и нападений.

— Я же сказал.

Калеб открыл дверцу автомобиля и достал из багажника пачку свежих листовок. На верхней красовался портрет Натана с надписью: «НАШ ГОЛОС. НАШЕ ПРАВО».

Натан взял лист.

— Кто разрешил использовать моё лицо?

— Я думал, вы не против.

— Нужно было спросить.

— Конечно. Извините. Я уберу, если хотите.

Калеб сказал это легко, почти без сожаления, и сразу предложил отнести листовки в багажник.

Натан посмотрел на собственный портрет.

Нос на фотографии выглядел более прямым. Подбородок — твёрже. Глаза — увереннее.

Ему нравился этот человек.

— Оставьте, — сказал он.

Калеб закрыл багажник.

— Вы не пожалеете.

По дороге домой Натан долго думал о словах Калеба. Вдруг тот действительно понимал его лучше, чем все люди, рядом с которыми Натан прожил последние сорок лет? Калеб не просил объяснять, почему он вдруг стал другим. Не требовал извинений. Не вспоминал старые промахи. Он принимал Натана таким, каким тот хотел быть.

У самого подъезда ему пришло сообщение от Джун:

«Пап, я в четверг играю после уроков. Если можешь, приходи. Не обязательно, если занят».

Он прочитал его на улице под тусклой лампой.

В четверг был митинг.

Натан набрал: «Постараюсь».

Остановился.

Удалил.

Он уже научился, что это слово означает для дочери.

Написал: «Во сколько?»

«В шесть».

Митинг начинался в пять тридцать.

Натан долго смотрел на экран. Он мог попросить Калеба изменить время выступления. Мог приехать на площадь ненадолго и уйти. Мог сказать дочери прямо, что у него важное событие и он не успеет.

Но вместо всего этого он отправил:

«Я обязательно буду».

Натан ещё не знал, что и на площади, и в школьном зале в четверг вечером кто-то станет ждать его слов.

И что впервые в жизни он окажется способен обмануть обоих одновременно.

* * *

Глава 19. Две сцены

В четверг утром Джун прислала фотографию.

На ней были три скрипки, прислонённые к стене школьного музыкального класса. На среднем футляре висел маленький бумажный журавлик.

«Смотри, я сделала ему брата», — написала она.

Натан улыбнулся. Он хотел ответить, что первый журавлик стоит возле его микрофона, но тут же вспомнил, что слово «микрофон» теперь разделяет их сильнее, чем любая дверь.

Он написал: «Красивый. Сегодня в шесть, помню».

Джун поставила сердечко.

Из-за этого маленького сердечка он до самого обеда испытывал почти физическое облегчение. Пока ребёнок ставит сердечко, ничего окончательно не потеряно. Так он рассуждал, хотя не смог бы объяснить, на каком основании.

Утром Калеб позвонил три раза.

Сначала нужно было решить, куда поставить громкоговорители. Потом оказалось, что кто-то из добровольцев заказал слишком мало распечаток. В третий раз Калеб сообщил, что город разрешил собрание только при условии свободного доступа к входу в ратушу.

— Это даже хорошо, — сказал он. — Не дадим им повода обвинить нас в беспорядках.

— Во сколько моё выступление?

— В шесть десять.

Натан остановился посреди кухни.

— Я просил поставить меня раньше.

— Раньше люди будут ещё подходить. Мы же не ради сорока человек всё это делаем.

— У меня встреча в шесть.

Калеб помолчал.

— Вы можете перенести?

— Это выступление моей дочери.

— О, — сказал Калеб.

В этом «о» было столько искреннего участия, что Натан почувствовал себя неловко.

— Слушайте, тогда приходите, скажите пару слов вначале и езжайте. Никаких вопросов. Семья важнее.

Он почти сказал «спасибо». Ему даже стало тепло от неожиданной лёгкости решения. Затем Калеб добавил:

— Только имейте в виду: многие пришли именно ради вас. Если вы выйдете перед пустой площадью, а потом исчезнете, газеты напишут, что движение выдохлось. Но мы переживём. Вы ведь знаете, как они всё переворачивают.

Натан долго смотрел на экран телефона после разговора.

Никто не запрещал ему уйти.

Калеб просто объяснил цену.

* * *

В половине пятого над Беллпортом было ясное холодное небо. Солнце уже опускалось между офисными зданиями, отражаясь в оконных стёклах так ярко, что улицы казались залитыми пожарным светом.

Площадь перед ратушей постепенно наполнялась людьми. Рядом с деревьями поставили длинные столы, на которых раскладывали заявления, жалобы и фотографии повреждённых зданий. Кто-то действительно построил «стену ожидания» из картонных коробок, оклеенных копиями официальных ответов. На каждой коробке была дата и номер обращения.

Натан подходил к площади со стороны остановки и чувствовал, как в теле поднимается тревога. Он увидел несколько плакатов со своим лицом. На одном портрет был вырезан из газетной фотографии и помещён рядом со словами: «ОН ГОВОРИТ ЗА НАС».

В этот момент ему захотелось развернуться.

Не от страха толпы. От странной ясности: люди приняли за правду человека, который сам уже перестал помнить, где в собственных речах заканчивается факт и начинается хорошая фраза.

Но его заметили.

— Абонент!

Кто-то протянул руку.

— Натан, спасибо!

— Мы вас ждали!

Калеб пробрался к нему через людей, хлопнул по плечу и повёл к импровизированной сцене.

— Посмотрите, сколько пришло. Мы рассчитывали на двести. Их не меньше восьмисот.

Натан увидел полицейских у входа в ратушу. Они стояли спокойно, не приближаясь. В стороне журналисты устанавливали камеры. Клара Восс разговаривала с женщиной, державшей в руках толстую папку. Они не посмотрели в его сторону.

Это слегка задело.

Натан проверил время.

17:18.

Он мог выступить сейчас.

Подойти к микрофону и сказать: «У меня всего пять минут, потом я должен быть рядом с дочерью».

Но Калеб уже объявил, что сначала слово дадут жильцам.

Натан не возразил.

Ему показалось неприличным требовать первого места перед людьми, потерявшими дома.

Только позже он признается себе, что было ещё одно соображение: первые выступающие разогреют толпу. К его выходу люди будут готовы слушать.

В 17:27 к микрофону подошла Бет Далтон. Она рассказала про автобусную остановку у больницы. Выступила очень коротко, сбивчиво, два раза переспросила у Калеба, слышно ли её. Ей похлопали.

В 17:35 выступил мужчина из западного района. Он показывал фотографии трещин, но с задних рядов их было не разобрать. Кто-то начал переговариваться. Калеб подбадривал его жестом.

В 17:46 вышла Ада Уиткомб.

Натан не ожидал её увидеть. На женщине было бежевое пальто; металлической коробки рядом не было. Она держала в руке лист бумаги, но читать с него не стала.

— Мне сказали, что здесь надо говорить о том, какие мы несчастные, — начала Ада. — Я не хочу. Я была счастливой женщиной. Даже после смерти мужа. У меня были соседи, знакомые, свой дом. Я сама выбирала, когда вставать, что готовить и кому открывать дверь.

В толпе сделалось тихо.

— А теперь я живу в гостинице, где мне разрешили хранить чайник, но не разрешили поставить на окно цветок. Мне не нужно, чтобы кто-то обещал отомстить за меня. Мне нужно знать, где я буду жить в следующий вторник. И что будет с миссис Харпер, которой уже никто ничего не обещает.

Она замолчала.

Натан почувствовал, как люди вокруг перестают шевелиться. Никаких удачных лозунгов. Никакой особенной драматургии. Просто женщина, говорящая о цветке на окне.

Аплодисменты начались не сразу.

Когда начались, они были тише, чем он ожидал. Люди слушали так, будто стеснялись превращать сказанное в представление.

Натан посмотрел на часы.

17:54.

Он мог уйти прямо сейчас. От площади до школы было двадцать минут на автобусе, если не будет пробок. На машине — десять, но такси пришлось бы искать. Ещё оставалось время.

Калеб подошёл к нему.

— Следующий вы.

— Сейчас?

— Да. Всё готово.

— Я должен быть в школе к шести.

Калеб посмотрел на часы.

— Тогда самое время сказать своё. Сделайте быстро. Мы подстрахуем.

Натан кивнул.

Его провели к микрофону.

Площадь разразилась аплодисментами ещё до того, как он произнёс первое слово.

Он стоял, опустив руки, и вдруг подумал о маленьком школьном зале, где Джун сейчас натягивает смычок, проверяет ноты и ищет глазами знакомую фигуру среди родителей.

— Меня зовут Натан Келлс, — сказал он.

Кто-то крикнул: «Мы знаем!»

Раздался смех.

Он хотел сказать коротко. Три предложения. Обещание продолжать добиваться проверок. Призыв беречь друг друга. Прощание.

Но с самого первого ряда женщина подняла бумажку со словами «МОЙ СЫН ЖДЁТ ОТВЕТА 243 ДНЯ».

И слова у него пошли сами.

— В этом городе, — произнёс Натан, — принято измерять всё, кроме человеческого терпения.

Аплодисменты.

— Они считают заявки. Они считают этажи. Они считают деньги. Но они никогда не считали вечера, в которые человек боится заснуть в собственном доме.

Натан услышал, что говорит хорошо.

Это было опасное ощущение.

Он перестал смотреть на часы.

— Вы знаете, что самое ужасное? — продолжил он. — Нам предлагают быть вежливыми, пока от нас не останется ничего, кроме вежливости.

Толпа ответила громким шумом.

Натан больше не нуждался в Калебе. Тот стоял сбоку и смотрел с одобрением, но Натан уже чувствовал себя хозяином времени, площади, пауз между собственными словами.

В 18:03 телефон в кармане завибрировал.

Он не проверил.

В 18:07 Калеб показал ему жестом, что пора заканчивать. Натан видел жест и сделал вид, будто не заметил.

В 18:11 толпа хором повторяла последние слова его речи: «МЫ ЕЩЁ ЗДЕСЬ».

В 18:14 Натан наконец отошёл от микрофона.

И сразу же услышал просьбы остаться, дать интервью, пожать руку, записать короткое обращение.

Он пытался пройти, но каждый человек говорил с ним так, словно именно его минута сейчас важнее всех остальных.

В 18:19 ему удалось выбраться к улице.

Он достал телефон.

Три сообщения от Джун.

«Ты уже едешь?»

«Мы скоро выходим».

«Я оставила тебе место с краю».

Натан начал набирать: «Я еду».

Затем увидел время отправки последнего сообщения: 18:04.

Ему стало ясно, что дочь уже выступила или выступает сейчас.

Он вызвал такси.

Пока машина ехала, Натан смотрел короткие записи с площади. Кто-то успел выложить его речь. В комментариях писали: «Мурашки», «Настоящий человек», «Говорит за всех нас».

Водитель спросил, нужен ли объезд из-за дорожных работ.

— Как быстрее, — ответил Натан.

Его телефон снова завибрировал.

На экране появилось видео от Джун: маленькая сцена, три девочки со скрипками, жёлтые шторы на заднем плане. Камера была установлена на штатив и смотрела из дальнего ряда.

Натан нажал воспроизведение.

Звук оказался тихим и неровным. Одна из девочек сыграла неверную ноту, потом все снова соединились. На третьей минуте Джун подняла лицо от нот и посмотрела в зал.

Взгляд длился меньше секунды.

Но Натан узнал его.

Она искала его.

И не нашла.

Он остановил видео.

— Что-то случилось? — спросил водитель, заметив его лицо в зеркале.

Натан посмотрел на телефон.

— Я опоздал.

Водитель кивнул, будто услышал самое обычное признание в мире.

— Бывает.

И от того, как просто прозвучало это слово, Натану захотелось ударить кулаком по сиденью.

* * *

В школу он приехал в 18:42.

Дети уже расходились. У входа стояли родители с букетами и чехлами для инструментов. На ступенях Джун разговаривала с Марианной.

Натан увидел её раньше, чем она его.

Джун держала скрипичный футляр на плече. Другой рукой поправляла бумажного журавлика, прикреплённого к ручке. Она выглядела усталой, но не расстроенной.

Он подошёл.

— Привет.

Она повернулась.

— Привет, пап.

— Прости меня. Я…

— Ты был на площади.

Он замолчал.

— Ты видела?

— Все видели. В классе уже прислали видео.

Марианна отвела взгляд, словно решила предоставить им возможность поговорить.

— Джун, там были сотни людей. Меня не отпускали. Я пытался…

— Пап, я знаю.

Она сказала это ровно. Не издевательски. Не сердито.

— Я просто думала, что теперь ты научился говорить, когда не сможешь прийти.

Он ощутил укол сильнее любого обвинения.

— Я хотел успеть.

— Я тоже.

Натан достал из кармана небольшой шоколадный батончик, который успел купить у школы. В тот же момент понял, насколько нелепо это выглядит: маленькая вещь, которой он словно пытался заменить своё отсутствие.

Он оставил батончик в кармане.

— Как ты сыграла? — спросил он.

Джун посмотрела на Марианну, затем на него.

— Посмотри видео. Мама сняла.

— Я уже посмотрел начало.

— Там всё видно.

И в первый раз после развода она не бросилась его обнимать на прощание.

Просто сказала «пока» и пошла к машине.

Натан остался стоять у школьных ступеней.

Марианна задержалась на секунду.

— Она не ждала, что ты бросишь весь мир ради неё, — сказала она. — Она ждала, что ты не пообещаешь лишнего.

Натан посмотрел на пустое место у двери.

— Я уже знаю.

— Тогда в следующий раз не объясняй, почему ты был прав. Просто скажи правду заранее.

Марианна пошла к автомобилю.

Натан хотел сказать ей что-то едкое. Например, что она всегда умела разговаривать так, будто жизнь состоит из простых правил. Но он ничего не сказал.

Потому что на этот раз правила действительно были простыми.

* * *

Поздно вечером он включил запись своего выступления.

Пять минут сорок две секунды.

Потом ещё раз.

На третьем прослушивании он нашёл момент, когда телефон завибрировал в кармане. На видео это было незаметно. Люди аплодировали. Его лицо было обращено к площади. Дочь ждала за двадцать минут езды.

Натан мог назвать этот момент несчастным совпадением. Мог объяснить, что движение нельзя было бросить. Что от его речи зависели будущие проверки. Что он делал важное дело для многих детей, которым тоже нужно безопасное жильё.

Все эти объяснения казались разумными.

И впервые в жизни он увидел, как много разумных объяснений требуется человеку, чтобы не сказать одно простое предложение:

«Я снова выбрал не тебя».

Он выключил видео.

Сел перед пустым экраном.

На столе, у микрофона, стоял бумажный журавлик.

Натан осторожно поправил его крыло.

Потом достал чёрную тетрадь.

Раскрыл страницу, где были записаны фамилии людей, которых он считал препятствием. Под именем Калеба Вейна ничего не было.

Он подумал и вывел: «Понимает».

После паузы дописал: «Только он».

Телефон загорелся новым сообщением.

Калеб прислал фотографию площади и подпись: «Вы сегодня были невероятны. Город наконец получил человека, которого заслуживает».

Натан прочитал её дважды.

А потом впервые за вечер улыбнулся.

И от собственной улыбки ему стало стыдно.

* * *

Глава 20. Проверяемые факты

Клара Восс проснулась от сообщения редактора в пять сорок пять.

«Юрист прочитал материал. Есть вопросы по двум пунктам. Приезжай до девяти».

Она посмотрела на телефон, потом на стопку папок у кровати.

На верхней лежала копия протокола технического совещания, проведённого за пять месяцев до обрушения дома. Протокол пришёл поздно ночью от человека, который боялся назвать своё имя. Сначала Клара не поверила. Затем сверила номера входящих писем, отметки в реестре, подписи и последующие ответные документы. Каждая бумага отдельно выглядела скучной. Вместе они складывались в историю, которой никто не хотел рассказывать.

В Беллпорте было слишком много людей, уверенных, что город управляется одним большим злодеем. Журналистская работа постоянно сталкивалась с этой простой, удобной уверенностью. На самом деле система выглядела иначе: один инженер не смог настоять на повторной проверке, один руководитель отложил её ради квартальной отчётности, один подрядчик не передал результаты измерений, а один служащий нажал кнопку «закрыть» — и каждый мог показать на чужую фамилию.

Клара не считала всех одинаково виновными.

Она считала, что без различий невозможно добиться ответственности.

В девять утра её редактор, Томас Беккер, сидел перед распечатанными страницами с красными пометками.

— По Морроу у нас цепочка подтверждена? — спросил он.

— Есть внутреннее письмо инженера, журнал осмотра, выписка по заявкам и ответ департамента. Несколько сотрудников согласились подтвердить процедуру, но только один готов говорить под своим именем.

— Это достаточно для описания действий. Но не для фразы «он знал, что дом рухнет».

— Я её и не пишу.

Беккер поднял лист.

— А здесь?

Клара посмотрела. В одном из первых абзацев было написано: «Муниципальные службы игнорировали признаки разрушения, о которых сообщали жители».

— Это подтверждено.

— Подтверждено, что обращения оставались без новой инспекции. Слово «игнорировали» может означать намеренный отказ.

Клара вздохнула.

— Томас, мы уже третью неделю заменяем живые глаголы словами из техотчёта. Скоро получится статья, где дом разрушился сам, а все просто сидели рядом.

Редактор поднял глаза.

— Поэтому мы пишем, кто именно не сделал того, что обязан был. Это сильнее любого глагола.

Она замолчала.

Её раздражало, что он прав.

На листе, который лежал отдельно от остальных, было имя Натана Келлса. Электронная подпись под закрытием обращения. Служебный протокол, предоставленный через законную процедуру запроса. Признание в ходе внутренней проверки — пока непубличное, но подтверждённое двумя независимыми источниками.

Клара перевернула лист.

— Натан не единственный, кто подписывал закрытые обращения, — сказала она.

— Мы и не утверждаем обратного.

— Я не хочу, чтобы из него сделали единственного виновного.

— Ты пытаешься его защитить?

Клара задумалась.

— Я пытаюсь не делать с ним то, что он сделал с Лорен Пирс.

Беккер кивнул.

— Хороший ответ. Сохрани его в статье.

* * *

К полудню материал был готов.

Заголовок получился длинным и почти некрасивым: «Блум-стрит, 17: как предупреждения жильцов остались без повторной проверки». Ни слова о героях. Ни слова о врагах. Ни одного восклицательного знака.

Клара знала, что его будут читать меньше, чем ролик Натана, но она надеялась на другую судьбу текста. Ей хотелось, чтобы через полгода, когда закончится возбуждение, адвокат мог приложить статью к делу и не найти в ней фразы, от которой придётся отказываться.

Материал появился в 12:07.

Через шесть минут Натан открыл его по ссылке от Калеба.

«Смотри, она наконец признала, что ты был прав», — написал тот.

Натан читал медленно.

В статье действительно подтверждалось многое из того, о чём он говорил. Несколько жалоб жильцов не привели к новому обследованию. Внутренние письма предупреждали о возможном ухудшении конструкций. Департамент жилищного контроля задержал согласование внепланового осмотра. Подрядчик не передал полные результаты измерений в установленные сроки.

Было и то, чего Натан не знал.

Один из инженеров пытался направить повторный запрос непосредственно руководству города. Ему отказали не в самой проверке, а в финансировании срочного обследования. Решение не принимал один человек. Его подписи ставили трое, а четвёртый сотрудник утверждал итоговый график.

Натан остановился на фамилии Морроу.

Клара подробно описывала его участие, но не утверждала, что именно Морроу распорядился закрыть обращение Ады. Это раздражало Натана. Ему хотелось увидеть окончательный ответ: фамилию, должность, вину. Желательно — одну.

В конце материала была небольшая вставка, озаглавленная «Что известно о публикациях Абонента».

Там говорилось, что первые записи Натана способствовали общественному вниманию к жалобам, но некоторые отрывки были опубликованы без согласия людей, а один широко распространённый монтаж создал ошибочное впечатление о содержании ответа Морроу.

Затем следовал абзац о Лорен Пирс.

И последний, самый неприятный для Натана: о том, что работник CivicTone, впоследствии известный как Абонент, подтвердил закрытие одной из повторных жалоб после разговора с руководителем.

Натан перечитал предложение несколько раз.

Он чувствовал, как знакомые слова о трусости и ответственности приближаются к нему со стороны, с которой раньше он не ожидал нападения.

Служебная подпись.

Закрытая заявка.

Тот самый момент, когда он нажал кнопку.

Клара не называла его убийцей. Не делала из него главного злодея. Даже прямо писала, что его решение не заменяло технических и административных обязанностей других участников процесса.

И всё же этот абзац казался Натану самым жестоким из всего текста.

Потому что был точным.

* * *

В 13:16 ему позвонил Калеб.

— Прочитали?

— Да.

— Хитро написано, правда? Вроде как подтверждают нас, но потом начинают копаться в вас.

— В статье есть документы.

— Конечно. Но они поставили вашу подпись рядом с решением чиновников. Люди увидят, что и вы участвовали. Они хотят, чтобы вы оправдывались.

Натан молчал.

— Натан, послушайте меня. Вы не должны оправдываться. Они именно этого и добиваются. Сегодня начнут с вашей ошибки, завтра скажут, что весь протест был ошибкой.

— Я действительно закрыл жалобу.

Он произнёс это неожиданно даже для себя.

На другом конце линии возникла пауза.

— И что? — спросил Калеб.

— В смысле?

— Вы же не знали, что случится. Вас заставили работать по правилам. А когда вы увидели, к чему это приводит, вы пошли против них. Если хотите, можно построить всю речь на этом. Люди любят истории о преодолении.

Натан взглянул на окно.

— Это не история о преодолении.

— Тогда назовём её историей пробуждения. Смысл тот же.

Он хотел возразить, но внезапно почувствовал, как легко становится дышать от слов Калеба. Тот не отрицал его подписи. Не требовал сказать правду целиком. Просто предлагал красивое место для неприятного факта внутри большой истории.

И Натан понял, что именно в этом состоит особенный талант Калеба: он никогда не просил лгать. Он умел находить такие названия для правды, после которых она переставала болеть.

— Приходите вечером, — сказал Калеб. — Люди хотят обсудить следующую акцию. Нужно удержать инициативу.

— Какую акцию?

— Пока выбираем. Ничего опасного. Вы же знаете.

Натан сказал, что подумает.

* * *

Вечером Клара приехала к Лорен Пирс.

Она обещала не приходить без предупреждения, поэтому сначала позвонила. Лорен пригласила на чай.

На кухонном столе действительно лежала клеёнка с жёлтыми лимонами. У окна сушилась детская толстовка. Томми сидел на полу с игрушечным автомобилем и прокатывал его по полоске света.

— Прочитали статью? — спросила Клара.

Лорен кивнула.

— Да. Спасибо, что написали о моих обязанностях.

— Это должны были проверить с самого начала.

— Должны были.

Лорен налила чай.

Некоторое время они говорили о юридической помощи, о работодателе и о том, что полиция установила нескольких людей, отправлявших угрозы. Затем Лорен спросила:

— А этот мужчина, Натан… он правда думал, что помогает людям?

Клара не ответила сразу.

Она вспоминала, как Натан впервые прислал ей документы, как боялся собственного имени, как осторожно говорил о жильцах. В нём было настоящее желание помочь. Это, пожалуй, и делало произошедшее страшнее: всё началось не с желания разрушить чью-то жизнь.

— Думаю, да, — сказала Клара.

Лорен посмотрела на сына.

— Тогда почему, когда я попросила его остановиться, он говорил так, словно это я мешаю ему помогать?

Клара не нашла точного ответа.

Из соседней комнаты донёсся звук телевизора. Томми поднял голову.

— Мам, а можно я сегодня поеду к дедушке? — спросил он.

Лорен улыбнулась.

— Можно, если он согласится.

— У него дверь железная, — сказал мальчик. — И он всегда проверяет, кто звонит.

Он сказал это так буднично, что Клара отвела взгляд.

Лорен поставила чашку.

За окном начинался дождь. По стеклу пробежала первая капля.

— Знаете, чего я хочу? — тихо произнесла она. — Чтобы мой сын снова думал, что дверь существует для того, чтобы кто-то приходил в гости.

Клара кивнула.

Ей хотелось пообещать, что скоро всё закончится. Но за последние недели она достаточно узнала о словах, которыми люди привыкли успокаивать друг друга, чтобы не произносить обещаний, которых не сможет выполнить.

* * *

Натан тем временем сидел дома перед микрофоном.

Статья Клары оставалась открытой на экране. Рядом лежал список вопросов от Калеба: почему независимая журналистка доверяет данным администрации; кто отвечает за безопасность людей в гостиницах; почему проверка по делу затягивается. Все вопросы были законными. Ни один не содержал откровенной лжи.

Но вместе они образовывали другое сообщение: в мире не осталось человека, которому можно верить, кроме голоса Натана.

Он включил запись.

— Друзья, — сказал он.

Слово прозвучало ласково и неожиданно привычно.

— Сегодня нам снова предложили ждать. Только теперь с ссылками, подписями и красивыми доказательствами.

Он остановился.

Вновь посмотрел на текст Клары.

В нём действительно были доказательства. Он сам ждал этих бумаг. Он просил о них. Он сердился, что их не публикуют.

Натан стёр первую фразу.

Начал иначе.

— Сегодня опубликованы важные документы. Они подтверждают то, о чём жители Беллпорта говорили месяцами: сообщения об опасности не приводили к срочной проверке. Я благодарен каждому, кто участвовал в сборе этих материалов.

Он замолчал.

Вот так, подумал он, и нужно сказать. Без нападения. Без удобных врагов. Можно признать не только чужую работу, но и собственную ошибку. Он мог бы произнести следующие слова — «я тоже закрыл жалобу» — и оставить их без оправданий.

Но в голове прозвучал голос Калеба: «Если вы начнёте оправдываться, они заберут всё, чего мы добились».

А потом голос Марианны: «Не делай из дочери доказательство собственной доброты».

И, наконец, голос Джун: «Я думала, что ты научился говорить, когда не сможешь прийти».

Натан выключил микрофон.

Он сидел долго.

В комнате постепенно темнело. Уличный фонарь зажёгся и осветил край стола, стакан воды, раскрытую тетрадь. Натан перевернул страницу.

На чистом листе написал: «Клара Восс».

Ниже: «Публикует правду».

Он смотрел на эти слова и чувствовал, что не способен их зачеркнуть.

Тогда дописал:

«Но не мою».

Когда через полчаса Калеб прислал список людей для встречи, Натан ответил одним словом:

«Приеду».

* * *

Глава 21. Люди, которые не задают вопросов

В тот вечер Натан впервые подумал, что человек может прожить всю жизнь, ни разу не солгав себе откровенно.

Для этого достаточно правильно расставлять слова.

Не «я испугался», а «я оценил последствия».

Не «я предал», а «у меня не было выбора».

Не «я хотел, чтобы мной восхищались», а «людям нужен кто-то, кто не боится говорить».

Всё зависело от порядка.

В детстве он любил собирать предложения из магнитных букв, которые мать прикрепляла к холодильнику. Однажды он составил фразу: «ПАПА БОЛЬШЕ НЕ ЗЛИТСЯ». Отец увидел её, рассмеялся и переставил буквы.

Получилось: «ПАПА НЕ БОЛЬШЕ ЗЛИТСЯ».

Фраза была неправильной, зато отец перестал смеяться над ним.

Натану тогда исполнилось восемь. Он не понял, зачем взрослому человеку понадобилось разрушать детское предложение.

Теперь, тридцать три года спустя, он занимался тем же самым.

Только буквы стали людьми.

* * *

Встречу назначили в бывшем бухгалтерском офисе на третьем этаже здания напротив автомобильной стоянки.

На первом этаже работала прачечная. В узком холле пахло влажным бельём, дешёвым порошком и чем-то кислым, напоминавшим забытые в стиральной машине полотенца.

Натан поднялся по лестнице. На двери третьего этажа висела бумажка:

«СОБРАНИЕ. ВХОД СВОБОДНЫЙ».

Ниже, другим почерком, кто-то приписал:

«ТОЛЬКО ДЛЯ УЧАСТНИКОВ».

Он остановился перед дверью.

Два утверждения противоречили друг другу, но почему-то выглядели вполне естественно.

Изнутри доносились голоса.

— Если мы поставим столы ближе к дороге, полиция потребует разрешение на размещение оборудования.

— А если без столов?

— Тогда документы придётся держать в руках.

— Люди устанут.

— Люди и так устали.

Натан узнал голос Бет Далтон. Женщина говорила спокойно, но настойчиво, как человек, которому надоело объяснять очевидное.

Калеб заметил Натана первым.

— А вот и наш главный человек!

Несколько собравшихся обернулись.

Натан улыбнулся.

Ему не понравилось слово «главный».

Ему понравилось, что после него все обернулись.

В комнате стоял длинный стол, окружённый разномастными стульями. На подоконнике лежали свёрнутые плакаты, на стене висела карта Беллпорта, испещрённая красными и жёлтыми булавками.

Возле карты молодой мужчина с аккуратной бородой разбирал фотографии. Рядом сидела пожилая женщина, которую Натан видел на митинге, но имени не запомнил.

Калеб положил ему руку на плечо.

— Мы обсуждаем следующий шаг. После статьи Восс момент очень подходящий.

— Подходящий для чего?

— Для того, чтобы не дать городу снова уснуть.

Натан посмотрел на карту.

Красные булавки стояли возле Блум-стрит, здания департамента, ратуши и ещё нескольких адресов.

— Что это?

— Места, где принимались решения. Мы хотим провести маршрут общественного внимания.

— Какой маршрут?

— Люди будут приходить к учреждениям с копиями документов. Молча стоять. Без оскорблений. Без конфликтов.

— А булавка у редакции?

Калеб посмотрел на карту.

— Где?

— Вот эта.

Он показал на маленькую жёлтую отметку в восточной части города.

Калеб проследил направление его пальца.

— А, это. Там же редакция Клары Восс.

— Зачем она здесь?

— Чтобы люди могли задавать вопросы тем, кто формирует общественное мнение.

— Она опубликовала документы.

— Конечно. И мы это ценим.

Калеб улыбнулся.

— Но ведь журналисты тоже должны отвечать за свои публикации?

Натан не ответил.

Он вдруг заметил, что ни один человек за столом не спросил, почему редакция оказалась на одной карте с учреждениями, допустившими нарушения.

Все обсуждали расстояния, время, количество плакатов.

Никто не обсуждал смысл.

И Натан почувствовал неприятное узнавание.

Так когда-то проходили совещания в CivicTone.

Там тоже сперва решали, как оформить ответ, а уже потом — что именно в нём написано.

— Снимите отметку, — сказал он.

Калеб не сразу понял.

— Простите?

— Редакцию. Уберите из маршрута.

Молодой человек возле карты отложил фотографии. Калеб посмотрел на Натана с выражением, которое можно было принять за дружеское удивление.

— Согласен, это нужно обсудить. Но она ведь написала о вас.

— И что?

— Вы имеете право ответить.

— Право ответить не означает право устраивать собрание у её работы.

Бет негромко сказала:

— Нам обещали обсудить остановку у больницы. Если вы собираетесь ходить к журналистам, я на это время тратить не стану.

Натан почувствовал благодарность. Бет сказала то, что он хотел сказать, но у неё это получилось без напряжения. Она не доказывала собственной смелости. Просто сообщила, куда готова идти, а куда нет.

Калеб медленно поднял ладони.

— Хорошо. Редакцию убираем. Здесь нет диктатуры.

Он вынул жёлтую булавку из карты и положил на стол. Сказал так легко, что Натан испытал неловкость: будто слишком бурно отреагировал на незначительное предложение.

— Теперь насчёт остановки, — продолжил Калеб. — Мы получили ответ из департамента транспорта. Проверка запланирована на следующий квартал.

— Нам нужен временный навес, — сказала Бет. — Не следующий квартал. Перед больницей стоят люди после операций, с костылями. Вчера женщина упала на мокром асфальте.

— Именно поэтому мы должны действовать системно.

— Можно мне посмотреть ответ?

Калеб перебрал листы.

— После собрания покажу.

— Я могу дождаться.

— Разумеется.

Он улыбнулся ей с тем же выражением, с каким несколько минут назад улыбался Натану. Натан вдруг заметил, что Калеб одинаково мягко говорит и «да», и «нет». Разница обнаруживается только через несколько дней.

Собрание продолжалось больше часа. Молодой человек у карты представлял график выходов, объяснял, как распределять людей по точкам. У него был голос школьного учителя, который давно привык к шумным классам и научился удерживать внимание, не повышая тона. Звали его Мартин Грей. Он вёл таблицу добровольцев и говорил о людях буквами и цветами.

— Красные подтверждены. Жёлтые сомневаются. Серые не ответили. Нужно работать с жёлтыми: они уже почти с нами.

— Почти с нами где? — спросила Бет.

— В движении.

— А они знают, что в движении?

Мартин усмехнулся.

— Они подписались на обновления.

— Я тоже подписалась на скидки в аптеке, — сказала Бет. — Это не значит, что готова там работать.

Несколько человек засмеялись. Натан — тоже, чуть громче остальных.

Мартин смущённо поправил очки. Калеб похлопал его по плечу и быстро перевёл разговор на транспорт. В этом жесте было что-то заботливое. Натан увидел, как Мартин снова распрямился.

После собрания Бет подошла к Натану возле вешалки.

— Спасибо, что про редакцию сказали.

— Это было очевидно.

— Не всем.

Она надевала пальто медленно, стараясь не задеть больную руку.

— Вы правда можете помочь с остановкой? — спросила она.

Натан хотел сразу пообещать. Он уже знал, как хорошо прозвучит: «Я добьюсь ответа». Но вспомнил Джун на школьных ступенях.

— Я могу завтра позвонить в департамент и выяснить, на каком этапе заявка. Ремонт обещать не могу.

Бет внимательно на него посмотрела.

— Вот это, — сказала она, — уже похоже на помощь.

Он не нашёлся с ответом.

В маленькой комнате, среди людей, которые всё время называли его голосом города, простая похвала Бет показалась непривычной. В ней не было восхищения. Только проверяемая задача на завтра.

Когда женщина ушла, Калеб пригласил Натана в соседний кабинет.

На столе стояли два бумажных стакана. Один был пустой, второй — с остывшим кофе. Калеб не предложил ни тот ни другой.

— Сегодня вы меня удивили, — сказал он.

— Чем?

— Не думал, что у вас столько принципов.

— Это плохо?

— Прекрасно. Только принципы очень дорого обходятся, когда у тебя появляются люди.

Натан стоял у двери.

— У меня нет людей.

— Вот именно поэтому они у вас и есть. Вы единственный, кто не хочет признавать очевидного.

Калеб достал из папки макет листовки: белый фон, чёрная фотография Натана, внизу крупные слова «МЫ НЕ УЙДЁМ».

— Мне нужны две минуты вашего голоса. Просто скажите, что вы поддерживаете маршрут. Никаких имён. Никаких обвинений.

— Я ещё не согласился с маршрутом.

— Мы же убрали редакцию.

— Я хочу увидеть весь список точек.

Калеб какое-то время рассматривал его, как человек, которому предлагают заново проверить уже купленный билет.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Завтра пришлю окончательный вариант.

Натан кивнул и взялся за ручку двери.

— Кстати, — сказал Калеб, — как дочь?

Рука Натана остановилась.

— Нормально.

— Простите, что так получилось в четверг. Я видел запись выступления. Вы были потрясающи. И я понимаю, что цена у этого вышла личная.

Натан медленно повернулся.

— Это была моя ошибка.

— Возможно. Но представьте на секунду, что вы тогда ушли. Что сказали бы люди, которые приехали ради вас?

— Не знаю.

— Наверное, почувствовали бы себя снова покинутыми.

Натан посмотрел на листовку.

Он хотел ответить, что у людей были собственные голоса. Что Ада Уиткомб говорила лучше него, хотя никогда не училась выступать перед толпой. Что Бет Далтон прямо сейчас нуждалась не в нём, а в навесе у больницы. Что девочка со скрипкой заслуживала хотя бы честного сообщения.

Но все эти мысли существовали отдельно друг от друга, а у Калеба была готовая фраза, способная вместить их всех.

— Иногда нам приходится разочаровать одного человека, чтобы не разочаровать сотни, — сказал Калеб.

Натан открыл дверь.

На лестнице стояла высокая тишина нежилого здания. Из прачечной снизу слышался металлический стук сушильной машины.

Он не соглашался с Калебом.

Но и спорить больше не хотелось.

* * *

Дома Натан обнаружил, что забыл поесть.

Он открыл холодильник, долго смотрел на пластмассовую коробку с рисом и закрыл дверцу. Затем налил воды, выпил половину и включил компьютер.

На экране ещё оставалась статья Клары.

Под ней появились новые комментарии.

Один читатель спрашивал, почему журналистка не опубликовала документы раньше. Другой требовал проверить её источники. Третий разместил фотографию редакции с подписью: «Здесь делают из героев виновных».

Натан открыл изображение.

Фасад был снят со стороны улицы. Виднелась входная дверь. Номер дома не был указан, но на вывеске крупно читалось название издания.

Он посмотрел время публикации.

Двадцать восемь минут назад.

Натан мог сообщить модераторам, что фотография используется в угрожающем контексте. Мог написать коротко и ясно: «Не приходите к редакции. С журналистами спорят фактами». Мог позвонить Калебу.

Он даже открыл поле комментария.

Набрал: «Я не призываю никого к действиям против Клары Восс».

Прочитал.

Получалось, что он оправдывается перед ней. Что она снова оказывается в центре его разговора. Что именно она устанавливает условия, в которых ему позволено действовать.

Он стёр предложение.

Написал: «Наша борьба должна оставаться мирной».

Посмотрел на экран. Эта фраза была красивой, правильной и настолько общей, что её можно было поставить под любой фотографией, даже под той, которую он только что открыл.

Он опубликовал её.

Через минуту комментарий получил сорок семь отметок одобрения.

Ещё через десять — двести.

Кто-то ответил: «Конечно мирной. Просто спросим её, за сколько она продалась».

Натан не удалил ответ.

Он очень устал.

И усталость впервые показалась ему достаточной причиной ничего не делать.

* * *

В половине второго ночи Джун прочитала его сообщение, отправленное накануне:

«Я посмотрел запись целиком. Ты хорошо сыграла. Мне очень жаль, что я не пришёл».

Она не ответила.

Возле её имени появилась отметка «прочитано».

Натан смотрел на неё дольше, чем на любой документ в статье Клары.

Раньше тишина дочери казалась ему наказанием. Теперь он впервые подумал, что она, возможно, просто спит. Или делает уроки. Или не знает, что ответить. В его жизни всё чаще появлялись люди, которые не выполняли придуманную для них роль.

Это должно было его радовать.

Но он чувствовал себя ненужным.

Он закрыл переписку, открыл статистику канала и поймал себя на том, что ждёт там утешения.

Цифры не разочаровали.

Глава 22. Письмо без подписи

Клара Восс не любила слово «смелость» применительно к своей работе.

Оно было слишком удобным для тех, кто с утра до вечера сидел за столом и позволял себе забыть о людях, которые приносили документы. Смелость редко выглядела как громкое выступление. Чаще она выглядела как человек, который в конце рабочего дня ещё раз открывает старое письмо и пытается понять, можно ли доверять собственным глазам.

Утром после публикации она приехала в редакцию раньше уборщицы.

На стеклянной двери кто-то оставил бумажку, сложенную вчетверо. Обычный лист. Без конверта, без подписи.

«ПЕРЕСТАНЬТЕ ПРИКРЫВАТЬ ВИНОВНЫХ».

Буквы были напечатаны на домашнем принтере. Клара сняла лист, сфотографировала его и передала охране здания. Сотрудник на посту отнёсся к бумаге как к неприятной, но не исключительной погоде.

— Камеры посмотрим, — сказал он. — Вчера вечером тут многие заходили.

— Спасибо.

— Вы только не переживайте.

Она вежливо кивнула.

Эта фраза всегда ставила её в тупик. Люди произносили её так, будто тревога была нарушением общественного порядка, которое можно устранить правильной просьбой.

Наверху Томас Беккер разбирал письма читателей. На его столе лежали три пачки распечаток и почти пустой пакет с солёными крекерами.

— У нас рекорд, — сказал он, не поднимая головы.

— По просмотрам?

— По количеству людей, которые утверждают, что никогда нас больше читать не будут. Половина пишет уже пятое письмо.

Клара села напротив.

— На двери оставили записку.

Она показала фотографию.

Томас перестал жевать.

— Угроза?

— Обвинение.

— Не вижу большой разницы, если завтра под дверью будет что-то тяжелее бумаги.

— Я передала охране.

Томас кивнул и отложил пакет.

— Натан ответил?

— Написал, что движение должно оставаться мирным.

— Это полезное заявление.

— Смотря для кого.

Клара открыла на компьютере фотографию редакции, которую вчера разносили подписчики Абонента.

— Он не сказал, что не надо приходить сюда. Он не сказал, что этот снимок к его расследованию отношения не имеет.

— Может, не видел.

— Видел. Он отвечал под записью.

Беккер посмотрел на неё.

— Ты хочешь, чтобы мы написали о его комментарии?

— Нет. Я хочу понять, где заканчивается его нерешительность и начинается расчёт.

— А это уже не совсем журналистский вопрос.

— Знаю.

Томас вздохнул и повернул монитор к себе.

— Тогда вернёмся к вопросам, на которые у нас есть документы.

Он показал ей письмо от департамента размещения. Муниципалитет выделил дополнительные места в гостиницах для жильцов Блум-стрит, но сроки временного проживания оставались прежними. В приложенной таблице были даты, номера заявлений и строки с пустыми полями.

— Почему пустые? — спросила Клара.

— Часть людей ещё не прошла повторную идентификацию. Им нужно явиться лично.

— Среди них Ада?

— Проверим.

Клара посмотрела на таблицу. В строке под номером двадцать восемь значилось: «Непредоставленные сведения».

Напротив стояло имя женщины, которую она знала по встречам с жильцами.

Ада Уиткомб.

Клара позвонила ей.

— Ада, доброе утро. Вы получали письмо о продлении проживания?

— Какое письмо?

Клара на секунду закрыла глаза.

— В департаменте считают, что вам нужно подтвердить данные.

— Я подтверждала. Три раза. У них моё свидетельство, фотографии и номер телефона.

— Возможно, речь о новом порядке.

— А квартира у меня тоже по новому порядку развалилась?

Клара не стала отвечать на этот вопрос.

— Я уточню, какие бумаги нужны.

— Лучше спросите, кому именно. Каждый раз меня направляют в другое окно. Мне уже кажется, что если бегать достаточно долго, тебя сочтут переселённой.

После звонка Клара десять минут составляла запрос. Никакого разоблачения. Просто четыре строки с датами и вопросом, на каком основании человеку повторно отказали в продлении, если его документы уже приняты.

Эта работа не годилась для громких заголовков.

Но на следующий вторник у Ады было забронировано место в гостинице только до полудня.

Клара решила, что пока этого достаточно, чтобы не отвлекаться на бумажку у двери.

* * *

В тот же день Натан позвонил в департамент транспорта.

Трубку взяла женщина с осторожным голосом, который он узнал бы среди тысячи других: голос человека, обязавшегося помочь, не получив для этого почти никаких полномочий.

— По остановке у городской больницы могу сказать только то, что указано в карточке, — произнесла она.

— Я не прошу ничего, кроме статуса.

— Ожидает согласования.

— С какого числа?

Женщина назвала дату. Натан записал её на полях старого счета за электричество.

— А кто согласовывает?

— Департамент благоустройства и управление дорожного движения.

— Есть срок?

— По регламенту — до тридцати рабочих дней.

— Сколько уже прошло?

— Двадцать девять.

Натан помолчал.

Он почти почувствовал, как в нём складывается эффектная речь про двадцать девять дней. Мог сказать: «Двадцать девять дней чиновники решают, достоин ли человек после операции крыши над головой». Мог опубликовать запись, собрав за вечер десятки тысяч прослушиваний.

Вместо этого он спросил:

— Если решение не примут завтра, какой следующий шаг?

Женщина назвала адрес электронной почты для повторного обращения и номер кабинета, где принимают заявления в бумажном виде.

Он всё записал.

Впервые за долгое время разговор закончился без чувства, что он победил собеседника.

Но с двумя конкретными строками информации.

Натан отправил Бет сообщение:

«Заявка на согласовании. Срок выходит завтра. Если не ответят, есть номер кабинета и форма повторного обращения. Могу помочь составить».

Бет ответила через десять минут:

«Спасибо. Это полезно. В пятницу пойду с распечатками».

Он перечитал её ответ. Ни одного восклицательного знака. Ни одного слова о том, какой он особенный.

И всё-таки на несколько минут почувствовал себя человеком, который сделал что-то хорошее.

Потом пришло сообщение Калеба.

«Срочно открой ссылку. Тебя снова атакуют».

Натан открыл.

На местном форуме появилась подборка коротких аудиофрагментов из старых обращений CivicTone. На записи звучал его прежний голос. Вежливый, усталый, почти бесцветный.

— Ваше обращение передано ответственному специалисту. Мы понимаем ваше беспокойство.

После первой записи шёл комментарий неизвестного пользователя: «Вот каким был наш герой, когда ему платили за молчание».

Вторая запись.

— К сожалению, оснований для повторного рассмотрения на данный момент не установлено.

Третья.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии.

Натан почувствовал холод под ключицами.

Он узнал не только собственный голос, но и конкретный день. Тогда уже приближалось закрытие квартала, и Джулиан просил не оставлять незавершённых заявок. Он помнил серое небо за окном офиса, запах дешёвого кофе и раздражение, с которым нажал кнопку в карточке обращения.

Слова о повторном рассмотрении были стандартным шаблоном. Они звучали не жестоко, а безразлично. Так же, как тысячи других подобных фраз.

Именно поэтому их было трудно слушать.

Калеб позвонил почти сразу.

— Увидели?

— Да.

— Надо бить первыми. Я подготовлю ответ. Скажем, это монтаж из рабочих архивов, вырванный из контекста.

— Это и есть рабочий архив.

— Тем более. Контекст важен.

— А кто его выложил?

— Найдём.

— Кто имел доступ?

Калеб замолчал.

— Вы меня спрашиваете?

— Я спрашиваю, откуда у них записи.

— Натан, сейчас неважно, кто именно. Важно, что вас пытаются превратить в виновного.

Натан посмотрел на волну звука на экране.

— А если я действительно виноват в том, за что отвечал?

— Тогда тем более нельзя дать врагам определить масштаб вашей вины.

Слово «враги» прозвучало так буднично, словно речь шла о названии отдела.

— Не готовьте ответ, — сказал Натан.

— Простите?

— Пока не готовьте. Я хочу послушать записи целиком.

Калеб выдохнул.

— Вы сейчас совершаете ошибку.

— Возможно.

— Люди не любят тех, кто колеблется.

Натан уже собирался сказать, что у него есть право думать, когда Калеб добавил:

— Особенно если до этого люди поверили им безоговорочно.

Звонок оборвался.

И это были первые слова за весь день, от которых Натану действительно стало страшно.

* * *

В шесть вечера он приехал к зданию бывшего офиса CivicTone.

Двери на первом этаже были закрыты, но вывеску ещё не сняли. На стекле по-прежнему горели синие буквы: «ВАШ ГОЛОС ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ».

У входа стояла Рут Эллис с бумажным стаканом и связкой ключей. Она уже не работала в компании полный день — после сокращения отдел перевели на частичную занятость, и Рут соглашалась на редкие архивные смены.

— Натан? — удивилась она.

— Привет.

Она посмотрела на его куртку, на пустые руки, на лицо. Ни телефона наготове, ни микрофона. Видимо, это её успокоило.

— Я слышала тебя в записи, — сказала она.

Он кивнул.

— И в той, новой. Из старого архива.

— Я поэтому приехал.

Рут отвела глаза.

— Я не могу ничего выносить. Нам уже всем сказали.

— Я не прошу.

— Тогда зачем?

Натан долго не отвечал.

Вечер был холодным, ветер гнал по тротуару обрывки старых рекламных листков. Рут придерживала воротник пальто.

— Я хочу знать, сколько раз я говорил эти слова, — наконец сказал он.

— Какие?

— Что оснований для повторного рассмотрения нет.

Рут посмотрела на него с неожиданным удивлением.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Ты собираешься считать?

Он не знал.

— Не думаю, что это поможет, — сказала она. — Мы все так говорили. Иногда потому, что действительно не было оснований. Иногда потому, что заявка возвращалась сверху. Иногда потому, что хотели дожить до конца смены. Там разные истории.

— Я знаю.

— Нет, Натан. Знать — не значит собрать их в одну красивую цифру.

Он посмотрел на неё.

Рут поставила стакан на подоконник у входа.

— Ты в последнее время всё превращаешь в одну большую историю, — продолжила она. — Город плохой. Люди хорошие. Начальники лгут. Ты говоришь правду. И вроде бы в каждой части что-то есть. А когда сложишь — будто всё произошло для того, чтобы ты однажды вышел к микрофону.

Он почувствовал раздражение.

— Неужели ты думаешь, что я всё это выдумал?

— Нет. Я думаю, ты перестал различать, где тебе больно, а где больно другому.

Он отвернулся к улице.

— Легко говорить, когда ты не на моём месте.

— Мне и на своём не особенно легко.

Натан услышал, как она достала ключи и повернула их в руке.

— Есть вещи, которые ты можешь узнать по запросу, — сказала она. — Процедура, номера обращений, даты. Обратись официально. И не проси меня украсть то, за что меня потом уволят. Мне есть чем платить за квартиру.

— Я не просил тебя красть.

— Тогда не обижайся, что я напоминаю.

Она забрала стакан.

— И ещё, Натан. Я рада, что люди наконец услышали про Блум-стрит. Правда рада. Но если они сейчас начнут ненавидеть всех, кто хоть раз поднял трубку в этом здании, кому станет лучше?

Он не ответил.

Рут открыла дверь, задержалась на пороге и посмотрела на него не с неприязнью, а с усталостью человека, который слишком хорошо помнит общие смены.

— Ты ведь сам знаешь, как звучит настоящий ответ, — сказала она. — Иногда это просто «я не знаю». Попробуй когда-нибудь произнести его в микрофон.

Дверь закрылась.

На стекле мигнула одна синяя буква.

Натан постоял ещё несколько минут, прежде чем уйти.

* * *

Поздно вечером он снова открыл редактор.

На дорожке лежал его голос из старой записи. Он мог удалить лишнее дыхание, выровнять громкость, поставить паузу перед самым важным словом. Раньше эти операции казались ему техническими. Теперь он видел, как мало нужно, чтобы бессильный работник превратился в чудовище или мученика — всего лишь выбрать, на какой секунде остановить запись.

Натан создал новый файл.

Назвал его «Ответ».

Нажал на запись.

— Меня зовут Натан Келлс. До того как вы услышали меня под именем Абонента, я работал в CivicTone. Я отвечал на обращения, в том числе на жалобы людей из дома на Блум-стрит.

Он остановился.

Это была правда.

Он продолжил:

— Я не принимал инженерных решений. Не утверждал бюджет. Не назначал осмотры. Но в одном случае я закрыл обращение, которое должно было получить дальнейшую проверку.

Ему стало трудно дышать.

Следующая фраза казалась простой, потому что не требовала никаких документов:

«Я поступил неправильно».

Он произнёс её.

Комната не изменилась. Стены стояли на месте. Монитор не погас. Ни один из слушателей не пришёл к нему домой и не лишил его того, что он сумел построить.

Пока что, подумал он.

Натан прослушал отрывок.

Голос звучал непривычно. Не жалобно и не героически. Он был похож на голос человека, которому задают вопрос и который наконец отвечает ровно на него.

Телефон завибрировал.

«Натан, вы должны это увидеть», — написал Мартин Грей.

К сообщению было прикреплено изображение новой листовки.

Натан открыл файл.

На белом фоне виднелась фотография Клары Восс возле редакции. Под ней — крупные чёрные слова:

«КОГДА ПРАВДА СТАЛА УДОБНОЙ?»

Внизу стояла эмблема движения.

Того самого, чьим голосом называли его.

Натан позвонил Калебу. Вызов сбросили.

Позвонил ещё раз.

Снова без ответа.

Тогда он открыл файл «Ответ». Слова о собственной ответственности всё ещё находились на звуковой дорожке. Их можно было опубликовать за тридцать секунд.

Вместо этого он написал Калебу:

«Уберите листовку».

Посмотрел на сообщение.

Добавил:

«Я этого не согласовывал».

И только после отправки понял: он снова начал с того, что не хотел отвечать за чужое решение.

Хотя его имя стояло на нём первым.

Глава 23. Чистые руки

В четыре часа восемнадцать минут утра Калеб Вейн наконец ответил.

«Уберём. Утром созвонимся».

Натан прочитал сообщение дважды. Его разбудила не вибрация телефона — он вообще не спал. Всё это время лежал на диване в одежде и пытался решить, что именно должен сделать человек, если его именем воспользовались для того, против чего он возражал.

Сначала вопрос казался несложным. Надо публично запретить акцию возле редакции. Потом возникали уточнения. Кто разрешал ему запрещать что-либо взрослым людям? Не будет ли это выглядеть как попытка защитить Клару? Почему он вдруг заботится о журналистке, которая назвала его соучастником системы? И если движение действительно состоит из обычных жителей Беллпорта, то по какому праву он намерен распоряжаться ими?

Натан заметил, что за пять минут сумел подобрать четыре разумных довода против одного необходимого поступка.

Он встал и включил лампу над кухонной раковиной.

Под холодным светом на столе обнаружились вчерашние предметы: чашка с засохшим кофейным ободком, раскрытая тетрадь, бумажный журавлик и телефон. Порядок был такой, будто человек, живший в квартире, ушёл ненадолго и оставил доказательства собственного существования.

В телефоне висел неопубликованный файл «Ответ».

Натан слушал его не сначала, а с того места, где звучало: «Я поступил неправильно».

Слова были произнесены чужим, совершенно будничным голосом. Ни надрыва, ни стыда. Он подумал, что слушатели не поверят: признающийся человек должен дрожать, задыхаться, биться кулаком в грудь. Иначе зрителю покажется, что вина недостаточно велика.

Он наложил на запись небольшую паузу.

Прослушал снова.

Теперь признание звучало глубже.

Натан вдруг понял, что редактирует собственное раскаяние, и остановился. Сохранил отдельную копию, чтобы не потерять исходный голос. Затем выключил компьютер.

В половине шестого с улицы донёсся звук мусоровоза. Металлическая крышка контейнера ударила о борт, водитель с кем-то переговаривался, машина отъехала. Город принимался за привычные дела без всякого знания о внутреннем суде Натана Келлса.

Это было невыносимо.

* * *

К девяти фотографии листовок уже оказались на нескольких городских страницах.

Одна была снята возле редакции. Другая — у кофейни на Парк-авеню. На третьей лист лежал на сиденье автобуса. Натан проверил время публикаций и понял: кто-то разнёс их ночью, ещё до сообщения Калеба.

Он позвонил.

— Вы сказали, что уберёте.

— И убрал, — ответил Калеб. — Основной макет снят с печати.

— Они уже на улицах.

— Вы представляете, сколько людей делают что-то от имени движения? Всем невозможно управлять.

— Внизу ваша эмблема.

— Эмблемой пользуются добровольцы. Мы же не корпорация с юридическим отделом.

— Значит, скажите публично, что акция у редакции отменена.

Калеб помолчал.

— Натан, вам нужно решить, чего вы хотите. Вы хотите, чтобы вас слышали, или чтобы каждый поступок каждого сторонника соответствовал вашим личным представлениям о приличии?

— Я хочу, чтобы люди перестали пугать Клару.

— Не называйте вопрос журналисту запугиванием. Этим словом они потом назовут весь протест.

Натан прижал телефон к уху сильнее, будто плохое качество связи могло объяснить услышанное.

— Я не разрешал использовать её фотографию.

— И я не разрешал. Мы выясним, кто это сделал. Слушайте, есть более важное: сегодня департамент объявляет о внеочередном совещании по Блум-стрит. Это результат давления. Нашего давления. Вы могли бы записать короткое обращение, чтобы люди не расслаблялись.

— Сначала листовки.

— Я услышал. Вечером свяжемся.

Вызов закончился. Натан остался с телефоном в руке и обнаружил, что это уже второй разговор, в котором Калеб умудрился не обещать ничего определённого, но получить право считать вопрос закрытым.

Он открыл страницу канала.

«От моего имени распространяются материалы, которые я не согласовывал. Я не поддерживаю посещения редакции Клары Восс или любые действия, направленные против её сотрудников. Я прошу не запугивать людей и не превращать разговор о нарушениях в охоту на виновных».

Натан прочитал написанное вслух. Впервые за долгое время ему нечего было улучшить.

Он опубликовал сообщение без музыки, фотографии и собственного портрета.

Через минуту один из подписчиков ответил: «Правильно, никаких угроз. Просто пусть объяснит, чья она журналистка».

Второй: «Абонент на её стороне? Странно».

Третий: «Вы боитесь, что мы узнаем правду?»

Натан не успел прочесть остальные. Мартин Грей прислал ссылку на новый пост в одном из соседних сообществ.

Там его заявление было опубликовано со словами: «Даже Абонент обеспокоен тем, что расследование Клары Восс отвлекает людей от главного».

Он перечитал эту фразу. В ней не было ни одного его слова.

Но рядом стояла его фотография.

* * *

В полдень Бет Далтон позвонила ему из больницы.

На заднем плане кто-то звал санитарку, пищал аппарат, хлопала дверь.

— Мне пришло письмо из транспортного департамента, — сказала Бет. — Обещали поставить временную скамью под навесом до ремонта остановки. Только навеса у нас нет. Скамью предлагают поставить у стены, где больничная вентиляция выдувает горячий воздух.

— Я посмотрю, что можно сделать.

— Вы уже говорили с ними?

Он вспомнил вчерашнее обещание позвонить в департамент.

— Ещё нет.

— Ага.

Бет не стала укорять его. Вместо этого сказала:

— Я посмотрела эти листовки про журналистку. Это ваши люди?

— Нет. То есть часть добровольцев из нашего движения. Я попросил убрать всё это.

— Попросили кого?

— Калеба.

— А он?

— Сказал, что убрал.

— Вы ведь слышите, как это звучит, Натан?

Натан открыл рот, но Бет уже продолжала:

— Я могу ходить по домам и собирать подписи. Могу говорить с пациентами. Могу даже постоять под дождём с плакатом. Но я не собираюсь превращать чью-то работу в наказание за то, что этот человек не согласился с нами.

— Я тоже.

— Тогда не говорите «мы», когда это удобно, и «они», когда неудобно.

За её спиной снова позвали санитарку.

— Простите. Мне надо идти.

Он успел спросить:

— Вы больше не будете приходить на встречи?

— Не знаю. Мне всё ещё нужна остановка, Натан. У нас люди падают. Но я не уверена, что на ваших встречах об этом кто-нибудь помнит.

Связь оборвалась.

Он поставил себе напоминание: «Позвонить насчёт остановки».

Мог бы сделать это сразу, но ещё долго сидел неподвижно. Он привык думать, что за каждым отказом находится скрытое презрение к нему. Бет впервые заставила его рассмотреть другую возможность: человека может не интересовать Натан Келлс вообще. Его волнует, где поставят скамью.

Эта мысль была обиднее, чем ненависть.

* * *

Вечером Клара Восс обнаружила возле двери редакции два цветка, завёрнутых в чёрную бумагу.

Они выглядели почти торжественно. На маленькой карточке кто-то написал: «С благодарностью за объективность».

Клара не взяла цветы в руки. Позвала дежурного администратора и попросила зафиксировать находку, а затем убрать её вместе с остальным мусором у входа.

Она не была уверена, что это угроза. Возможно, чья-то нелепая шутка. Возможно, незрелое выражение обиды. Возможно, человек действительно считал жест красивым.

На работе Клара уже привыкла держаться за слово «возможно» до тех пор, пока не появлялось что-то более надёжное.

Однако в этот раз слово не помогало.

Томас Беккер вышел из редакторского кабинета с бумажным пакетом.

— Ты ела сегодня?

— Кажется.

— Значит, не ела. Тут сэндвич.

Клара взяла пакет.

— Ты видел листовки?

— Да. Юристы их сохранили. Если повторится — обратимся официально. Дежурному я сказал не пускать посторонних без регистрации.

— Не превращай редакцию в крепость.

— Я пытаюсь сохранить её редакцией.

Он сел на край стола.

— Ты собираешься писать о движении?

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что сейчас я слишком зла.

Беккер чуть заметно кивнул, словно услышал от неё лучший профессиональный ответ за последние сутки.

— Хорошо. Тогда сегодня допиши запрос к подрядчику. А с Вейном разберёмся, когда сможем отличить его слова от поступков его сторонников.

Клара открыла сэндвич.

Вчера утром ей казалось, что главный вопрос истории — кто и почему не обследовал дом на Блум-стрит. Теперь город снова пытался подменить дело новыми лицами: журналисткой, оратором, организатором. Каждый обещал объяснить происходящее через характер другого.

Она посмотрела на фотографию разрушенного здания на экране. В его уцелевшей комнате висели настенные часы. Их стрелки не были видны из-за пыли.

Клара закрыла вкладку с обсуждением листовок и вернулась к техническому журналу.

Некоторые дела нельзя было закончить победой в комментариях.

* * *

Поздно вечером Натан получил письмо из юридического отдела CivicTone.

Ему предлагали в течение пяти рабочих дней явиться для ознакомления с материалами внутренней проверки. В приложении перечислялись номера обращений, в отношении которых возникли вопросы о соблюдении процедуры. Среди них был и тот, который фигурировал в статье Клары.

Письмо заканчивалось стандартной фразой:

«Настоящее уведомление не является выводом о виновности сотрудника».

Натан перечитал её четыре раза.

Не является выводом.

Значит, вывод ещё впереди.

Он представил коридор бывшего офиса, синие буквы на стекле, знакомые столы. Представил, как люди задают ему вопросы, а он сидит напротив с папкой, из которой невозможно выбраться красивым предложением.

На экране компьютера оставался неопубликованный файл «Ответ».

Он открыл его и переставил курсор в самое начало.

Запись шла шестнадцать минут. В ней не было ни одного обвинения в адрес Клары, Морроу или Калеба.

И поэтому она казалась ему самой опасной из всех его записей.

Глава 24. Чужая дверь

У Марианны имелось правило: о серьёзных вещах с Джун нужно говорить на кухне.

Не в прихожей, где дочь уже готова уйти. Не в машине, где нельзя посмотреть друг другу в глаза. И не по телефону, где слишком легко принять молчание за согласие.

Правило не было написано. Оно возникло после развода, когда у взрослых осталось так много необязательных слов, а у ребёнка — так мало места, где их можно было остановить.

Поэтому в субботу утром Марианна поставила на стол два стакана с водой и спросила:

— Ты в школе слышала что-нибудь про папу?

Джун держала в руках кусок тоста. Она не вздрогнула, но перестала есть.

— Что именно?

— Я видела, что его обсуждают. Хочу знать, не говорят ли тебе неприятного.

— Они и раньше говорили.

Марианна села напротив.

— А сейчас?

— Сейчас спрашивают, правда ли он виноват в том доме. Ещё спрашивают, почему я не была на митинге. Один мальчик сказал, что если папа такой честный, он должен вернуть деньги людям.

— Какие деньги?

— Я тоже спросила. Он не знает.

Джун откусила тост и положила обратно.

— А вчера в чат прислали видео, где папа говорит, что никто ему не указ. Я посмотрела целую запись. Он там вообще не говорит такого.

Марианна почувствовала облегчение, но не позволила ему появиться на лице. Дочь училась проверять слова; было важно, чтобы она не считала это способом защищать отца любой ценой.

— Тебе не нужно отвечать за папу, — сказала она.

— Я знаю.

— И объяснять одноклассникам, что он имел в виду.

— Я знаю, мама.

В голосе Джун впервые прозвучало раздражение.

— Вы всё время говорите, чего мне не надо. Не надо оправдывать. Не надо переживать. Не надо читать комментарии. А что мне тогда делать, если все вокруг о нём разговаривают, а я всё равно его дочь?

Марианна не нашла мгновенного ответа.

Снаружи шуршали шины по мокрой дороге. Соседи сверху передвигали мебель. Обычное субботнее утро не изменилось от того, что двенадцатилетняя девочка впервые сформулировала проблему точнее большинства взрослых.

— Можешь говорить: «Я не знаю», — наконец ответила Марианна. — И можешь говорить: «Это не ваш разговор со мной». Я помогу, если тебе будет трудно.

Джун посмотрела на стакан с водой.

— А мне можно думать, что он иногда хороший, а иногда совсем плохой?

— Можно думать, что ты злишься на него и любишь его одновременно.

— Я не это спросила.

Марианна вздохнула.

— Да. Можно.

Джун кивнула. Она ждала не разрешения любить отца. Она хотела, чтобы кто-нибудь признал: любовь не делает её обязанной объяснять его поступки.

* * *

В этот же день Натан впервые за несколько недель позвонил дочери, не имея для этого повода.

Он не собирался обсуждать школу, записи или статью Клары. Просто хотел спросить, как проходит суббота.

Трубку подняла Марианна.

— Джун вышла с подругой. Она видела твой звонок. Если захочет — перезвонит.

— Она избегает меня?

— Я не думаю, что всё в её жизни относится к тебе.

Натан раздражённо выдохнул.

— Ты могла бы хоть раз не читать мне лекцию.

— Я сообщила тебе, где она. Всё остальное ты спросил сам.

Он почти положил трубку. Затем вспомнил, зачем звонил.

— Как она?

— Устала от разговоров о тебе.

— Я пытался защитить людей.

— Я знаю, что ты так это называешь.

Он почувствовал знакомое желание защищаться. Сказать про документы, о которых молчал город, про Блум-стрит, про спасённые обращения, про людей, которые впервые получили ответ. Всё это было правдой. Только Марианна не спросила, зачем он стал Абонентом. Она отвечала на вопрос о дочери.

— Я могу что-нибудь сделать? — спросил Натан.

— Да. Не проси её оценивать тебя.

Он сел на край дивана.

— Как это?

— Когда она звонит, ты спрашиваешь, гордится ли она тобой. Когда ты опаздываешь, объясняешь, почему твоя работа важна. Когда извиняешься, ждёшь, что она сразу скажет «ничего страшного». Позволь ей быть ребёнком, а не твоей совестью.

Он долго молчал.

— Я хотел узнать, как её дела.

— Вот и спроси у неё, когда она будет готова поговорить.

Связь оборвалась без ссоры. Это было мучительнее, чем ссора: во время ссоры люди ещё стараются доказать что-то друг другу.

* * *

В понедельник в архиве CivicTone Натана встретила женщина с коротко подстриженными седыми волосами. На двери её кабинета значилось: «Маргарет Линч. Внутренняя проверка».

На столе лежали четыре тонкие папки и диктофон, направленный микрофоном вверх. Маргарет предложила чай. Натан отказался.

— Вы приглашены для пояснений, а не для обвинительного допроса, — сказала она. — С вами может присутствовать представитель. Вы отказались от сопровождения в ответном письме. Подтвердите, пожалуйста, что хотите разговаривать сейчас.

— Подтверждаю.

— Я включу запись?

— Да.

Маргарет назвала дату, время, своё имя и номер проверки. Звучало похоже на телефонную инструкцию, которую Натан когда-то заучивал в первый рабочий день. Он почти улыбнулся, но не смог.

— Вы работали с обращением из дома на Блум-стрит, семнадцать, — сказала она.

— Да.

— Подтверждаете, что закрыли повторное обращение после разговора с руководителем отдела?

— Да.

— Что именно вам сказали?

— Что вопрос уже находится на уровне муниципальной службы. Что повторная заявка не добавляет оснований для новой проверки.

— Это было устное указание?

— Да.

— Кто присутствовал?

— Только мы. Но потом я отправил уточнение по внутренней системе.

— Оно сохранено.

Маргарет перелистнула папку и придвинула ему распечатку. Натан узнал собственное короткое сообщение: «Подтвердите, пожалуйста, что обращение можно закрыть как повторное». Ниже стоял ответ начальника: «Действуйте по протоколу. Дубли не держим открытыми».

Он почувствовал сухость во рту.

— Здесь не сказано, что нужно закрыть именно эту заявку, — произнесла Маргарет.

— Но это подразумевалось.

— Вы можете объяснить, почему так решили?

Натан начал говорить о смене, нагрузке, предыдущих отказах, привычке не спорить. Маргарет не перебивала. Через несколько минут он заметил, что произносит длинную защитительную речь, в которой действия, совершённые им самим, растворяются между решениями других людей.

— Простите, — сказал он. — Я сбился.

Маргарет посмотрела на него поверх очков.

— Вы хотите переформулировать?

Он кивнул.

— Меня никто не заставлял нажимать кнопку. Я думал, что поступаю так, как от меня ожидают. И не проверил, достаточно ли этого.

Женщина сделала пометку.

— Спасибо. Это ясно.

Натан неожиданно почувствовал обиду.

Он только что признался в том, чего боялся больше месяца. И женщина не изменилась в лице. Не восхитилась мужеством. Не выдала ему в награду понимание.

Она просто записала ответ.

В этом было что-то почти честное.

* * *

Когда запись остановили, Маргарет отвела диктофон в сторону.

— Могу спросить не по протоколу? Вы имеете право не отвечать.

— Спрашивайте.

— Почему вы решили говорить публично?

Натан посмотрел на закрытые папки.

— Потому что здесь не слушали.

— А теперь слушают?

— Да.

— И что они слышат?

Он хотел ответить уверенно. Про документы, нарушения, людей, которых замалчивали. Про то, что никто больше не останется на линии до бесконечности.

Но вопрос звучал не как вызов.

Впервые за долгое время он не мог обвинить собеседницу в том, что она не даёт ему закончить мысль.

— По-разному, — сказал он.

— Тогда, наверное, трудно.

Натан поднял глаза.

Маргарет убирала папки. Она не собиралась развивать разговор или искать в нём драму. Для неё он был одним из нескольких сотрудников, чьи пояснения предстояло сопоставить с документами.

Снаружи кто-то рассмеялся в коридоре. Его смех прошёл под дверью, как невидимый посетитель.

Натан уже встал, когда заметил в верхней папке знакомую строку: код обращения с фамилией Ады Уиткомб. Рядом стояло слово «Дублирование».

Он хотел спросить, кто придумал эту категорию. Кто первым решил, что повторный звонок человека, в доме которого трещат стены, не новая причина для беспокойства, а статистический мусор.

Потом вспомнил, сколько раз сам произносил слово «дубль» с облегчением.

— Маргарет, — сказал он, — вы будете проверять, кто принимал решение о классификации обращений?

— Да. Это часть процедуры.

— Не только мою карточку?

— Не только вашу.

Он почему-то едва не поблагодарил её.

Выйдя из кабинета, Натан обнаружил на телефоне шесть непрочитанных уведомлений. Пять были о новых упоминаниях Абонента. Шестое — короткое сообщение Джун:

«Сегодня после школы мы с мамой едем за струнами. Просто говорю, чтобы ты знал».

Он улыбнулся.

Написал: «Хорошо. Какие берёте?»

Вместо привычной тревоги о том, что дочь не отвечала ему несколько дней, он вдруг заинтересовался ответом по-настоящему.

Она прислала фотографию упаковки через двадцать минут.

Эти двадцать минут Натан не открывал статистику.

И никто об этом не узнал.

Глава 25. Скамья для ожидания

На остановке возле городской больницы не было ни одного человека, который считал бы её историческим местом.

Там постоянно кто-то ругался, кашлял, читал объявления, держал ребёнка на руках или с раздражением смотрел в ту сторону, откуда должен был прийти автобус. Возле бордюра стоял мусорный бак с отколотым углом. На бетонной стене кто-то нарисовал синим маркером рыбу, больше похожую на старую перчатку.

Натан приехал туда в среду перед обедом.

Он не взял микрофон. Только телефон, блокнот и копию ответа из транспортного департамента, которую переслала Бет.

Трое пожилых людей ожидали автобус стоя. Молодая женщина в медицинской маске придерживала за локоть мужчину с металлической тростью. Сам мужчина смотрел на асфальт и, видимо, считал трещины.

Натан несколько минут не решался подойти к ним. Он не знал, как начать разговор без вступления, которое объясняло бы, зачем пришёл именно он.

В прежние времена это затруднение не возникало: он был человеком за стойкой, за телефоном, за служебной инструкцией. Позже стал Абонентом, от имени которого начинались обращения. А здесь перед ним находились просто люди, ожидавшие автобус. Им было всё равно, кто он.

Натан встал под ржавую трубу водостока, достал телефон и набрал номер транспортного департамента.

Автоматический голос перечислил восемь вариантов обращения. Натан выбрал «состояние остановочных пунктов». Затем его попросили ввести номер заявки. Он нашёл его в бумагах Бет.

— Пожалуйста, оставайтесь на линии, — произнёс голос.

На шестой минуте ожидания Натан начал нервно ходить вдоль стены. На девятой автобус забрал двоих пассажиров. На одиннадцатой к нему подошла женщина с пакетами.

— Вы очередь занимали?

— На автобус?

— Нет, на жалобы. Вон у вас бумаги.

Она засмеялась и показала на окно больницы.

— Тут очередь и туда, и обратно. Только туда очередь двигается, а обратно — как повезёт.

Натан улыбнулся.

В трубке щёлкнуло. Чей-то живой голос попросил назвать адрес остановки.

Он назвал.

— Жалоба зарегистрирована, — сказала сотрудница. — У нас есть решение о временной скамье.

— Но нет навеса.

— Навес не входит в текущую смету.

— В вашем ответе сказано «под навесом».

— Вероятно, имелся в виду типовой проект.

Натан закрыл глаза.

— Простите, как вас зовут?

— Эмма.

— Эмма, я не хочу сделать вас виноватой. Мне нужно понять, кто может исправить заявку. Здесь люди после операций ждут автобус под дождём. Есть ли процедура, при которой можно установить хотя бы временное укрытие?

На другом конце линии послышалось шуршание бумаги.

— Одну минуту.

Он ждал.

Не произносил заранее приготовленные слова о бездушной системе. Не угрожал публикацией. Не называл свой канал.

Через четыре минуты Эмма сообщила название другого отдела, фамилию ответственного специалиста и адрес электронной почты для срочного запроса.

Натан записал всё на обороте письма.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Я не обещаю, что вам ответят сегодня.

— Вы уже помогли.

Он положил трубку, удивившись тому, что действительно так думал.

* * *

К вечеру у него были три ответа, две фамилии и понимание, что временную конструкцию нельзя поставить просто по чьему-то распоряжению: нужно согласование больницы, коммунальной службы и перевозчика.

Натан переслал документы Бет.

Она ответила через час:

«Вот. Теперь знаем, с кем говорить. Спасибо».

Через минуту прислала второе сообщение:

«Только не делайте из меня вашу героиню для ролика. Я просто хочу, чтобы пациенты не падали».

Натан прочёл и ощутил то же раздражение, которое возникало, когда дочь отказывалась благодарить его за обещания. Он сделал всё, о чём Бет просила. Почему она сразу заподозрила его в желании использовать её?

Он открыл редактор публикации. Написал о трёх ведомствах, от которых зависел навес. Добавил, что готов передать заинтересованным жителям образец обращения. Уже собирался опубликовать, когда заметил, что поставил в заголовок: «Абонент добился ответа».

Он удалил первые два слова.

Затем ещё два.

Заголовок стал: «Ответ по остановке у больницы».

Так выглядело менее эффектно.

И от этого было немного спокойнее.

Публикацию просмотрели несколько сотен человек. Ни один крупный канал её не перепечатал.

К полуночи у Натана появилось желание записать отдельное видео с объяснением. У него было лицо, узнаваемое в городе, и он мог привлечь внимание быстрее Бет. Разве не ради этого он вообще собирал аудиторию?

Он не записал видео.

Решение не сделало его лучше в собственных глазах. Он даже не был уверен, что оно правильное. Но впервые оставил человеку право не становиться персонажем его истории.

* * *

В тот же вечер Мартина Грея вызвали в небольшую комнату за конференц-залом, где Калеб арендовал два рабочих места.

Мартин вошёл с ноутбуком под мышкой, уже приготовившись защищать себя.

— Ты печатал листовку про Восс? — спросил Калеб.

— Я только отдал макет в группу. Его сделали ребята из восточного района.

— Я спрашиваю, ты участвовал в распространении?

— Да. А что?

Калеб потер переносицу.

— Натан просил не делать этого.

— Натан всегда чего-нибудь боится. То его лицо не так напечатали, то слово не нравится, то журналистку жалко. Если бы все его слушались, половины движения не было бы.

Калеб посмотрел на мальчишески уверенное лицо Мартина. Тому было двадцать семь, и он уже успел сменить несколько работ, каждую оставляя с убеждением, что начальство испугалось его независимости.

— Ты не понимаешь, — сказал Калеб. — Когда нападаешь на журналиста, даже словами, ты отдаёшь ему сюжет, в котором он главный.

— А что, она не заслужила вопросов?

— Заслужила. Но мы не задаём их так, чтобы потом пришлось полгода рассказывать, что мы не угрожали ей.

Мартин замолчал.

— Удали макет из общих папок, — продолжил Калеб. — И попроси остальных убрать ссылки. На этом всё.

— А Натан узнает, что ты со мной говорил?

— Он узнает, что мы разобрались.

Мартин вышел.

Калеб остался один. На столе перед ним стоял ноутбук, открытый на странице нового выпуска Абонента. Зрители спорили о виновности чиновников, спорили о Кларе, спорили о самой возможности верить кому-нибудь.

Рядом лежал список подтверждённых добровольцев: за неделю их число выросло почти вдвое.

Калеб не хотел причинять людям вред. Он искренне считал, что благодаря движению Беллпорт впервые начал реагировать на жалобы. Ему нравилось организовывать встречи, получать ответы, соединять нуждающихся с теми, кто мог помочь. Он умел превращать чужую растерянность в порядок.

Но любой порядок требовал денег, а деньги — внимания.

Калеб открыл таблицу расходов и увидел, что аренда, печать и оборудование уже превысили обещанные пожертвования.

Он поставил курсор в ячейку с названием «Информационная кампания».

Можно было отказаться от следующего мероприятия.

Можно было сказать людям, что денег пока нет.

Можно было попросить у них меньше надежды и больше терпения.

Калеб открыл список спонсоров и написал короткое письмо местному объединению предпринимателей.

Тема: «Поддержка гражданских инициатив».

Ни одной лжи в письме не было.

* * *

В пятницу утром на сайте городской администрации появилось извещение о публичных слушаниях по вопросам безопасности старого жилищного фонда.

В повестке значились семь пунктов: порядок обследования, внеочередные проверки, финансирование, расселение и контроль за подрядными организациями.

На восьмой строке мелким шрифтом было написано: «Выступления граждан — по предварительной регистрации».

Натан зарегистрировался в 09:26.

Через пять минут ему пришло подтверждение.

Он долго смотрел на письмо.

Никто не приглашал его как героя.

Никто не просил выступить последним.

Ему просто выделили три минуты, как всем остальным.

Глава 26. Три минуты

Зал муниципального совета оказался меньше, чем представлял Натан.

Не было ни мраморных ступеней, ни длинных портьер, ни больших портретов государственных деятелей. Светлые панели, кондиционер под потолком, пластмассовые бутылки с водой на столах. На одной стене висела фотография Беллпорта с высоты, снятая в ясный летний день: аккуратные кварталы, ровная линия реки, зелёный парк. С такого расстояния невозможно было различить ни аварийного дома, ни человека, которому некуда идти.

Натан приехал заранее. Ему дали бумажный пропуск с номером двадцать восемь и предложили занять место в зале.

Он выбрал третий ряд. Слева сидел мужчина с папкой, на которой крупно значилось «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ». Справа — женщина в сером пальто, держащая фотографию старой лестницы. Она всё время проверяла телефон, словно ждала разрешения находиться здесь.

Калеб вошёл позже, вместе с Мартином и ещё несколькими добровольцами. Они разошлись по рядам. У Мартина в руках лежали одинаковые листы с вопросами.

— Выступите уверенно, — шепнул Калеб, наклонившись к Натану. — Не позволяйте им заговорить всё цифрами.

— Я буду говорить о документах.

— Конечно. И о человеческой цене. Вы это умеете.

— Три минуты.

— Иногда хватает и трёх секунд.

Калеб улыбнулся, хлопнул его по плечу и прошёл к переднему ряду.

Натан посмотрел на листок с собственным текстом. Он написал его утром и несколько раз сокращал. Сначала получилось пять минут. Затем четыре. Потом осталось три с половиной. Чтобы уложиться, пришлось убрать вступление и одну красивую фразу про город, который «строит стены из обещаний».

Текст стал хуже звучать.

И лучше объяснять, чего он хочет.

* * *

Первой выступила представитель департамента жилищного контроля. Она представила таблицы, перечни объектов, сроки осмотров. На экране сменялись цифры; часть мест в зале постепенно пустела, потому что люди выходили за водой и в туалет.

Натан старался слушать.

Он знал: за скучными цифрами могут скрываться важные решения. Вопрос о сроках нового обследования, прежде казавшийся ему бесчеловечным формализмом, теперь был единственным способом понять, когда конкретный дом проверят снова.

Председатель совета попросил задавать уточняющие вопросы после доклада. Мартин поднял руку, хотя ещё не закончились слайды.

— Почему вы опять скрываете фамилии ответственных?

— Информация содержится в приложениях, — ответила чиновница.

— Тогда почему не показываете их здесь?

— Потому что это сорок две страницы, и все они доступны на сайте.

В зале засмеялись. Натан не смог понять, над кем.

Следующей выступала инженер по имени Лия Мерсер. Она не была тем инженером Леоном Мерсером, с которым ранее беседовала Клара. Она была невысокой женщиной с короткими волосами и говорила без выражения. Показала схему повреждений перекрытий в нескольких старых зданиях. Объяснила, какие признаки требуют немедленного осмотра, а какие означают необходимость планового ремонта. Затем сказала:

— Ошибка в классификации срочности может стать смертельной. Но точно такой же ошибкой будет направить единственную бригаду на объект, где опасность только предполагается, когда на другом уже зафиксировано смещение конструкции. Поэтому нам нужны не громкие обещания, а критерии, понятные и жильцам, и инспекторам.

Натан отметил её фамилию.

Раньше он обязательно нашёл бы в этой фразе доказательство равнодушия. Теперь услышал требование, с которым не знал, как спорить.

* * *

Аду Уиткомб вызвали к микрофону после перерыва.

Натан заметил её, когда она поднялась из среднего ряда. На ней снова было бежевое пальто. На этот раз она принесла не фотографии, а тонкую папку с квитанциями за гостиницу.

— У меня один вопрос, — сказала она. — Могу ли я получить письменный ответ, где буду жить через месяц?

Председатель посмотрел в бумаги.

— Вопросами размещения занимается специальная комиссия. Их представитель сегодня присутствует.

— Я понимаю. Я уже приходила к ним. Мне надо знать дату, после которой меня не попросят освободить номер.

— Вам направят разъяснение.

— Куда?

— На адрес, указанный в заявлении.

Ада посмотрела в зал.

— У меня больше нет адреса.

Никто не засмеялся. Никто не зааплодировал.

Представитель комиссии встал, подошёл к микрофону и предложил оформить временную регистрацию для направления ответа. Ада спросила, можно ли просто выдать бумагу ей в руки.

Мужчина подумал.

— Можно. Я попрошу секретаря.

Он записал её фамилию.

Натан ожидал, что публика взорвётся возмущением. Вместо этого люди смотрели, как секретарь выводит несколько строк на листе и передаёт его Аде.

Не произошло ничего исторического.

Человек получил возможность узнать, где он будет жить.

Натану стало стыдно от собственного разочарования.

* * *

Его вызвали в 16:11.

— Натан Келлс. Три минуты.

Он поднялся. Калеб обернулся и ободряюще кивнул. Мартин приготовил телефон для съёмки.

Натан положил текст на кафедру.

— Я работал в компании, принимавшей обращения жителей, — начал он. — В процессе рассмотрения жалоб на дом на Блум-стрит я видел, как повторные сообщения автоматически классифицировались как дубли. Эта процедура не всегда позволяла передать новую информацию для проверки. Я прошу опубликовать инструкции по классификации и установить отдельный порядок для повторных сообщений об угрозе жизни.

Он услышал, как кто-то из присутствующих тихо сказал: «Правильно».

Натан продолжил:

— Также прошу вести открытый реестр выполненных внеочередных обследований с датой и основанием решения. Не личные данные жителей. Только адрес, дата, результат и ответственное подразделение. Тогда мы сможем увидеть, сколько времени проходит между жалобой и действием.

Секретарь отметила что-то в журнале.

— Осталась минута, — сообщил председатель.

Натан посмотрел на лист.

Там оставалось главное.

«Я сам закрыл одно из обращений. Это не отменяет ответственности других, но я обязан назвать свою».

Он приготовился произнести фразу.

В этот момент из заднего ряда раздался голос:

— А почему вы до сих пор не уволили Морроу?

Председатель поднял руку.

— Прошу не перебивать выступающего.

— Они снова уходят от ответа! — крикнул кто-то ещё.

Натан остановился. В задних рядах начались разговоры. Мартин поднял телефон выше, снимая зал. Калеб смотрел на него с напряжённым лицом.

Председатель повторил просьбу соблюдать порядок.

Натан мог дождаться тишины. У него было ещё больше сорока секунд, и никто не запрещал закончить.

Но он увидел, как десятки людей одновременно обращают к нему лица. Они ждали не признания. Они ждали, что он сделает с их гневом то, что всегда умел: придаст ему форму и произнесёт громче остальных.

— Понимаете, в чём проблема? — сказал Натан.

В зале стало тише.

— Нам снова предлагают доказывать, что мы имеем право бояться за собственные жизни. А когда у нас заканчиваются доказательства, нас просят говорить вежливее!

Откуда-то сзади раздались аплодисменты.

Натан услышал свой голос так, словно колонка отделилась от тела.

— Мы будем вежливы, когда получим ответы, которые можно проверить!

Теперь аплодировали почти все задние ряды. В передних кто-то тоже хлопал. Секретарь попыталась остановить таймер, но председатель покачал головой. Натан умолк. Он видел непрочитанную строку о собственной ответственности, но не решался произнести её после аплодисментов. Сорок секунд он стоял у микрофона, пока таймер продолжал отсчитывать оставшееся время.

— Время истекло, мистер Келлс.

Натан опустил глаза на бумагу.

Последняя фраза осталась непрочитанной.

Он спустился с кафедры под одобрительный шум.

Ему хотелось вернуться и договорить.

Ещё сильнее хотелось сохранить услышанные аплодисменты.

* * *

В коридоре его окружили люди.

Мужчина с папкой о переселении пожал ему руку. Девушка попросила записать обращение для её матери. Мартин восторженно показывал цифры просмотров: запись уже расходилась по городским страницам.

Калеб наклонился к Натану.

— Вот. Вот это было нужно. Когда вы перешли на живые слова, весь зал проснулся.

— Я не сказал всё, что собирался.

— Значит, скажете в следующем выпуске.

— Там было важное.

— Важно то, что они записали ваши требования. И то, что теперь нас не смогут игнорировать.

Натан смотрел на экран телефона Мартина. В коротком видео его выступление начиналось с фразы «Понимаете, в чём проблема?». Всё, что он сказал до этого — о процедурах, реестре, сроках, — было вырезано.

— Где остальная часть? — спросил он.

— Это клип, — ответил Мартин. — Полную запись выложим позже. Короткая быстрее разойдётся.

Натан хотел возразить.

Но в клипе он выглядел человеком, которого не остановить.

— Не забудьте полную, — сказал он.

И пошёл к выходу.

* * *

Вечером на официальном сайте совета появился протокол слушаний.

В перечне предложений были его два первых пункта. Возле каждого стояла пометка: «Направить на рассмотрение комиссии».

Третьего пункта не было.

Натан ещё раз прослушал собственное выступление.

Он слышал, где мог продолжить. Слышал, как председатель не перебивал его до истечения времени. Видел, что никто не отнял у него микрофон.

И всё же в комментариях к короткому ролику уже писали: «Ему не дали сказать правду».

Натан мог ответить: «Я успел сказать всё, что захотел. Остальное не произнёс по собственному выбору».

Он не ответил.

В этот вечер у него было слишком много слушателей, чтобы он решился их разочаровать.

Глава 27. Сорок секунд

Через два дня Натан понял, что у его выступления появилось ещё одно окончание.

В первом, настоящем, он смотрел на листок, не произносил последнюю фразу и уходил с кафедры, когда истекало время.

Во втором, который показывали в социальных сетях, председатель отнимал у него слово на полуслове. На изображение накладывался тревожный звук, а в последние секунды всплывали лица слушателей. Казалось, будто зал возмущён тем, что человека заставили замолчать.

Натан внимательно посмотрел монтаж.

Председатель действительно сказал: «Время истекло». Он действительно произнёс это твёрдо. Но между последним предложением Натана и словами председателя прошла пауза, которую монтаж убрал.

На реальной записи пауза длилась сорок секунд.

Натан знал, почему замолчал.

В коротком видео об этом не знали остальные.

Его телефон почти перестал умолкать. Люди предлагали юридическую помощь, требовали повторных слушаний, присылали собственные истории о том, как чиновники заставляли их молчать. Некоторые сообщения были искренними и трогательными. В других сразу угадывалась потребность присоединиться к большой драме.

Натан открыл график просмотров.

Два миллиона четыреста тысяч.

Цифра была настолько большой, что некоторое время он смотрел на неё без эмоций. Затем ему захотелось проверить, не выросла ли она ещё.

* * *

Клара позвонила во второй половине дня.

— Вы видели ролик со слушаний?

— Да.

— В нём есть монтажный пропуск. У меня полная запись. Хотела спросить, согласны ли вы, чтобы я опубликовала её вместе с пояснениями?

Натан отошёл от окна.

— Вы просите разрешения?

— Нет. Заседание публичное, запись тоже. Я предупреждаю вас, потому что вы участник, а ваш голос там изменён монтажом.

— И вы снова хотите доказать, что я лжец.

— Я хочу показать, что происходило. Это другое.

Натан присел на край стола.

— Вы понимаете, как люди это воспримут?

— Не знаю. Я не пишу им чувства заранее.

Он медленно провёл рукой по лицу.

— Почему вы мне звоните, Клара?

— Потому что вы можете сами объяснить, что хотели сказать в последние сорок секунд. Я бы предпочла услышать это от вас, а не от трёх человек с разными теориями.

Натан посмотрел на бумажного журавлика.

Вопрос был простой.

Он мог ответить. Мог даже продиктовать ей всю непрочитанную фразу. Клара, вероятно, записала бы её дословно. Тогда город узнал бы, что Натан Келлс собирался признать собственную ошибку, но выбрал аплодисменты.

— Я собирался говорить о внутренних процедурах CivicTone, — произнёс он.

— Вы сказали об этом в начале.

— Там было продолжение.

— Какое?

— Я ещё не готов его обсуждать.

Клара молчала несколько секунд.

— Хорошо. Тогда я не буду приписывать вам того, чего вы не сказали.

Он неожиданно разозлился.

— Вы всегда так разговариваете, будто человеку нужно сначала сдать вам экзамен на честность!

— Нет, Натан. Я просто спрашиваю. Вы можете не отвечать.

Это была самая ненавистная ему форма свободы: возможность отказаться, не получив за отказ никакого оправдания.

— Публикуйте, — сказал он. — Вы всё равно сделаете по-своему.

— Да, — ответила Клара. — Так и должна работать редакция.

Разговор закончился.

Он положил телефон и несколько минут стоял, не двигаясь.

Клара не пыталась его спасти. Не обещала разрушить. Она собиралась опубликовать полную запись, потому что сокращённая искажала произошедшее.

Натану захотелось сделать её своим врагом ещё сильнее.

Так было бы проще.

* * *

На следующий день Натан встретил Аду Уиткомб у входа в муниципальное здание.

Она выходила с папкой и пустым бумажным стаканом, который почему-то продолжала держать в руке. На ней было другое пальто, тёмное, слишком тонкое для холодного утра.

— Миссис Уиткомб, — окликнул он.

Она остановилась.

— Здравствуйте, мистер Келлс.

— Вы получили ответ насчёт гостиницы?

— Получила.

— Хороший?

Ада посмотрела на него, не понимая вопроса.

— Там написано, что меня не выселят ещё шесть недель. Потом будет новая комиссия. Это не хороший и не плохой ответ. Это дата.

Натан кивнул.

— Я рад, что хотя бы это удалось.

— Вы здесь из-за совета?

— Да. Точнее, нет. Хотел узнать про решение комиссии. И ещё мне нужно кое-что вам сказать.

Она прислонилась к перилам.

Натан приготовил начало, которое произносил мысленно уже несколько дней:

«Я должен извиниться. Когда закрыл вашу жалобу, мне казалось…»

Но Ада посмотрела на часы.

— У меня автобус через семь минут. Можно коротко?

Он почувствовал укол раздражения. Человек, ради которого он был готов совершить, возможно, важнейшее признание в жизни, просил не задерживать его.

— Я закрыл одно из обращений вашего дома, — сказал Натан. — Я понимаю, что не должен был этого делать.

Ада выслушала.

— Я читала в статье.

— Я хотел сказать вам лично.

— Спасибо.

Она не сказала «прощаю».

Натан почувствовал, как прежний голод поднимается откуда-то из груди.

— Я тогда не знал, насколько всё серьёзно.

— Я понимаю.

— И у меня не было полномочий назначить обследование.

— Я понимаю.

— Но я всё равно…

— Мистер Келлс, — перебила Ада, — вы сейчас объясняете мне, как получилось, что вы не услышали мою просьбу. Я не хочу тратить ещё один автобус, чтобы вы наконец почувствовали, что объяснили достаточно.

Он замолчал.

Ада поправила ремешок сумки.

— Я не собираюсь делать вас главным виновным. И главным спасителем тоже. Я хочу вернуться домой, если он будет безопасен. А если нет — получить другой. Вот и всё.

Она пошла к остановке.

Натан смотрел ей вслед.

Впервые он понял, что прощение может не быть событием, ради которого все собираются в одной комнате. Человек может услышать признание, кивнуть и уйти по своим делам. И не потому, что не понял его значения, а потому, что его жизнь не обязана останавливаться в тот момент, когда другой человек наконец решился сказать правду.

Натану стало мучительно одиноко.

* * *

Вечером Клара опубликовала полную запись слушаний и подробное сравнение двух вариантов.

Заголовок был сухим: «Пауза в сорок секунд: что не вошло в распространённый ролик».

В статье не называли Натана героем или мошенником. Показывали, где обрезана речь, объясняли, что председатель предупредил об истечении времени после установленного регламента, и приводили требования, которые Натан действительно успел озвучить.

Сначала комментарии были равнодушными. Потом кто-то написал:

«Значит, он всё-таки замолчал сам?»

Другой ответил:

«Это ничего не меняет. Он всё равно прав».

Третий:

«Если человек прав, зачем защищать его неправдой?»

Эту последнюю фразу Натан сохранил в телефоне.

Не потому, что согласился. Он просто не смог придумать, чем ответить.

Калеб позвонил в 21:40.

— Неприятный материал, — сказал он. — Но переживём. У нас новая встреча в четверг, я пришлю план.

— Вы знали, что ролик смонтирован?

— Конечно. Все ролики монтируют.

— Там изменился смысл.

— Смысл был в том, что вы требовали ответов. Так и осталось.

— Нет, — сказал Натан. — Смысл был в том, что я мог закончить, но не закончил.

На линии установилась тишина.

Калеб осторожно спросил:

— Вы хотите, чтобы люди запомнили именно это?

Натан не ответил.

Калеб вздохнул.

— Послушайте, вы слишком много думаете о себе. Жители ждут помощи. Не заставляйте их разбираться в каждой вашей паузе.

Натан закрыл глаза.

Слова были жестокими.

И почти справедливыми.

— Я перезвоню, — сказал он.

Он положил трубку, открыл файл «Ответ» и прослушал собственное признание целиком.

Затем впервые за несколько недель выключил экран раньше, чем закончилась статистика просмотров.

В темноте он попытался представить, каким был бы человек, способный сказать правду и не ждать, что за это его полюбят.

Он не смог.

Глава 28. Подпись внизу страницы

В CivicTone сменили турникеты.

Натан заметил это раньше, чем охранника, который попросил предъявить документ. Прежние турникеты были серыми, с потёртыми резиновыми створками; новые — чёрные, со стеклянными дверцами, открывавшимися бесшумно. На стене по-прежнему горела надпись «ВАШ ГОЛОС ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ». Буквы выглядели значительно старше турникетов.

— Фамилия? — спросил охранник.

— Келлс. Натан Келлс. Я по приглашению юридического отдела.

Охранник просмотрел список, нашёл строку и провёл ручкой по фамилии. На мгновение Натану показалось, что сейчас мужчина поднимет глаза и скажет: «Абонент?» Но тот лишь указал на лифт.

Не узнавать Натана было совершенно нормальным поведением. И всё же он почувствовал что-то похожее на обиду.

На шестом этаже запах искусственного лимона стал слабее. Вместо него пахло горячей бумагой и новой краской. Две перегородки убрали, возле окон поставили растения с жёсткими блестящими листьями. Табличка с номером его стола — тридцать семь — исчезла. На её месте находился шкаф для папок.

Он остановился.

Тридцать седьмой стол был местом, где он провёл столько утр, что, наверное, сумел бы определить его положение с закрытыми глазами. Он помнил царапину на столешнице, тугую клавишу буквы «Р», шорох яблока, которое Рут разрезала ровно на восемь частей. Он думал о работе как о клетке. Теперь клетку разобрали, и оказалось, что часть его самого по привычке продолжает держаться за решётку.

— Мистер Келлс?

Женщина с папкой в руках стояла возле переговорной. На её бейдже значилось: «ЭЛЕН МОРРИС. КОМПЛАЕНС».

— Прошу вас.

Внутри уже сидели двое: мужчина с ноутбуком и Джулиан, прежний руководитель Натана. Джулиан похудел. Или, возможно, просто впервые не сидел за собственным большим столом.

— Здравствуйте, Натан, — сказал он.

— Здравствуйте.

Элен предложила воду. Натан отказался. Она поставила перед ним стакан в любом случае.

— Вы получили уведомление. Сегодня мы рассматриваем порядок закрытия обращений по Блум-стрит и ещё четырём объектам. Это внутреннее разбирательство, не судебное. Вы можете ознакомиться с материалами, дать письменные объяснения и пригласить представителя. На встрече мы фиксируем ваши ответы. Всё понятно?

— Да.

— У вас есть представитель?

— Нет.

Мужчина за ноутбуком поднял голову.

— Хотите перенести?

— Нет. Я пришёл отвечать на вопросы.

Произнести это было приятно. Прежде он так же уверенно начинал записи: сначала обещание честности, потом звук собственного голоса, затем привычное чувство, что главное уже сделано.

Элен раскрыла первую папку.

— Обращение номер 7714. Дом семнадцать по Блум-стрит. Повторный запрос жильцов. Вы закрыли его после телефонного разговора с руководителем смены. Подтверждаете?

— Да.

— Основание закрытия?

— В системе стояла отметка, что обращение дублирует ранее принятое.

— Кто поставил отметку?

— Не я.

— Мы это знаем. Я спрашиваю, что вы видели, когда закрывали запрос.

Натан посмотрел на экран. Там была знакомая форма: поле адреса, дата, категория, комментарий, выпадающий список статусов. От одного вида серых прямоугольников ему стало нехорошо. Он не видел эту систему почти два месяца, но пальцы помнили, куда надо нажать, чтобы закончить разговор и получить следующий.

— Я видел отметку «дублирование», — сказал он. — И указание руководителя.

— Вы открывали прикреплённые фотографии?

— Не помню.

Элен повернула страницу.

— Журнал показывает, что вложения не открывались.

Натан кивнул. На одной из фотографий позже обнаружили трещину над лестничной клеткой. Он видел её в газетах: тёмная линия, почти похожая на тонкую ветку на белой стене.

— Каков был ваш обычный порядок обработки подобных запросов? — спросила Элен.

Он начал отвечать подробно. Про норматив времени, про очередь звонков, про автоматические предупреждения о превышении лимита, про руководителей, которые не любили повторные проверки. Чем дольше он говорил, тем увереннее чувствовал себя. Его прежнее рабочее место возникало перед ним целиком: высокие перегородки, холодный воздух, люди в наушниках, никогда не поднимающие глаза одновременно. Всё это было правдой. Он даже не приукрашивал.

Когда он закончил, Элен спросила:

— При описанных условиях вы могли оставить запрос открытым?

— Формально да. Практически это привело бы к разговору с руководством.

— Вас могли уволить за один такой случай?

— Не знаю. Случались выговоры.

— Значит, вы не знаете, чем закончился бы ваш отказ?

Он почувствовал знакомое раздражение.

— Не надо изображать, что отказ стоил мне пяти минут неловкого разговора. Здесь люди зависели от оценки каждой смены.

— Мы не изображаем, — сказала Элен. — Мы собираем факты о том, как система способствовала ошибке. И отдельно — о вашем решении.

Натан посмотрел на Джулиана.

Тот молчал. На его лице не было прежней высокомерной уверенности. Теперь он напоминал человека, который попал на семейный праздник, где несколько гостей договорились вспоминать одни и те же неприятные истории.

— А вы? — спросил Натан. — Вы сказали мне закрыть?

Джулиан поднял глаза.

— Я помню разговор. Но не помню конкретных слов.

— Удобно.

— Натан, — вмешалась Элен, — мы ознакомили мистера Джулиана с журналом поручений. Его собственные объяснения также зафиксированы.

— Он по-прежнему работает здесь.

— Это не ответ на вопрос.

— Нет, — согласился Натан. — Конечно, не ответ.

Мужчина за ноутбуком что-то напечатал. Звук клавиш оказался неожиданно громким.

* * *

Через сорок минут Элен показала ему ещё один документ.

— Это стандартное уведомление сотрудникам, отправленное за три недели до поступления жалобы. В нём напоминают о необходимости вручную проверять повторные сообщения об угрозе безопасности. Ваш электронный адрес в списке рассылки. Помните это письмо?

Натан прочитал заголовок.

«Повторное обращение: оценка новых обстоятельств».

Он смутно помнил письмо. В тот день пришло больше сотни служебных уведомлений. Одно из них обещало бесплатные пончики к годовщине компании, другое сообщало о недопустимости личных разговоров во время смены. Он помнил пончики. Это было хуже, чем не помнить предупреждение.

— Я мог его не открыть, — сказал он.

— Открытие зафиксировано.

— Тогда мог не прочитать до конца.

— Вы сейчас предполагаете или вспоминаете?

Натан провёл ладонью по лицу.

— Предполагаю.

Они сидели напротив друг друга в комнате, где никто не повышал голос. Никто не унижал его. Никто не произносил слова «трус». И всё равно каждое уточнение казалось маленьким ударом.

Он привык считать жестокостью громкость чужого голоса. Выяснялось, что иногда достаточно спокойного вопроса, от которого некуда отвести глаза.

Элен сделала пометку.

— Можем сделать перерыв.

— Не надо.

Он попросил распечатать памятку. Получил копию, прочёл ещё раз и подписал протокол о том, что с материалами ознакомлен. Перед подписью стояла строка: «Подтверждаю получение, но не согласие с выводами».

Он смотрел на неё почти минуту. Точность этой фразы казалась насмешкой над всей его жизнью. Человек мог подтвердить, что видел документ, и не обязан был согласиться с тем, что о нём думают. Можно было сказать «да» одному факту и «нет» чужому объяснению. Оказывается, мир не всегда требовал немедленно выбрать сторону.

Элен передала ему ручку.

Натан подписал.

* * *

В коридоре его остановила Рут Эллис.

Она держала пластмассовый контейнер с яблоком, нарезанным на одинаковые ломтики. Увидев Натана, сначала обрадовалась, а потом словно вспомнила, что теперь выражения лица могут иметь последствия.

— Привет, — сказала она.

— Привет, Рут.

— Ты как?

— Не знаю. Только что объяснял, почему закрыл обращение.

Она не стала говорить, что всё обойдётся.

— Я смотрела слушания, — сказала она. — Те, с сорокасекундной паузой.

Он напрягся.

— И?

— Полную запись. Мне понравилось, что ты говорил про сроки. Было понятно, что именно нужно сделать.

Натан ждал продолжения. Обычно после такой фразы люди либо признавались в восхищении, либо начинали спорить.

Но Рут открыла контейнер.

— Будешь яблоко?

Он взял одну дольку.

— Почему ты осталась? — спросил он.

— Здесь?

— Да.

— Мне платят. У меня кредит. И мне нравится сидеть рядом с окном.

— Но ты ведь знаешь, как устроена система.

— Знаю. Поэтому я в прошлом месяце написала заявление о пересмотре правил закрытия повторных жалоб. Нас пятеро подписали. Пока ждём ответа.

Натан взглянул на неё.

— Почему ты мне не сказала?

Рут задумалась.

— Не знаю. Ты давно не спрашивал, как у нас дела.

Она сказала это без упрёка.

От этого было хуже.

Когда Натан вышел на улицу, дождь прекратился. Мимо проехал автобус с рекламой банковского кредита. Рядом с переходом человек в форме дорожной службы ремонтировал кнопку светофора, которая несколько дней не работала. Натан смотрел, как рабочий проверяет контакты, закрывает корпус и нажимает кнопку ещё раз. На противоположной стороне зажёгся зелёный.

Никто не снял его на видео.

Никто не назвал голосом города.

Люди просто перешли дорогу.

Натан достал телефон и увидел сообщение от Калеба:

«Как прошла ваша инквизиция?»

Он начал печатать ответ, потом стёр.

Вместо него написал:

«Это была проверка».

Сразу пожалел о холодности фразы.

И всё же отправил.

Глава 29. Не для публикации

Джун положила скрипку на кровать и долго смотрела на экран телефона.

Её одноклассница прислала фотографию школьной доски. Кто-то написал мелом: «ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВАЙТЕСЬ НА ЛИНИИ». Ниже нарисовали круг с двумя точками и кривым улыбающимся ртом. Подпись гласила: «КОГДА ТВОЙ ПАПА СТАЛ МЕМОМ».

Фотография была не самой обидной из тех, что Джун получала за последнее время. С ней даже можно было смеяться, если не думать, что завтра придётся войти в этот кабинет и увидеть того, кто держал мел.

Она не рассказала матери.

Не потому, что хотела кого-то защитить. Просто у Марианны уже появилось особое лицо — осторожное, напряжённое, с искусственно мягкими глазами, — которое возникало всякий раз, когда разговор касался Натана. Джун ненавидела это лицо. Оно делало из неё маленького ребёнка, которому надо объяснять устройство опасного мира, хотя она всего лишь хотела, чтобы взрослые иногда замолкали.

В субботу Натан написал:

«Можно я заберу тебя в воскресенье? Погуляем, если захочешь».

Не «нам обязательно надо поговорить».

Не «ты должна понять».

Просто погуляем.

Она согласилась.

* * *

Воскресенье оказалось ясным. Парк у реки был покрыт мокрыми листьями, и на дорожках пахло землёй так сильно, словно кто-то недавно перекопал газон. Натан пришёл раньше времени, купил два стакана какао и поставил их на деревянную скамью. К приходу Джун на одном уже собралась плёнка.

— Не надо было покупать заранее, — сказала она, увидев его смущение.

— Я боялся опоздать.

— Теперь ты боишься опаздывать везде?

Он не понял, шутит ли она.

— Наверное, да.

Джун взяла стакан.

Они пошли вдоль реки. На воде плавали два белых пластиковых стаканчика; ветер прижимал их к камышам. Мальчик лет шести бросал палки с мостика. Его отец стоял рядом, глядя в телефон, и автоматически говорил: «Молодец». Мальчик бросал следующую палку с всё меньшим энтузиазмом.

Натан увидел его и отвернулся.

— У тебя в школе всё нормально? — спросил он.

— Не совсем.

Он остановился.

— Что случилось?

— Про тебя шутят.

— Как?

— По-разному. Не важно.

— Мне важно.

— Вот этого я и боялась.

— Чего?

— Что ты сейчас скажешь, что пойдёшь к директору, запишешь выпуск, расскажешь людям, как нельзя обижать детей.

Натан открыл рот.

Он действительно успел представить выпуск. «Сегодня я хочу поговорить о том, что взрослые делают с жизнью своих детей». Он даже услышал начало музыки и тёплый, сдержанный тон собственной речи.

— Я не буду ничего публиковать, — сказал он.

— Вообще ничего?

— О тебе — ничего, если ты не попросишь.

Джун остановилась возле перил и посмотрела на него с подозрением, которое раньше он встречал только у взрослых.

— Даже если будет очень красивый текст?

— Даже тогда.

— Даже если все напишут, какой ты хороший папа?

Он сжал бумажный стакан. Какао немного перелилось через край.

— Да, — ответил он.

Дочь помолчала.

— Хорошо.

Они пошли дальше.

* * *

У деревянного павильона продавали открытки с изображениями старого Беллпорта. На одной был мост, которого уже не существовало. На другой — центральная площадь до появления огромной стеклянной пристройки. Джун долго рассматривала фотографии.

— Ты был маленьким, когда это построили? — спросила она, показывая на мост.

— Нет. Его разобрали ещё до моего рождения.

— А почему?

Натан прочитал подпись. «Демонтаж после признания непригодным к эксплуатации».

— Он стал небезопасным.

— И что, никто не ругался?

— Наверное, ругались.

— А потом построили другой?

— Через два года.

Она кивнула. Её больше занимала фотография, чем возможные общественные выводы из неё.

Натан внезапно подумал, что они могли бы говорить о мосте просто как о мосте. Не объяснять, чему он учит. Не превращать вопрос дочери в метафору собственной работы. Это оказалось неожиданно трудно.

— Знаешь, — сказал он, — я не представляю, как люди жили без телефонов с камерами.

— Нормально, наверное. Просто нельзя было доказать, что ты ел красивый завтрак.

Он рассмеялся.

Джун тоже.

Потом смех кончился, и Натан захотел сказать что-нибудь важное, пока редкая лёгкость не исчезла.

— Джун, я знаю, что снова подвёл тебя. Тогда, на выступлении. Я очень…

— Пап.

Он замолчал.

— Ты это уже говорил.

— Но я хотел…

— Ты хочешь, чтобы я ответила, что всё нормально?

— Нет.

Он понял, что солгал слишком быстро.

— Возможно, да, — поправился он. — Я хотел бы это услышать.

Джун посмотрела на реку.

— Я не ненавижу тебя. Но мне было плохо. И я не хочу, чтобы каждый раз, когда мы видимся, ты проверял, простила ли я тебя. Тогда мне приходится думать не о себе, а о тебе.

Натан медленно кивнул.

На мостике кто-то проехал на велосипеде. Звонок прозвучал дважды, тревожно и как-то неуместно.

— А что я могу сделать? — спросил Натан.

Джун подумала.

— Ничего особенного. Если говоришь, что придёшь, приходи. Если не можешь, скажи заранее. И когда мы гуляем, не нужно делать из этого событие.

Она протянула руку.

— Можно твой телефон?

— Зачем?

— Хочу кое-что показать.

Натан вытащил аппарат. Джун повернула его экраном вниз и положила на столик возле павильона.

— Вот. Так лучше.

— Это всё?

— Да.

Натан усмехнулся. Он снова почувствовал, как внутри рождается фраза, которую можно было бы записать: «Мой ребёнок научил меня, что настоящее присутствие…»

Он оборвал мысль, не дав ей оформиться.

В тот момент Джун купила открытку со старым мостом и спросила, не кажется ли ему, что у людей на фотографии смешные шляпы.

Они обсуждали шляпы почти десять минут.

Натан запомнил эти десять минут лучше, чем собственное выступление на площади.

* * *

Когда они вернулись к парковке, телефон показывал двадцать семь пропущенных уведомлений.

От Калеба пришло четыре сообщения. В последнем говорилось: «Важно. Нужно срочно согласовать новое пожертвование».

Натан отвёз Джун домой. Марианна стояла у подъезда, не делая вид, что просто вышла погулять.

— Всё нормально? — спросила она у дочери.

— Да. Мы смотрели старые фотографии. Папа говорит, раньше у мужчин были усы, как у котов.

— Я такого не говорил, — возмутился Натан.

— Почти говорил.

Джун улыбнулась и побежала к двери.

Марианна задержалась.

— Спасибо, что не обсуждали с ней всё это, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Она в первый раз за долгое время пришла домой и рассказала, что видела, а не что ты чувствовал.

Она ушла.

Натан сел в машину.

В телефоне снова появилось имя Калеба.

— Натан, у нас хорошая новость, — начал тот, даже не поздоровавшись. — Один из крупных городских партнёров готов оплатить всю информационную кампанию.

— Кто?

— Консорциум местных предприятий. Формально через фонд развития.

— Название?

— Я пришлю документы. Вы же понимаете, как работают такие вещи.

Натан вспомнил забытый на скамейке пустой стакан какао, неторопливую дочь и мост на старой открытке.

— Нет, Калеб, — сказал он. — Не понимаю. Поэтому хочу увидеть документы до того, как мы объявим хорошую новость.

На другом конце провода послышался вздох.

— Вы стали подозрительным.

— Возможно.

— Ничего. У общественных людей это проходит.

Натан не ответил.

Он уже не был уверен, что хочет, чтобы прошло.

Глава 30. Пожертвование

Договор лежал в электронном письме между рекламой средств для чистки ковров и уведомлением банка.

Тема была безупречной: «Проект соглашения о поддержке общественно значимых инициатив».

Натан открыл приложение и прочитал первые два абзаца. В документе говорилось о прозрачности, поддержке гражданских инициатив, независимости участников и укреплении общественного доверия. Все слова были знакомыми и настолько правильными, что не оставляли места для вопроса, кто именно будет платить.

На третьей странице он нашёл название организации: «Фонд городской перспективы».

Ниже — перечень компаний, участвующих в программе. Среди них стояла «Астер-Куэй».

Он перечитал строку.

В документах Клары это название появлялось рядом с планом реконструкции квартала, где находился разрушившийся дом на Блум-стрит. Никакой доказанной связи между компанией и обрушением не существовало. Были муниципальные договоры, планы выкупа, документы, которые журналистка ещё проверяла. Но само соседство названий делало предложение неприемлемо простым: люди, чьи решения должны были изучать, предлагали деньги на изучение.

Натан позвонил Калебу.

— Вы видели список компаний?

— Конечно.

— Там «Астер-Куэй».

— Да. Они крупный налогоплательщик. И что?

— Это та компания, которая участвовала в планах реконструкции Блум-стрит.

— В планах, — повторил Калеб. — Не в обрушении. Не надо делать то, против чего вы сами выступаете.

На секунду Натану стало стыдно. Действительно, из присутствия компании в документах не следовала вина. Клара говорила ему об этом не один раз.

— Почему они решили помочь именно нам?

— Потому что не хотят выглядеть равнодушными.

— А чего хотят взамен?

— Логотип внизу материалов, отчёт о расходах. Никакого права влиять на наши заявления. У меня всё прописано.

Натан открыл последний лист.

— Здесь написано «согласование визуальных материалов, создаваемых в рамках грантовой программы».

— Нормально. Они не хотят, чтобы их логотип стоял рядом с оскорблением.

— А если наш материал будет про них?

Калеб помолчал.

— Тогда мы используем другие деньги. Донор не финансирует расследование самого себя.

— У нас есть другие деньги?

— Не в том объёме, о котором вы мечтаете.

— Я не мечтаю об объёме.

— Нет, Натан. Вы мечтаете о результате. А я считаю смету.

В этой фразе было больше усталости, чем насмешки. Натан представил Калеба в офисе после полуночи: телефон, договоры, люди, которым он обещал работу, очередной счёт за аппаратуру. Впервые ему стало ясно, что Калеб не обязательно манипулирует каждым словом ради удовольствия. Иногда он действительно хочет, чтобы проект существовал на следующей неделе. И именно поэтому способен оправдать почти что угодно.

— Давайте отложим подпись, — сказал Натан.

— На сколько?

— Пока не обсудим с людьми.

— С какими людьми? С теми, кто не готов оплачивать аренду и юристов? У нас две сотни заявок от жителей, Натан. Людям нужно куда-то приходить.

— Тогда скажем им, сколько стоит помощь.

Калеб коротко рассмеялся.

— Чудесно звучит. «Дорогие горожане, бороться за ваши права будет дешевле, если каждый из вас принесёт по двадцать долларов». Попробуйте произнести это в эфире.

— Почему нет?

— Потому что они перестанут вас слушать.

И вот тут Натан замолчал.

Не потому, что Калеб был прав. А потому, что он произнёс именно то, чего Натан боялся.

* * *

Через два дня в общественном центре собрались двенадцать человек.

На столе лежали прозрачная папка с расходами и распечатанный проект соглашения. Калеб пришёл позже остальных, с двумя пакетами еды, которую никто не просил приносить. Он улыбался уставшей улыбкой человека, сумевшего ночью решить чужие проблемы и теперь ожидающего небольшой благодарности.

Бет Далтон прочла список доноров, потом пролистала документ ещё раз.

— Вопрос простой, — сказала она. — Если мы сегодня получим деньги от застройщика, сможем ли завтра публично спросить, почему он не передал результаты измерений?

— Мы сможем задать любой вопрос, — ответил Калеб.

— А размещать ответ в оплаченных им материалах?

— Для этого существуют отдельные каналы.

— Какие?

Калеб развернул ноутбук.

— Личные страницы участников. Пресс-конференции. Независимые СМИ.

— Сколько людей в нашем движении имеют отдельные страницы, на которых их читают хотя бы сто человек?

Калеб посмотрел на Натана.

Ответ был очевиден.

Мартин Грей вмешался:

— Но если отказаться, мы потеряем помещение, где жители подают обращения. Что вы предлагаете?

Бет сложила документы.

— Я предлагаю перестать называть организацию независимой, если мы заранее знаем, чьи вопросы в оплаченных материалах обсуждать нельзя.

— Вы понимаете, что это просто процедура использования логотипа? — сказал Мартин.

— Тогда уберите право согласования. Напишите, что они могут отказаться от собственного логотипа, но не менять наш текст.

Повисла пауза.

Натан увидел, что впервые за всю встречу люди обращают взгляды не к нему, а к Калебу. Тот держал ладони на столе и молчал.

Натан внезапно испытал облегчение.

Если бы сейчас решение принимали без него, он смог бы уйти домой, не разделив ни одной ошибки.

Он поймал себя на этой мысли и проговорил:

— Я согласен с Бет. Нам нельзя отдавать контроль над содержанием.

Калеб медленно повернулся.

— Хорошо. Я предложу поправку. Но если фонд откажется, мы потеряем финансирование.

— Значит, потеряем, — сказал Натан.

Мартин уставился на него.

— Вам легко говорить. Ваш канал не платит за воду и электричество в этом помещении.

— Мартин, — перебила Бет, — его канал тоже не платит за мою остановку. Давайте не путать размер голоса с размером счёта.

На этот раз никто не засмеялся.

После встречи Калеб попросил Натана остаться.

— Вы выставили меня человеком, который продаёт движение, — сказал он.

— Я попросил изменить договор.

— Перед всеми.

— Там и нужно было обсуждать.

— Вы не понимаете, что такое ответственность, если она измеряется не аплодисментами, а платежами.

Натан медленно собрал бумаги.

— Возможно. Тогда покажите полный бюджет.

Калеб повернулся к окну.

— Вы хотите расследовать меня теперь?

— Я хочу понять, за что отвечаю.

— После всего, что мы сделали вместе?

Натан услышал знакомую мелодию. Он сам не раз говорил людям то же самое: сначала напоминал, как помог, а затем надеялся, что благодарность освободит от новых вопросов.

— Именно после всего, что мы сделали, — сказал он.

* * *

Поздно ночью Калеб открыл таблицу расходов.

Внутри были реальные счета: аренда, страховка, печать, микрофоны, сайт, юридические консультации. Был также счёт подрядчика, занимавшегося распространением коротких видео. Компания называлась «Норт-Лайн Медиа». Её услугами пользовались и независимые журналисты, и рекламные агентства, и политические кампании.

Калеб смотрел на строку с оплатой ролика со слушаний.

Монтаж делал не он. Он даже не выбирал кадры. Но утверждённый им пакет услуг включал «создание эмоционально эффективных версий видеоматериалов». Под этой формулировкой можно было спрятать почти любой результат.

Он открыл исходное письмо подрядчику. Там его собственная инструкция была короткой: «Нужен клип, после которого людям захочется действовать».

Калеб никогда не просил исказить слова председателя.

Но и не спросил, почему получившийся ролик выглядит так, будто председатель заглушил Натана посреди фразы.

Теперь полный бюджет должен увидеть человек, который начал задавать вопросы.

Калеб выделил строку подрядчика жёлтым.

На мгновение ему пришла мысль перенести расходы в другую категорию: «Подготовка материалов». Формально это было допустимо. Материалы действительно готовили.

Он не изменил строку.

Пока.

Глава 31. Одинокая аудитория

Лорен Пирс купила новые шторы.

Предыдущие были тонкими и слишком светлыми: ночью через них виднелись очертания мебели. После угроз ей начали казаться опасными даже вещи, которые ещё недавно были просто неудобными. Она не хотела снова произносить слово «безопасность» перед сыном. Поэтому сказала Томми, что зелёные шторы лучше подходят к кухонной клеёнке с лимонами.

Томми согласился.

Он вообще стал чаще соглашаться. Раньше спорил о завтраке, о времени сна, о том, какую куртку надевать. Теперь, прежде чем возразить, смотрел на её лицо. Лорен замечала этот взгляд и ненавидела себя за то, что не могла его отменить.

В пятницу у двери позвонил мужчина, назвавшийся волонтёром движения за безопасный город. В руках у него была папка с цветной эмблемой.

— Мы собираем истории тех, кто пострадал от бюрократической несправедливости. Вы можете рассказать свою?

— Нет, — сказала Лорен.

— Нам известно, что вы стали жертвой информационной кампании.

— Кто вам сказал?

— Это общедоступная информация. Мы хотим включить вас в сборник свидетельств.

Она почувствовала холод в ладонях.

— Не приходите сюда больше.

— Но мы на вашей стороне.

— Я не просила выбирать мою сторону.

Она закрыла дверь.

За спиной тихо стоял Томми.

— Это опять плохие люди?

Лорен опустилась перед ним на корточки.

— Не знаю.

— А хорошие почему приходят так, что ты боишься?

Лорен не нашла ответа.

* * *

Клара получила её звонок через двадцать минут.

— Вы уверены, что он был из движения Вейна? — спросила она.

— У него был значок. Я не спросила фамилию.

— У вас есть запись с дверной камеры?

— Камера сломалась. После того случая мы поставили другую, но она постоянно зависает.

— Я могу приехать, если вы хотите. Или сначала обратитесь к сотруднику, который занимается вашими заявлениями об угрозах.

— Я уже позвонила ему. Он сказал, что без угрозы ничего не сделает.

Клара помолчала.

— Тогда давайте запишем описание человека и время. И я свяжусь с организаторами, чтобы они подтвердили, отправляли ли кого-то.

— Только не называйте меня в статье.

— Не назову без вашего разрешения.

Лорен глубоко вдохнула.

— Вы всё время так говорите. «Без вашего разрешения». Как будто это не очевидно.

Клара смотрела на телефонную трубку.

— К сожалению, для некоторых людей не очевидно.

* * *

Мартин отрицал, что кому-то поручали ходить по адресам.

— Мы собираем свидетельства только онлайн и на встречах, — сказал он Кларе. — Личные визиты не предусмотрены.

— Вы ведёте список добровольцев?

— Да. Но значок мог получить любой участник собрания.

— Вы можете разослать сообщение, что без предварительного согласия к людям домой приходить нельзя?

— Можем.

— Сегодня?

Он пообещал.

Вечером такое сообщение действительно появилось на странице движения. Оно было точным, коротким и почти незаметным. Сорок девять просмотров за первый час.

В это же время ролик с выступлением Натана набрал ещё триста тысяч.

* * *

Натан прочёл сообщение Клары о визите к Лорен и почувствовал злость.

Сначала на неизвестного мужчину. Потом на Мартина. Затем на Калеба, который говорил ему о дисциплине добровольцев, но не мог удержать людей от походов по чужим адресам.

А ещё — на саму Лорен. Не за то, что она испугалась. За то, что её страх требовал от него нового поступка, в то время как он уже столько раз пытался объяснить, что не хотел ничего подобного.

Он заметил эту последнюю мысль и испугался.

Это было самое трудное чувство в его новом положении. Ему всё чаще казалось, что пострадавшие люди неблагодарны за усилия, которых никогда не просили от него.

Он открыл пустой документ и напечатал:

«Никто не имеет права приходить к человеку домой без его согласия, даже называя себя защитником».

Фраза была ясной.

Он добавил:

«Мы обязаны уважать границы тех, ради кого якобы боремся».

Подумал и заменил «якобы» на «говорим, что».

Это не улучшило мелодию предложения, зато сделало смысл точнее.

Он записал короткое аудио на сорок девять секунд. Не назвал Лорен. Не упомянул Клару. Не попытался объяснить, почему его сторонники хорошие, хотя совершают плохие поступки. Он просто сказал, что любая организация, которая собирает свидетельства, обязана спрашивать разрешение до визита, записи или публикации.

Сохранил.

Прослушал.

Фраза «без вашего согласия» прозвучала сухо, почти канцелярски. Ему захотелось переставить её ближе к началу, усилить голос, добавить историю женщины, которую напугали у двери.

Он не стал.

Опубликовал как есть.

За первые два часа запись прослушали меньше четырёх тысяч человек.

Под ней появились комментарии:

«О чём это вообще?»

«Натан, давай без скучных инструкций».

«Нас хотят остановить, а ты о правилах?»

И ещё один:

«Правильно. Меня вчера спрашивали про мой дом, хотя я никуда не записывалась. Спасибо».

Натан перечитал последнее сообщение несколько раз.

Поставил отметку одобрения.

Он удивился тому, что одной благодарности ему хватило почти на целый вечер.

Но только почти.

Ночью он снова открыл статистику и увидел, что число подписчиков снизилось на сто двадцать семь человек.

Он долго пытался убедить себя, что не считает.

* * *

На следующее утро в общественный центр пришла Бет.

Она несла большой свёрток с листами бумаги и копию ответа департамента транспорта.

— На остановке поставят временную скамью и навес через десять рабочих дней, — сказала она.

Мартин поднял голову.

— Вот видите! Наше движение добилось!

— Подождите, — сказала Бет. — На ответе дата за три дня до последнего митинга. Мы подавали заявку вместе с больницей. Они рассмотрели её после того, как главврач направил обращение о падении пациентки.

— Но общественное давление тоже сыграло роль.

— Может быть. Только в документе про него нет ни слова.

Мартин отложил телефон.

— Вам сложно просто порадоваться?

Бет посмотрела на него.

— Я очень рада. Я хочу поставить навес. А не поставить под ним наше имя.

Она разложила бумаги по столу. На первой странице стояла дата начала работ. На второй — схема временного ограждения. На третьей — перечень ответственных служб.

Натан слушал их разговор из дверей.

Он подумал: когда-то он бы обязательно превратил эту историю в победный выпуск. И, возможно, такой выпуск помог бы собрать средства для следующей остановки. Но в его голове звучала другая мысль — если дать людям радость результата без собственного имени, возможно, они захотят повторить то, что действительно сработало.

Вечером он опубликовал копии документов, предварительно скрыв личные данные заявителей. Подписал:

«Временный навес у больницы: сроки и ответственные. Спасибо сотрудникам больницы, Бет Далтон и всем жителям, направившим обращения».

Не поставил собственную фотографию.

Сначала показалось, что он исчезает.

Потом Бет написала ему:

«Спасибо. Теперь главное — проверить, что скамья действительно появится».

И Натан впервые за долгое время почувствовал, что у истории есть продолжение, в котором его голос может быть необязателен.

Глава 32. Вторая подпись

В понедельник утром Натан получил полный бюджет движения.

Калеб отправил таблицу без сопроводительного письма.

Натан открыл её на старом ноутбуке. Данные занимали шесть листов. Он не умел читать финансовые документы быстро, поэтому начал с самого простого — сравнил даты платежей с датами событий.

Аренда общественного центра соответствовала договору. Печать листовок — выставленным счетам. Транспортные расходы — поездкам добровольцев. Большая часть бюджета выглядела скучно, почти успокаивающе.

Но была строка, которую он не понял.

«Информационная поддержка. Норт-Лайн Медиа».

Дата стояла за сутки до публикации ролика с сорокасекундной паузой.

Он позвонил Калебу.

— Вы оплачивали монтаж выступления?

— Я оплачивал распространение материалов.

— В том числе ролика?

— Да.

— Вы смотрели его до публикации?

— Просматривал.

— И знали, что там вырезана пауза?

Калеб молчал.

— Я видел короткую версию, — сказал он наконец. — Меня интересовало, что она передаёт. Возможно, стоило проверить полную.

— Вы уже знали, что полная другая. Мы обсуждали её.

— Натан, мы обсуждали вашу нерешительность. Я не думал, что сорок секунд станут центром политической философии.

— Это не политическая философия. В ролике меня заставляют молчать. В действительности я замолчал сам.

— Не забывайте, что вам дали три минуты. Это всё равно унизительно.

Натан посмотрел на таблицу.

— Всем дали три минуты.

— Не всем было что сказать.

— У многих было больше, чем у меня.

Калеб вздохнул.

— Теперь вы решили стать противником собственного движения?

— Я решил, что мы не должны платить за ложную версию того, что произошло.

— Она не ложная. Она эмоциональная.

Натан закрыл глаза.

Когда-то он сам так говорил о своих ранних монтажах. Убирал скучные пояснения, оставлял слова, от которых зритель сжимал кулаки. В техническом смысле все фразы были настоящими. Ложь появлялась в промежутках между ними.

— Я хочу, чтобы вы опубликовали исправление, — сказал он.

— Клара уже опубликовала полную запись. Зачем повторять?

— Потому что мы распространяли короткую.

— У нас начнётся внутренний конфликт.

— Он уже начался.

В трубке щёлкнуло. Калеб завершил разговор.

* * *

Натан сидел перед ноутбуком и вдруг понял, что до сих пор думает о публичном признании как о событии, после которого станет легче.

Сначала он воображал большое аудио. Мрачную музыку в начале. Слова, произнесённые медленно, на низкой ноте. Длинную паузу, за которой последует: «Я тоже был частью того, против чего выступал».

В этой версии слушатели плакали, спорили, но в конце концов принимали его мужество. Даже ненавидящие должны были признать, что он сумел сделать то, чего не смогли другие.

Теперь он видел, что хочет не признания.

Он хочет удачного финала признания.

Но люди не обязаны заканчивать чужие истории правильно.

Он открыл файл «Ответ».

В первых минутах звучали подробности его работы в CivicTone. Натан упоминал закрытую жалобу и собственную трусость. Затем переходил к ошибкам городской системы, потом к Морроу и документам Клары. К концу голос становился сильнее. Ему было легче обвинять, чем признавать.

Он слушал запись не прерывая.

Затем начал новую. Без музыки.

— Меня зовут Натан Келлс. Я работал в компании CivicTone и закрыл повторное обращение жителей дома семнадцать по Блум-стрит. Я знал, что не открыл приложенные фотографии. Я знал, что мог оставить обращение на проверке. Я не знал, что дом обрушится. Но это не отменяет того, что я не сделал работу, за которую отвечал.

Он остановился.

Сказал снова:

— Я не был единственным человеком, чьё решение имело значение. И это не делает моё решение меньше. Я не прошу считать меня убийцей. Я не прошу считать меня героем, который раскаялся вовремя. Я прошу проверить мой поступок так же, как поступки остальных.

Голос дрогнул.

Натан выключил микрофон и долго смотрел на застывшую звуковую дорожку.

Впервые он записал что-то, не зная, какие слова станут самыми удачными.

* * *

В тот же день ему позвонила Элен Моррис из CivicTone.

— Мы завершили предварительную часть проверки, — сказала она. — Есть ещё материалы. При ознакомлении вы подтверждали, что не открывали вложения. Мы нашли запись разговора с руководителем смены. Там есть фраза, которую нужно уточнить.

Натан почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Какая?

— Вы сказали: «Там новые фотографии, но если статус дублирующий, закрываю?» Руководитель ответил: «Закрывай по процедуре». Это подтверждает, что вы знали о новых вложениях. Вы помните разговор?

Он прижал телефон крепче.

На мгновение кабинет исчез. Возник прежний офис: перегородки, тридцать седьмой стол, указатель времени ответа, красный значок следующего звонка. И он сам, уставший, раздражённый, произносит фразу почти автоматически.

«Там новые фотографии».

Он помнил.

Не слова целиком. Но интонацию — помнил.

Он не просто не открыл вложения.

Он заметил, что они появились, и счёл это неудобством.

— Натан? — спросила Элен.

— Да.

— Вы хотите предоставить уточнение письменно?

— Хочу.

— Мы отправим вам копию фрагмента.

Разговор закончился.

Он посмотрел на только что записанное признание.

«Я знал, что не открыл приложенные фотографии».

Этого больше не хватало.

В одном предложении появилась новая правда, делающая прежнюю формулировку недостаточно честной.

Натан включил микрофон.

Сказал:

— Я видел, что жильцы приложили новые фотографии. Я решил не открывать их. Я не могу объяснить это только правилами компании.

На этом месте он неожиданно заплакал.

Без красивого дрожания голоса. Без слов о сломанном человеке. Слёзы раздражали его. Он вытер лицо рукавом и несколько раз пытался заговорить, но не мог: дыхание сбивалось, нос заложило, рот стал сухим.

Он не чувствовал облегчения.

Ему было стыдно и неприятно находиться с самим собой в одной комнате.

Через некоторое время он остановил запись.

Ему хотелось удалить последние минуты — они были слишком некрасивыми для эфира.

Но он оставил файл.

Назвал его «Вторая подпись».

* * *

К вечеру в почте появился проект отчёта фонда. В нём уже значилось, что движение получило поддержку «Фонда городской перспективы». В приложении стояла фотография Натана на площади, а в разделе «Публичные представители программы» — его имя.

Он пролистал документ до последней страницы.

Внизу находилась строка: «Согласование со стороны публичного представителя».

Рядом — цифровая отметка, будто он уже утвердил материал.

Натан открыл служебные сведения файла.

Отметку внесли два дня назад.

Его никто не спрашивал.

Он прочитал строчку ещё раз.

Потом позвонил Калебу.

Тот не ответил.

Натан написал:

«Я не согласовывал участие в программе. Уберите моё имя и фотографию до публикации. Подтвердите письменно».

Он собирался отправить второе сообщение, более сердитое, но остановился.

На столе лежал распечатанный протокол проверки CivicTone — с его настоящей подписью. На экране — документ с отметкой, оставленной кем-то другим.

Впервые за долгое время он подумал не о том, как выглядят два документа со стороны.

Он подумал о том, как человеку узнать, что под его именем действительно стоит его решение.

К полуночи Калеб ответил:

«Мы разберёмся. Только не делайте ничего публичного раньше нашего разговора».

Натан посмотрел на сообщение.

И понял, что именно такую просьбу когда-то отправляли ему самому люди, чьи истории он собирался опубликовать.

Он положил телефон экраном вниз.

За окном зажигались окна домов. В них жили люди, которые даже не подозревали, какое значение имеют чужие подписи. Они готовили ужин, проверяли домашнее задание, ложились спать, ругались о немытой посуде. За их стенами по-прежнему существовали трещины, документы, подрядчики, протоколы, деньги.

Город не ждал признания Натана Келлса.

Город ждал, чтобы кто-нибудь сделал работу до конца.

Глава 33. Право на имя

В семь сорок три утра Натан получил ответ от Калеба: «Ни одна заявка не отправлена. Это рабочий черновик. Не раздувайте проблему».

Он прочёл сообщение за завтраком. Яйцо на сковороде успело остыть, пока он пытался понять, какое именно слово раздражает его больше: «черновик» или «раздувайте».

Когда-то Натан сам закрывал жалобы, в которых люди описывали трещины, протечки, невозможность спать в собственных квартирах. В ответной графе он выбирал «информация принята к сведению». Фраза не отрицала, что трещины существуют. Она просто не содержала будущего времени. С ней можно было прожить ещё день, ещё месяц, ещё один отчётный период.

«Рабочий черновик» был такой же фразой. Пока никто не отправил бумагу, будто бы ничего не случилось. Но фотография уже стояла в документе, фамилия уже имела статус согласованной, а возле неё оставили электронную отметку, которой Натан не ставил.

Он открыл файл ещё раз. На титульной странице располагался логотип «Фонда городской перспективы»: три тонкие линии, складывавшиеся в фигуру, похожую то ли на мост, то ли на раскрытую книгу. Под ним значилось: «Партнёрская программа информирования жителей о состоянии городской инфраструктуры».

Натан нажал на сведения о документе. В истории изменений была строка «Согласовано: Н. Келлс». В графе пользователя — «MGrey_Admin».

Мартин.

Он не стал делать снимок экрана для публикации. Сохранил копию файла и написал Мартину лично: «Прошу пояснить, кто и на каком основании внёс согласование от моего имени. Я его не давал».

Через двенадцать минут пришёл ответ: «Калеб сказал, что вы в курсе. Это технический статус, не подпись».

Натан набрал: «Тогда измените технический статус на “не согласовано”».

Мартин поставил отметку прочтения. Больше ничего.

* * *

В городской библиотеке Натан нашёл свободный компьютер и открыл сайт фонда. Он не хотел искать сведения дома: там каждая вкладка рано или поздно превращалась в подготовку нового выступления. В библиотеке вокруг сидели люди, которым было совершенно безразлично, что на экране у соседа.

На сайте фонда публиковали фотографии отремонтированных дворов, отчёты о грантах, благодарственные письма. Люди в хороших пальто стояли рядом с людьми в рабочих куртках. Никто не спорил. Даже трещины на стенах в разделе «До и после» выглядели эстетично: аккуратные, почти деликатные, предназначенные для того, чтобы их вовремя замазали.

В составе попечительского совета значился человек по имени Ричард Эймс. Натан встречал фамилию в финансовых документах «Астер-Куэй», компании, планировавшей реконструкцию квартала, где обрушился дом на Блум-стрит.

Это могло ничего не значить. Эймс сидел в нескольких благотворительных организациях. Возможно, фонд никогда не участвовал в решениях «Астер-Куэй». Возможно, сходство фамилий было случайным. Натан уже представлял, как произнесёт её в микрофон с такой интонацией, чтобы слово «возможно» исчезло само собой.

Он закрыл вкладку.

Открыл снова.

Было физически трудно уйти от красивого подозрения. Оно давало ему то, чего не давала скучная проверка: ясную форму происходящего. В этой форме Калеб был обманщиком, фонд — прикрытием, город — ловушкой, а Натан — единственным, кто успел разглядеть механизм.

В библиотеке женщина за соседним компьютером пыталась распечатать заявление на компенсацию за отопление. Принтер не отвечал. Она дважды подняла руку, но сотрудница у стойки разговаривала по телефону.

Натан знал, как отключить режим ожидания на этой модели принтера. Такие стояли в CivicTone.

Он поднялся и помог женщине.

— Спасибо, — сказала она, собрав листы. — Всё время боюсь нажать не туда.

Он хотел ответить, что неправильно нажать может каждый. Что иногда одна кнопка меняет судьбу людей. Что он знает это лучше других.

Но женщина уже складывала бумаги в сумку.

Ей требовался документ. Она получила документ.

Натан вернулся к своему экрану и впервые за утро почувствовал себя человеком, которому не нужно продолжение разговора.

* * *

В полдень ему позвонила Клара.

— Вы видели объявление фонда? — спросила она.

— Какое?

— Они разместили предварительную программу круглого стола. Среди спикеров ваше имя.

Он открыл ссылку, которую она прислала. «Круглый стол по вопросам общественного доверия». Натан Келлс, представитель независимого гражданского движения, выступление: «От личной истории к городским изменениям».

— Я не соглашался, — сказал он.

— Это вы мне говорите или хотите, чтобы я написала?

Он прикусил язык. Когда-то он бы воспринял вопрос как нападение. Сейчас услышал в нём профессиональную привычку отделять разговор от публикации.

— Пока говорю вам. Я попросил исправить документы. Жду ответа.

— Поняла. Тогда я не буду ссылаться на ваше имя как на подтверждение участия.

— Вы расследуете фонд?

— Я проверяю несколько платежей. Подтверждения пока нет.

— В совете Эймс. Он связан с «Астер-Куэй».

— Я знаю.

— И вы молчите?

— Я разговариваю с вами.

Натан невольно улыбнулся. В её ответе не было ни уклончивости, ни попытки победить. Она просто вернула словам их обычное значение.

— Если найдёте что-нибудь, скажете?

— То, что смогу подтвердить и имею право раскрыть.

Он услышал, как за её спиной кто-то смеётся, звякает посуда. Клара, вероятно, находилась в редакции. Обычный рабочий день.

— Клара, — сказал он, — вы не обязаны меня предупреждать. Но спасибо, что позвонили.

— Я предупреждаю вас не из дружбы, Натан. В программе стоит ваше имя. Мне нужно знать, согласовывали ли вы выступление.

— Не согласовывал.

— Теперь знаю.

Она попрощалась.

Он сидел с телефоном в руке и думал, как странно устроена честность: когда кто-нибудь поступал с ним справедливо, ему немедленно хотелось назвать это любовью или предательством. Простая справедливость казалась недостаточной.

К вечеру он получил письмо от фонда. Вежливый администратор сообщал, что участие в круглом столе «находится в стадии подтверждения», а ошибочная отметка была внесена в системе партнёров до завершения согласований. Фотографию обещали убрать из открытой программы в течение суток.

Натан переслал письмо Калебу.

В ответ пришло: «Ну вот. Всё решилось. Вы могли просто мне довериться».

Он прочитал это предложение несколько раз.

Особенно последнее слово.

Довериться человеку, который попросил его не делать ничего публичного до разговора. Довериться после чужой отметки, чужого монтажа, чужого решения о финансировании.

«Доверие, — подумал Натан, — это, наверное, не просьба закрыть глаза. Это возможность открыть их и не потерять человека».

Он не записал мысль. Она была слишком готова для хорошей концовки.

Глава 34. Двадцать секунд тишины

В среду утром Марианна позвонила ему сама. За последние месяцы это случалось редко: чаще они обменивались короткими сообщениями о расписании Джун, деньгах и школьных мероприятиях.

— Ты сегодня свободен после четырёх? — спросила она.

— Пока да.

— У Джун концертный зачёт в субботу. Она сама хотела бы с тобой поговорить, но боится, что получится неловко.

Натан застыл возле открытого холодильника.

— Она хочет, чтобы я пришёл?

— Я не говорила этого. Она хочет решить, приглашать ли тебя. Это разные вещи.

Он прикрыл дверцу.

— Хорошо. После четырёх буду на связи.

— И, Натан… без твоих больших разговоров. Пожалуйста. Она не обязана снова объяснять взрослому человеку, почему ей было больно.

Он хотел ответить, что уже понял. Что меняется. Что на этот раз всё иначе. Но Марианна просила как раз не превращать разговор в отчёт о его переменах.

— Я постараюсь слушать, — сказал он.

— Это хотя бы проверяемо.

* * *

В четыре пятнадцать Джун позвонила по видеосвязи. За её спиной виднелись книжная полка и угол синего покрывала. На столе лежала скрипка. Натан поймал себя на том, что пытается рассмотреть новые вещи в комнате, как будто по ним можно определить, сколько жизни дочери прошло без него.

— Привет, — сказала Джун.

— Привет.

— Мама сказала, что ты можешь в субботу.

— Да.

— Но я не уверена, что хочу звать тебя.

Он втянул воздух.

— Понимаю.

— Ты всегда это говоришь.

— Наверное, слишком часто.

Джун повернула телефон, чтобы показать футляр. К его ручке был привязан маленький бумажный журавлик. Один угол расправился и торчал неловко, будто птица пыталась взлететь с закрытым крылом.

— Мы играем три произведения, — сказала она. — Там нет соло. Никто ничего особенного не делает.

— Ты же знаешь, что мне не нужно соло, чтобы прийти.

— Я не знаю.

Она произнесла это без нажима. Просто сказала, что не знает.

Натану стало так стыдно, что он на мгновение отвёл взгляд к окну. Внизу мужчина выгуливал собаку. Собака долго принюхивалась к одному дереву, хозяин терпеливо ждал.

— Я хочу прийти, — сказал Натан. — Если пригласишь. Но если не захочешь, я не буду обижаться на тебя за это.

— А на кого будешь?

Он посмотрел в камеру.

— На себя, наверное.

— Только не говори потом, что из-за меня не пришёл. Ладно?

— Не скажу.

Джун помолчала.

— Я в пятницу напишу.

— Хорошо.

Она уже собиралась закончить вызов, когда вдруг спросила:

— Пап, ты правда виноват в том, что случилось с домом?

Вопрос был настолько прямым, что Натан сначала не понял, как он помещается в обычном телефонном разговоре. В голове мгновенно возникли формулировки из внутренней проверки: «Не обладал полномочиями», «Действовал по инструкции», «Отсутствовала причинно-следственная связь».

— Я закрыл обращение жильцов, — сказал он. — Хотя должен был проверить фотографии и не делать этого без проверки. Я не знал, что дом рухнет. Но это не оправдывает то, что я сделал.

Джун смотрела на экран.

— А те, кто умер, они бы остались живы, если бы ты не закрыл?

Он не стал торопиться. В первый раз молчание не было способом заставить собеседника оправдывать свой вопрос.

— Я не знаю, — сказал он. — И не буду говорить, что знаю. Там было много других людей, которые отвечали за безопасность дома. Сейчас проверяют, чьи решения к чему привели.

— Ты боишься, что тебя посадят?

Натан посмотрел на собственное изображение в маленьком квадрате. Мужчина с уставшими глазами и слишком внимательным лицом.

— Боюсь, — сказал он.

— Мама говорит, что ты должен найти адвоката.

Он удивился.

— Мама так сказала?

— Не мне. Я слышала, как она по телефону говорила.

Он вспомнил, как легко раньше воспринимал любой совет Марианны как скрытое обвинение. Возможно, она и сейчас сердилась. Возможно, опасалась за дочь. Но фраза про адвоката была просто разумной.

— Она права, — сказал он. — Я поговорю с юристом.

Джун провела пальцем по краю стола.

— Я не хочу, чтобы люди из школы считали меня дочкой убийцы.

Он захотел кричать, что это неправда, что она не должна слушать чужие слова, что он никого не убивал. Желание было таким сильным, что почти перехватило дыхание.

— Ты не обязана отвечать за мои поступки, — произнёс он. — Даже если людям почему-то кажется иначе.

— Они всё равно будут спрашивать.

— Тогда можешь говорить, что не хочешь разговаривать об этом. А можешь вообще ничего не говорить. Я не буду требовать, чтобы ты меня защищала.

Дочь кивнула.

Потом они говорили о школьном оркестре, о новом дирижёре, который раздражался, если дети держали смычок слишком высоко, и о смешном мальчике, однажды принёсшем вместо нот тетрадь по математике.

Когда звонок закончился, Натан обнаружил, что сидит в той же позе, что и в начале: локти на столе, плечи напряжены. Всё тело требовало действия. Нужно было кому-то позвонить, что-то исправить, опубликовать запись, доказать, что он действительно ответил дочери честно.

Он не сделал ничего.

Через двадцать минут пришло сообщение от Джун:

«Спасибо, что не начал орать».

Натан прочёл его и впервые за много дней позволил себе засмеяться.

Смех получился коротким и совершенно не торжественным.

* * *

Вечером он снова слушал запись «Вторая подпись». На дорожке оставался его плач: всхлипывание, несколько долгих вдохов, глухой звук рукава по лицу. Двадцать секунд тишины между двумя предложениями казались чудовищно длинными.

Он выделил этот кусок мышью.

Стереть было легко. Одно нажатие, и признание стало бы стройнее, а его голос — достойнее.

Натан убрал руку с клавиатуры.

Ему пришло в голову, что честность не требует публично показывать каждое своё унижение. Молчание может быть личным, не отредактированным и не выставленным на суд. Он сохранял запись не ради будущего восторга публики; возможно, она вообще не предназначалась для чужих ушей.

Он сохранил исходный файл без изменений. Потом создал копию с названием «Для юридической консультации».

В ней оставил только факты: даты, своё действие, обнаруженные вложения, разговор с руководителем смены. Убрал музыку, паузы и всё, что было похоже на попытку подобрать выигрышный тон.

Поднялся, налил себе воды.

На столе стоял бумажный журавлик, оставленный дочерью давно. Натан поправил его крыло, но впервые не стал искать в этом жесте символ.

Завтра нужно было найти адвоката.

Глава 35. Подрядчик

Клара встретилась с бухгалтером «Норт-Лайн Медиа» в кафе возле автовокзала. Мужчина попросил не фотографировать его и не записывать разговор на диктофон. Он назывался Маркусом, хотя это могло быть не его настоящее имя.

Клара не стала задавать вопрос, на который всё равно нельзя было получить проверяемый ответ. Она попросила документы.

— Я не могу вам ничего передавать, — сказал мужчина.

— Тогда зачем вы позвонили?

Он поставил стакан кофе на стол и показал телефон. На экране был счёт: монтаж видеороликов, три версии для разных площадок, размещение в течение сорока восьми часов. Заказчиком значилось движение «Пока вы ждёте, мы живём», контактным лицом — Калеб Вейн.

— Это вы уже знаете, — сказал он. — Другое вот.

Он открыл переписку. В одном письме подрядчик просил прислать исходную запись слушаний. В ответ представитель заказчика уточнял, что «важен момент прерывания речи». Ниже находилась отметка о согласовании готового клипа.

— Кто писал ответ? — спросила Клара.

— В почте только имя. Мартин Грей. Может, от имени организации отвечал другой человек.

— Есть полный заголовок письма?

— Вы хотите, чтобы меня вычислили?

— Я хочу понять, можно ли проверить отправителя. Без этого я не стану утверждать, что письмо его.

Маркус убрал телефон.

— Я думал, вас заинтересует, что ролик был специально собран.

— Заинтересует. Но сборка ролика — не преступление. Мне нужно показать, что именно изменили и кто принял это решение.

— В этом городе, — горько сказал он, — все хотят документов, пока не увидят свои фамилии внутри.

Клара записала фразу в блокнот. Не потому, что собиралась её цитировать. Ей хотелось проверить, не делает ли она сама то, за что осуждает Натана: превращает чужой страх в красивый финал.

— Если решите передать материалы, — сказала она, — обсудим безопасный способ. Пока я не буду публиковать эту переписку.

Мужчина ушёл, не допив кофе.

За окном автобус медленно трогался от остановки. Люди поднимались с пакетами, искали свободные места, отворачивались к окнам. Ни один из них не выглядел частью истории, которая сейчас могла изменить репутацию влиятельного движения.

И всё же кто-то из этих людей непременно жил в доме, где не проверяли трещины. Кто-то ждал навеса у больницы. Кто-то смотрел ролик о Натане и считал, что ему наконец всё объяснили.

Клара закрыла блокнот. Ей хотелось успеть до вечернего выпуска новостей. Но желание успеть было плохим доказательством того, что материала достаточно.

* * *

В редакции Томас Беккер слушал её рассказ, не перебивая.

— У нас три линии, — сказал он. — Деньги фонда, согласование участия Келлса и монтаж ролика. Если свалим их в одну кучу, получится великолепная история и очень слабая статья.

— Я знаю.

— Тогда проверим отдельно. По фонду — публичные отчёты и связи попечителей. По программе — письмо Келлса и ответ организаторов. По ролику — исходник, технические документы, свидетельства подрядчика.

— Пока источник не готов оставить нам копии.

— Значит, нам пока нечего публиковать о переписке.

Клара посмотрела на экран с цифрами просмотров. Сюжет с Натановым молчанием продолжал расти. В комментариях спорили, лишили ли его слова намеренно или он сам растерялся. Люди с одинаковой уверенностью защищали противоположные версии, часто даже не открывая длинную запись.

— Ты не думаешь, что мы опаздываем? — спросила она.

Томас задумался.

— Мы всегда опаздываем относительно тех, кому не нужно ничего проверять. Наша задача — не приходить первыми любой ценой. Наша задача — оставаться после того, как остальные уйдут.

Он вернул ей папку.

— И позвони адвокату Лорен. У них опять был посетитель.

Клара подняла глаза.

— Что произошло?

— На этот раз оставили письмо под дверью. Без угроз, если читать буквально. «Мы хотим, чтобы вы рассказали правду о Натане Келлсе». Они по-прежнему считают, что должны получить её историю.

Клара посмотрела на свою папку. На первой странице стояло имя Натана, на последней — Калеба. Между ними легко было потерять Лорен, которая не хотела принадлежать ни одному из них.

— Я позвоню, — сказала она.

* * *

Вечером Калеб встретил Мартина в полупустом офисе движения.

— Келлс прислал ещё одно письмо, — сказал Мартин. — Требует удалить своё имя и показать, кто утвердил материалы. Похоже, он готов нанимать юриста.

Калеб устало потёр переносицу.

— Удалите имя. Что вам мешает?

— Уже удалил. Но он спрашивает, кто поставил отметку.

— Ты поставил?

— Я. В нашей системе это означало, что мы ждём подтверждения. Там один переключатель «согласовано» вместо трёх статусов. Я пытался объяснить.

— Ты должен был написать ему это прямо.

— Я написал.

— Ты написал «технический статус». Так люди говорят, когда надеются, что вопрос исчезнет.

Мартин с удивлением посмотрел на Калеба.

— А вы что сказали?

Калеб не ответил.

На столе лежали листовки новой акции. На одной была фотография Натана, на другой — снимок обрушенного здания. Калеб всегда считал это честным сопоставлением: человек, который поднял вопрос, и причина, по которой вопрос нельзя оставить без ответа.

Но теперь, впервые, он увидел между двумя изображениями то, что видела Клара. Фотография Натана занимала почти весь лист. Дом был маленьким, словно фоном к его лицу.

— Сколько листовок отпечатали? — спросил Калеб.

— Пять тысяч.

— Не раздавайте пока.

Мартин усмехнулся.

— Вы тоже решили стать осторожным?

— Я решил сначала узнать, кому принадлежит эта история.

Он произнёс слова серьёзно. И почти сразу понял, что не знает ответа.

Глава 36. Дверь, которую нельзя открыть

В пятницу Лорен Пирс не отвела Томми в школу.

Утром он проснулся с температурой и кашлем, несколько раз попросил воды, потом уснул прямо на диване в гостиной. Лорен поставила рядом таз, термометр и чашку, накрыла мальчика пледом с нарисованными кораблями. За окном шёл мелкий дождь.

В десять в дверь позвонили.

Лорен застыла возле кухни. Последние недели любой звонок заставлял её мысленно перечислять способы защиты: посмотреть в глазок, не открывать, проверить телефон, позвонить соседке, позвать кого-нибудь, кто действительно сможет прийти.

Звонок повторился.

— Кто? — спросила она через дверь.

— Почта. Для вас конверт.

Лорен подошла к глазку. На площадке стоял молодой мужчина в серой куртке с папкой в руках. Никакой формы почтовой службы на нём не было.

— Оставьте в ящике.

— Нужно вручить лично.

— Я ничего не заказывала.

Мужчина посмотрел прямо в глазок.

— Вы же понимаете, что лучше рассказать свою историю самим, чем ждать, пока её расскажут другие?

Лорен отступила.

— Уходите.

— Я просто хочу передать письмо.

— Уходите от моей двери.

Она услышала шорох бумаги. Затем шаги. Мужчина спускался по лестнице медленно, будто у него имелось право рассчитывать, что она передумает.

Томми проснулся от шума.

— Это к нам?

— Нет, милый.

— Ты опять испугалась?

Лорен посмотрела на его горящее от температуры лицо и впервые не стала искать мягкую неправду.

— Да, — сказала она. — Испугалась. Но я знаю, что делать.

Она позвонила полицейскому, который занимался прежними угрозами, и сообщила о повторном визите. Затем написала Кларе: «Снова приходили. Я не открыла».

Ответ пришёл почти сразу: «Вы правильно сделали. Я не стану использовать это в материале без вашего согласия. Если хотите, могу передать вашему адвокату контакт человека, который помогает с вопросами безопасности».

Лорен прочла сообщение и положила телефон на стол.

Ей требовалось не восхищение своей стойкостью. Ей требовалось, чтобы дверь снова была дверью.

* * *

В тот же день Натан получил письмо с незнакомого адреса с темой «Лорен Пирс». Внутри была фотография лестничной площадки и сообщение: «Мы попытались поговорить. Она прячется. Может, вы попросите её нормально ответить?»

Натан почувствовал, как подступает гнев. Он почти физически ощутил в руках будущую запись: хриплый голос, короткие слова, обращение к людям, которые забыли о границах.

Но в фотографии было то, чего нельзя было исправить никакой записью: знакомая дверь, чужой дом, человек внутри, которому снова приходилось бояться.

Он переслал письмо Мартину и Калебу с одной фразой: «Если это ваш доброволец, прекратите визиты. Если нет — публично объясните, что организация не имеет права отправлять людей по адресам заявителей. Сообщите, откуда у посторонних домашние адреса».

Мартин ответил первым: «Мы такого не поручали. Списков адресов не раздаём».

Калеб написал позже: «Разберёмся. Не нужно начинать охоту на ведьм».

Натан открыл письмо снова. Теперь он обратил внимание на фотографию: часть стены, почтовые ящики, номер квартиры. Она была сделана не для доказательства визита. Она давала понять, что автор знает, где искать Лорен.

Он сохранил письмо целиком, включая сведения об отправителе, и позвонил Кларе.

— Я получил сообщение, — сказал он. — Похоже, от человека, который к ней приходил. Там есть фотография двери. Я не буду пересылать вам её без необходимости. Если Лорен подаст заявление, я готов передать оригинал её адвокату или полиции.

Клара помолчала.

— Вы уже сами решили, как именно ей надо поступить?

Натан почувствовал привычный укол.

— Нет. Я сказал, что готов передать доказательство, если она попросит.

— Тогда я узнаю её решение.

— Хорошо.

Он ждал благодарности. Клара не поблагодарила.

Это было обидно только первые несколько секунд. Потом Натан понял, что она ничего ему не должна. Особенно сейчас, когда чужая безопасность зависела от того, сумеют ли взрослые люди выполнить простую последовательность действий и не превратить её в представление.

* * *

Вечером Лорен получила от своего адвоката короткое сообщение: «Келлс предложил передать оригинал письма. Хотите, чтобы я принял его и приложил к материалам?»

Она долго смотрела на экран.

Имя Натана вызывало у неё усталость. Не ненависть, не благодарность — усталость, похожую на ту, которую испытываешь к постоянно звонящему телефону. Даже когда он молчал, она ждала нового звонка.

Лорен набрала: «Да. Только без общения с ним».

Отправила.

И впервые не подумала, что должна объяснить свой выбор.

Она пошла к Томми, измерила температуру, поменяла воду. Мальчик сонно открыл глаза.

— Ты кого-нибудь победила? — спросил он.

Лорен поправила одеяло.

— Нет. Просто сделала то, что нужно.

— Это лучше, чем победить?

Она задумалась.

— Иногда да.

Томми снова уснул.

В соседней квартире кто-то громко засмеялся. С лестницы донеслись шаги. У соседей звякнули ключи. Дом жил своей обычной, неровной жизнью.

Лорен слушала эти звуки и понемногу училась не приписывать каждому из них угрозу.

Глава 37. Адвокат для плохого человека

Юристку звали Сара Белл. Ей было около пятидесяти, она носила короткую стрижку, очки в тонкой оправе и разговаривала с той невозмутимостью, которую Натан раньше принимал за холодность. При встрече Сара предложила ему не кофе, а воду и чистый блокнот.

— Я посмотрела документы, которые вы прислали, — сказала она. — Они серьёзные, но прежде всего давайте определим, в каком качестве вас вызывают. Внутренняя проверка работодателя — это одно. Запросы городских служб — другое. Возможное уголовное разбирательство — третье. Не надо заранее объединять их в один приговор.

Натан кивнул.

— Я хочу рассказать всю правду.

— Хорошо. Но это не отменяет необходимости проверить каждое слово. Иногда люди называют правдой то, что им кажется логичным, и случайно приписывают себе чужую вину. Иногда — наоборот. Вы не обязаны ни себя оправдывать, ни обвинять сверх того, что можете подтвердить.

Она разложила документы.

— Запись разговора с руководителем смены у вас есть?

— Копию мне обещали отправить.

— Дождёмся. Вы пока помните только часть слов.

— Я точно сказал, что фотографии новые.

— Значит, записываем: вы помните, что упомянули новые фотографии. Точная формулировка после прослушивания записи.

Натан поморщился.

— Вы говорите почти как Клара Восс.

— Судя по всему, у неё полезная привычка.

Он засмеялся неожиданно громко. Потом замолчал.

Сара не стала спрашивать, почему он смеётся.

— Теперь про ваше аудио, — сказала она. — Вы хотите его публиковать?

— Да. Наверное.

— Зачем?

Он посмотрел на неё.

— Чтобы люди знали.

— Какие люди? Что именно? Вы хотите сообщить факты, которых до сих пор никто не знает, или хотите получить общественную оценку собственного раскаяния?

Он почувствовал, как лицо становится горячим.

— Вы считаете, что я притворяюсь?

— Я ещё ничего такого не сказала. Я спрашиваю о цели публикации. Если вы передаёте сведения в проверку, для этого есть официальная процедура. Если рассказываете слушателям о своём поступке, это публичный выбор. Один не заменяет другого.

Натан опустил глаза на блокнот.

— Мне хочется, чтобы они перестали думать, будто я всё сделал правильно.

Сара подняла ручку.

— А что, если после вашей записи часть людей станет думать, что вы сделали всё неправильно?

Он не ответил.

— Вы способны с этим жить, не выпуская на следующий день разъяснение, почему вас не поняли?

Его молчание затянулось.

— Не знаю, — произнёс он наконец.

Сара не сделала из ответа драму.

— Хорошо. Тогда не будем изображать, что вы уже готовы.

* * *

В кабинете было окно во двор. На противоположной стене кто-то нарисовал неровное сердце с инициалами. Маленький след от человеческого присутствия, не предназначенный для миллионов просмотров.

Сара заполнила короткую форму и попросила Натана проверить адрес, дату и фамилию.

— Здесь ваше согласие на представление интересов. Читайте, пожалуйста. Не подписывайте автоматически.

Натан прочёл каждую страницу. На последней были обычные условия: стоимость, объём услуг, порядок прекращения договора. Он задержался на слове «представление».

Калеб тоже представлял его. Точнее, представлял себя человеком, имеющим право говорить от его имени. В фонде его превратили в публичного представителя одним переключателем. Журналисты представляли его историю. Подписчики — собственные надежды.

А здесь человек просил подпись до того, как начать действовать.

— Вы не обижаетесь, что я читаю так долго? — спросил он.

— Я была бы обеспокоена, если бы вы не читали.

Натан подписал договор.

Сара дала ему копию.

— Теперь о «Фонде городской перспективы». Если вашу фамилию внесли без согласия, важно сохранить оригинальные письма и историю изменений. Мы направим письменный запрос об использовании вашего имени и изображения. Но я бы не связывала этот вопрос с делом Блум-стрит, пока нет основания.

— Они связаны через Эймса.

— Возможно. Давайте сначала документально установим, что именно связывает их. Не начинайте собственный процесс с обвинения, которое нельзя доказать.

Он снова улыбнулся.

Впервые за долгое время выражение «не начинайте» не прозвучало как запрет жить. Оно означало: пока не надо причинять людям вред ради того, чтобы чувствовать себя правым.

* * *

На выходе Натан встретил мужчину, который ждал в коридоре с папкой на коленях. Тот поднял голову и узнал его.

— Вы же Абонент?

— Натан Келлс.

— Да-да. Я вас слушаю. Можно вопрос?

Натан приготовился. Обычно люди просили произнести любимую фразу, сфотографироваться или рассказать, как заставить город отвечать на жалобы.

— Если я подписал бумагу, а потом выяснилось, что там неправильные данные, это можно исправить? — спросил мужчина.

Натан взглянул на дверь кабинета Сары.

— Думаю, да. Но я не специалист. Лучше спросите юриста.

Мужчина кивнул.

— Я и пришёл за этим.

Натан спустился по лестнице.

На улице было ветрено. Он застегнул пальто, проверил документы в сумке и ощутил неожиданное спокойствие. Сегодня его ни за что не поблагодарили. Никто не попросил говорить за город. Никто даже не ожидал, что он знает ответ.

Обычный взрослый день.

Он так давно не имел таких дней, что почти разучился им радоваться.

Глава 38. Место у окна

В гостинице, куда поселили часть жильцов Блум-стрит, заканчивался оплаченный городом срок проживания. Ада Уиткомб получила уведомление в пятницу: муниципалитет предлагал переселение в другое временное помещение на окраине Беллпорта. В письме было четыре страницы. На первых трёх объясняли основания, правила и порядок оформления. На четвёртой сообщали адрес нового места.

Ада прочла всё дважды, поставила чайник и стала искать на карте, как добираться до старой поликлиники.

Получилось сорок минут автобусом с пересадкой.

Её соседка, миссис Грант, ходила с тростью. Для неё дорога от автобусной остановки занимала ещё пятнадцать минут, если тротуар был сухим.

Ада не собиралась просить Натана о помощи. Она слышала его голос на площади и однажды даже подумала, что этот человек способен заставить город объясняться. Но после статьи Клары и нескольких последующих историй её мнение перестало быть простым. Он мог сказать важную правду и одновременно использовать её. Это сочетание казалось Аде не исключительным, а печально обыкновенным.

Поэтому она позвонила Бет.

— Нам опять дают гостиницу, — сказала Ада. — Далеко. И на месяц. Миссис Грант там без лифта не сможет.

— Спросили про доступность?

— В документе написано «обеспечивается по запросу».

— А запрос?

— У них нет формы на сайте. Надо приходить лично.

Бет молчала несколько секунд.

— Я утром буду возле вашей гостиницы. Возьмём копии писем и пойдём в приёмную вместе. Сначала спросим про условия. Потом — про сроки.

— А если откажут?

— Тогда попросим письменный отказ.

Ада поставила чайник на подставку.

Впервые за эту неделю у неё появился план, который не начинался со слов «надо, чтобы кто-нибудь известный обратил внимание».

* * *

В понедельник Бет привела в городскую приёмную четырёх жильцов. Они заняли места у окна, разложили копии уведомлений и стали ждать. У администратора не было свободной

отдельной комнаты, поэтому разговор шёл в общем зале, где всякий мог услышать обрывки чужих бед.

Через сорок минут вышла сотрудница жилищного отдела — молодая женщина с тёмными кругами под глазами и очень ровной чёлкой.

— Я могу принять ваши заявления, — сказала она, — но решение о переселении принимало другое подразделение.

— Тогда зарегистрируйте их и передайте, — ответила Бет.

— Это займёт время.

— Мы понимаем. Вот список людей, которым нужны доступные помещения. Вот медицинские ограничения, которые они согласились приложить. Вот адреса, которые предлагают. Вот запрос о транспортной доступности. Мы хотим знать дату ответа.

Сотрудница посмотрела на стопку бумаг. После утреннего потока раздражённых посетителей ей, вероятно, было непривычно встретить людей, не требовавших немедленно назвать виновного.

— Зарегистрирую сегодня. Ответ по каждому заявлению — в установленный срок.

— Какой именно? — спросила Ада.

Сотрудница открыла справочник и назвала срок. Бет записала дату.

Никакой победы не произошло. Людям по-прежнему предлагали неудобные комнаты. Миссис Грант по-прежнему не могла подниматься по лестнице. Но теперь у каждой просьбы появились номер, адресат и срок.

Ада вышла на улицу, посмотрела на пасмурное небо и сказала:

— Я раньше думала, что документы существуют для того, чтобы в них нас не было видно.

— И так тоже бывает, — ответила Бет.

— Сегодня я хотя бы знаю, где искать своё имя.

* * *

Натан узнал об этом не от Калеба. Ада сама прислала ему короткое письмо через публичную почту канала. Без просьбы о выступлении.

«Мы подали коллективное обращение по переселению. Если можете, напомните людям, что с сегодняшнего дня у нас есть регистрационные номера. Сведения о доступности жилья пока проверяют. Не пишите, что вопрос решён».

Натан несколько раз перечитал последние слова.

Не пишите, что вопрос решён.

Он открыл чистый документ. Сначала получилось привычно: «После общественного давления город был вынужден…»

Он удалил строку.

Написал так: «Жильцы Блум-стрит направили заявления об условиях временного переселения. Ответы пока не получены. Сроки и способы обратиться указаны в приложенных документах. Если вы получили аналогичное уведомление, проверьте, подходит ли вам предложенное помещение, и сохраняйте копии обращений».

Он отправил текст Аде на согласование.

Она ответила через час: «Да. Только не публикуйте список людей и их ограничения. И спасибо за номера».

Натан убрал из вложения сведения, по которым можно было определить конкретных жильцов, и разместил только общедоступные данные о порядке обращений.

За вечер публикация собрала немного просмотров. Большая часть комментариев касалась старой статьи Клары. Кто-то снова спрашивал, когда Натан «разоблачит всех». Другие обвиняли его в том, что он стал слишком мягким.

Он не ответил.

Ночью телефон зазвонил с незнакомого номера.

— Натан Келлс? — спросил мужской голос.

— Да.

— Меня зовут Ричард Эймс. Вы, возможно, видели мою фамилию в документах фонда.

Натан сел на край кровати.

— Видел.

— Я хотел бы поговорить о ваших обвинениях.

— Я не публиковал обвинений против вас.

На другом конце возникла короткая пауза.

— Тогда, возможно, кто-то использует ваши вопросы как обвинения. Вы понимаете, что это уже происходит?

— Кто?

— Прочтите завтрашнюю газету, — ответил мужчина. — И прежде чем вы снова станете чьим-то голосом, выясните, кто написал вам слова.

Связь оборвалась.

Натан ещё долго сидел с телефоном в руках.

За окном горел свет в одном-единственном окне противоположного дома. Там человек наклонился над столом и что-то писал. Натан не мог разглядеть ни лица, ни бумаги. И впервые эта неизвестность не казалась ему оскорблением.

Он мог не знать всего.

Но завтра ему придётся узнать больше, чем ему хотелось.

Глава 39. Чужие кавычки

Газета вышла во вторник. Натан узнал об этом раньше, чем проснулся окончательно: телефон, оставленный на подоконнике, начал дрожать в шесть двадцать восемь. Сначала пришло сообщение от Калеба, затем от человека, которого Натан не знал, потом ещё пять — почти одинаковых, с одной ссылкой.

«Вот теперь они испугались».

«Правильно, давно пора назвать имена».

«Почему вы столько молчали?»

На фотографии газетной полосы был он сам. Снимок сделали на площади, когда Натан поднял руку, пытаясь успокоить людей у сцены. Газетный редактор выбрал именно этот кадр: широко открытый рот, напряжённое лицо, ладонь, похожая на жест обвинения.

Под фотографией стоял заголовок: «АБОНЕНТ: ФОНД ПОМОГАЕТ ТЕМ, КТО ПРИВЁЛ ГОРОД К КАТАСТРОФЕ».

Натан сел. Простыня сползла на пол, но он этого не заметил.

В самой статье слова были осторожнее. Автор, Эван Рид из «Беллпортского курьера», писал о подозрениях, возникших после появления в сети материалов общественного движения. Утверждалось, что «источники в инициативной группе» усматривают конфликт интересов между грантами «Фонда городской перспективы» и проектами компании «Астер-Куэй». Часть текста была посвящена тому, как Натан Келлс отказался подтверждать своё участие в программе фонда.

В последнем абзаце стояла фраза: «Публичная позиция Абонента в целом совпадает с обвинениями, изложенными его сторонниками».

Он прочитал её трижды.

Публичной позиции не существовало. Он требовал убрать фотографию и ложную отметку о согласовании. Он не обвинял Эймса в том, что тот сознательно помогал виновным. Он даже не был уверен, где кончаются проекты «Астер-Куэй» и начинается фонд.

Но газета существовала. Снимок существовал. Люди уже пересылали заголовок, не открывая статью.

Натан открыл чат с Калебом.

«Откуда газета взяла обвинения?»

Ответ пришёл почти немедленно.

«Журналисты сделали выводы. Мы не можем контролировать журналистов».

«Они ссылаются на материалы движения».

«Все материалы основаны на документах».

Натан положил телефон на край кровати. Ему хотелось позвонить Калебу и кричать, пока тот наконец не произнесёт простое, обычное «да, это я». Но Натан слишком хорошо помнил, как собственный голос меняется от гнева: становится громче, убедительнее, и в нём пропадает место для ответа собеседника.

Он набрал номер Сары Белл.

Адвокат взяла трубку после третьего сигнала.

— Если вы звоните насчёт газеты, я уже видела, — сказала она.

— Они написали то, чего я не говорил.

— Тогда сначала установим, где именно. Заголовок — это одно, прямая цитата — другое, изложение чьей-то позиции — третье.

— Для читателя разницы нет.

— Для последствий иногда есть. Натан, не публикуйте ответ с формулировкой «они всё сфабриковали». Сохраните номер, страницу сайта, снимок публикации с датой. Я направлю запрос редакции об источнике утверждения. А вы можете потребовать корректного обозначения того, что вы действительно сказали.

— А если они не исправят?

— Тогда будем решать дальше. Только, пожалуйста, не путайте юридическую реакцию с желанием выиграть спор до обеда.

Натан взглянул на часы. До обеда оставалось несколько часов. Ему действительно хотелось выиграть раньше.

* * *

В редакции «Беллпортского курьера» Эван Рид не успел снять пальто. Под столом стоял бумажный стаканчик с кофе, который он купил по дороге; крышка перекосилась, и тёмное пятно расползлось по квитанции из магазина.

Редактор попросила зайти.

— Нам звонят из фонда, — сказала она. — И от Келлса звонили. Ты уверен в источниках?

— У меня есть пресс-пакет инициативной группы, — ответил Эван. — Там таблица связей и комментарий «публичного представителя».

— С подписью?

— С логотипом.

Редактор отодвинула от себя лист.

— Я спросила про подпись.

Эван замялся. Он получил электронное письмо вечером в понедельник. В нём были три вложения: схема финансирования, фотография Натана на площади и текст, подписанный «команда Абонента». Редакция прежде использовала письма этого адреса для согласования времени митингов; письма приходили с домена движения, на который отвечали Мартин Грей и иногда Калеб Вейн.

— Там говорилось, что он публично дистанцировался от фонда, — сказал Эван.

— Это подтверждается?

— Да, он потребовал убрать своё имя.

— А обвинение в сознательной помощи виновным?

Эван молчал.

— Это вывод авторов письма, — признал он.

Редактор посмотрела на заголовок газеты.

— Тогда почему под ним стоит его лицо, а не лицо авторов письма?

Эван впервые за утро почувствовал не раздражение на жалобщиков, а стыд. Он мог объяснить, что заголовок утверждал выпускающий редактор, что материал писался ночью, что печатный номер уже нельзя забрать с улиц. Все объяснения были верны. Ни одно не возвращало имени человека туда, где его действительно поставили.

— Я ему позвоню, — сказал Эван.

— Сначала найди то письмо. И проверь, как ты назвал отправителя.

* * *

Эймс снова позвонил в одиннадцать четырнадцать.

— Прочитали? — спросил он.

— Да.

— Теперь понимаете, почему я хотел говорить с вами до публикации?

— Вы знали, что будет написано?

— Я знал, какие вопросы мне прислали вчера. Вопросы выглядели так, будто обвинение уже доказано. Меня интересует не репутация фонда сама по себе, мистер Келлс. Меня интересует, кто дал распоряжение говорить от вашего имени.

— Калеб Вейн.

— Вы уверены?

Натан почувствовал, как легко было бы ответить «да». Калеб уже обманул его с записью, с фотографией, с разрешением на программу. Он, вероятно, мог сделать и это. Но между вероятностью и знанием зияло небольшое пространство, которое последние месяцы Натан привык заполнять уверенностью.

— Нет, — сказал он. — Я не видел исходного письма.

— Вот и хорошо. Значит, разговаривать ещё возможно.

— О чём вы хотели сказать мне?

Эймс вздохнул. За его спиной слышался низкий шум дорожного движения.

— Я действительно связан с «Астер-Куэй». Был связан ещё до трагедии. У меня нет желания притворяться чистым человеком на белой странице. Но публичные деньги, частные вложения и помощь жильцам — три разных вопроса. Если вы их соедините одной фразой, то вы получите красивый скандал и ни одного проверенного ответа.

— Тогда покажите документы.

— Приходите с адвокатом. Завтра в десять. Мой юрист тоже будет. Никаких камер, никаких обещаний, что после встречи мы станем друзьями.

Натан записал адрес. Удивился, что ему предложили не тайную встречу, а переговорную в конторе при городском деловом центре.

— И ещё, — сказал Эймс. — Если я окажусь неправ, вам придётся это сказать. Если окажусь прав, вам, возможно, придётся сказать то же самое о себе.

После звонка Натан долго стоял у кухонного окна.

Внизу мужчина пытался сложить мокрый зонт. Тот раскрывался снова и снова. Мужчина сердился, ругался, наступил на собственный шнурок и чуть не упал. Его никто не снимал. Ничья репутация от этого не страдала. Он всего лишь пытался справиться с вещью, которая не слушалась его рук.

Натан поймал себя на неожиданной зависти.

* * *

Вечером Клара Восс переслала ему короткое сообщение. Не статью, не предложение встретиться. Ссылку на исправление в цифровой версии «Беллпортского курьера».

Редакция уточнила: Натан Келлс не давал изданию комментария с обвинением в адрес фонда; материалы поступили от представителей движения, а его отказ участвовать в программе не является доказательством противоправных действий фонда.

Заголовок изменили.

Под ним всё ещё стояла та же фотография.

Натан почувствовал облегчение и почти сразу разочарование. Исправление прочитали гораздо меньше людей, чем первоначальное сообщение. Ни одна из десятков страниц, перепечатавших фотографию утром, не спешила возвращаться к ней вечером.

Он написал Кларе: «Спасибо».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Я не добивалась исправления за вас. Я задала редакции тот же вопрос, что и вам: откуда у них утверждение?»

Он улыбнулся, но на этот раз не потому, что придумал удачный ответ.

«Всё равно спасибо», — написал он.

Глава 40. Человек, который платил

На двери переговорной в деловом центре не было фамилии Эймса. Только номер комнаты и табличка «СОВЕЩАНИЯ».

Натан пришёл за двенадцать минут до назначенного времени. Сара Белл задержалась у стойки охраны, подписывая журнал посетителей. Когда она закончила, то предложила Натану войти вместе, и он согласился. Раньше это показалось бы ему признаком трусости, который следует скрыть. Теперь он просто боялся плохо понять то, что ему собирались показать.

Ричард Эймс оказался человеком лет шестидесяти, с редкими серебристыми волосами и старомодными очками в металлической оправе. Его костюм был дорогим, но поношенным: локоть правого рукава слегка блестел. Натан почему-то ожидал увидеть человека, который никогда не теряет вещей и не забывает имён. Эймс долго искал ручку в собственном портфеле, а потом обнаружил её в кармане пиджака.

Рядом сидела юрист фонда, женщина по имени Ребекка Сол.

Эймс не предложил рукопожатия. Кивнул и сел.

— Благодарю, что пришли. Сначала объясню, что могу подтвердить документами, а что будет только моим воспоминанием.

Сара приподняла бровь. Натан подумал, что у адвокатов существует особенный способ узнавать друг друга: они одинаково радуются, когда другой человек обещает не преувеличивать.

Эймс выложил три папки.

В первой была история «Фонда городской перспективы». Фонд существовал семь лет, занимался небольшими городскими проектами: освещением дворов, установкой пандусов, ремонтом общественных пространств, консультациями для жильцов старых домов. Отчёты выглядели длинными и скучными. В них были фотографии ступеней до и после установки поручня, суммы закупок и подписи людей, которых никто не знал за пределами квартала.

Во второй лежали документы о его прошлом участии в наблюдательном совете «Астер-Куэй». Эймс признал, что входил в него до обрушения дома. Он объяснил, что ушёл после конфликта по программе приобретения ветхих объектов, и показал письмо о прекращении полномочий. Сара попросила разрешения получить копию и проверить дату через независимый реестр.

— Проверяйте, — ответил Эймс. — Потому что ваше недоверие к моей бумаге вполне разумно.

Третья папка была тоньше остальных.

— А это главное, — сказал он.

В ней лежал грантовый договор с общественным движением «Пока вы ждёте, мы живём». На первом листе были обычные слова о правовой помощи жильцам, информационном сопровождении и обеспечении общественных встреч. На втором — список планируемых расходов. На третьем — обязательства об использовании знаков партнёров.

Натан нашёл свою фамилию в приложении к договору.

— Я этого не подписывал.

— Я знаю. Мне тоже так сказали, — ответил Эймс.

— Тогда почему вы перечислили деньги?

— Первую часть гранта перечислили до появления этого приложения. Выплата была связана с программой консультаций, не с вашим именем. Продолжение финансирования мы остановили, когда возник вопрос о согласовании.

Сара открыла таблицу платежей.

— Сколько средств уже перечислено?

Ребекка назвала сумму и передала выписку со скрытыми банковскими реквизитами.

— Подтверждение расходования у нас пока только частичное, — сказала она. — Фонд запросил отчёт и первичные документы.

— И почему вы не сделали этого раньше? — спросил Натан.

— Потому что до публикации вашего имени никто не сигнализировал о конфликте, — ответил Эймс. — Возможно, это плохая система контроля. Возможно, кто-то воспользовался ею. Я не прошу поверить мне сейчас. Мне важно, чтобы вопрос не потерялся за лозунгом.

Натан перелистывал страницы и постепенно раздражался. Он ожидал увидеть одну очевидную схему, в которой богатый человек покупает бедных активистов, чтобы забрать у жильцов землю. Такую схему легко было бы изложить в пяти фразах. Папки не давали ему этой простоты.

— Вы финансировали движение, которое выступает против городских решений, — сказал он. — Зачем?

— Потому что часть городских решений невыгодна даже людям, которым принято приписывать выгоду от всего. И потому что иногда благотворительность удобна для репутации. Я не буду делать вид, будто последнее не имеет значения.

Сара записала ответ.

— Это объяснение мотива, — сказала она. — Не подтверждение правильности действий.

— Конечно.

Ричард снял очки.

— Вы хотите знать, чего я стыжусь, мистер Келлс? Три года назад я участвовал в обсуждении программы переселения старого квартала. Все говорили о безопасности зданий и стоимости земли. Мы спорили о процентах. Один инженер спросил, кто будет объяснять людям, куда они переедут, если выкуп состоится. Председатель сказал: «Этим займутся потом». Я промолчал.

Натан поднял глаза.

— Вы знали о Блум-стрит?

— Я знал, что в районе есть дома, требующие обследования. Конкретного вывода о немедленном риске обрушения не видел. Если вам скажут, что видел, потребуйте документ. Если документ найдётся, я отвечу. Но не заменяйте отсутствующее знание моей общей виноватостью.

Эймс говорил спокойно. Натану трудно было представить, как человек, признающий некоторые неприятные вещи, может при этом оставаться тем, кому нельзя полностью верить.

— А кто финансировал покупку объектов? — спросил он.

Ребекка достала отдельный лист. Там были названия юридических лиц, даты регистрации проектов и доли участия. Одна компания владела правом аренды земли рядом с Блум-стрит, другая пыталась приобрести два дома поблизости. Ничего в этих строках не означало, что разрушение дома было запланировано. Но внизу находилась сноска, которая заставила Сару задержать палец.

— «Условие пересмотра цены после изменения статуса жилого фонда», — прочитала она. — По каким основаниям?

— По рыночной оценке и условиям договора. Здесь нам потребуется юрист, работавший с проектом. Ребекка пришлёт договор целиком.

Натан почти физически ощутил, как хочет ухватиться за фразу: цена меняется, когда люди теряют дома. Он уже слышал будущий выпуск. В нём можно было бы связать разрушение и прибыль так, чтобы слушатель не увидел разрыва между ними.

Сара заметила его выражение.

— Мы разберём договор, — сказала она. — Но ни одно из этих условий само по себе не показывает, что кто-то хотел обрушения.

— Я понимаю.

Ему хотелось верить, что понимает.

* * *

В конце встречи Эймс достал тонкий конверт.

— Это копии писем, отправленных мне из движения. В двух случаях меня просили дать комментарий для отчётов. В третьем — согласовать текст обращения к донору. Посмотрите дату.

Натан увидел письмо, датированное неделей раньше, чем Калеб впервые предложил ему встретиться с добровольцами.

Тема письма: «Публичное лицо кампании».

В приложении лежал макет с его фотографией.

Фотография была взята из публичной записи канала. Натан на ней ещё не выходил на площадь, не встречался с Калебом, не видел листовок со своим именем. Под снимком стояла фраза: «Голос, которому доверяют пострадавшие жители».

— Вы знали обо мне до того, как мы встретились? — спросил Натан.

Эймс нахмурился.

— Мне присылали список возможных участников. Ваше имя было одним из нескольких. Я не выбирал человека. Я согласовывал программу.

— Но они уже тогда планировали сделать меня лицом кампании.

— Кто-то, возможно, планировал. Это следует из документа. Что именно сказал вам Вейн, я не знаю.

Сара попросила прислать электронные оригиналы с заголовками писем. Ребекка согласилась после проверки условий передачи.

Натан взял в руки копию макета.

Человек на фотографии выглядел решительным. Выражение лица получилось даже красивым: свет сбоку, упрямо сжатые губы, внимательный взгляд.

Он вспомнил, как радовался первой листовке. Как счёл фотографию знаком того, что наконец стал кем-то.

А теперь рядом лежало письмо, из которого следовало: ещё до этой радости кто-то заранее представлял, каким именно человеком его удобно будет сделать.

На улице Сара остановилась возле светофора.

— Что вы сейчас чувствуете? — спросила она.

— Как будто меня использовали.

— Возможно. Но не делайте из этого индульгенцию за всё остальное.

— Вы умеете портить красивое чувство, — сказал Натан.

— Не всякое чувство обязано быть красивым.

Они перешли дорогу на зелёный.

В метро, возвращаясь домой, Натан открыл старую фотографию с площади. Попытался вспомнить момент, когда у него впервые возникло ощущение власти. Не когда Калеб предло-

жил листовки. Не когда люди закричали его имя. Раньше. В тот день, когда он заметил, что один удачный жест или резкая пауза заставляют незнакомцев слушать.

Калеб не создал в нём эту жажду.

Калеб лишь узнал её раньше, чем сам Натан согласился назвать.

Глава 41. Поле согласования

Мартин Грей не любил, когда его называли манипулятором.

Манипулятор представлялся ему человеком, который просыпается утром с готовым планом причинить кому-нибудь вред. У Мартина готового плана никогда не было. Были шестнадцать открытых вкладок, постоянная нехватка денег на аренду офиса и Калеб, который умел превращать любую задержку в нравственный вопрос.

В четверг Мартин приехал к девяти. На рабочем столе лежали двести неразобранных уведомлений. Добровольцы спрашивали, когда состоится новая акция, жильцы — где искать юридическую консультацию, журналисты — кого можно цитировать. Один мужчина из другого города просил оплатить ему билет на митинг. Две женщины спорили, считается ли предательством разговор с Кларой Восс.

Мартин открыл письмо Сары Белл с требованием сохранить историю согласования программы. Затем — письмо фонда о приостановке гранта. Затем — сообщение Калеба: «Не отправляй ничего без меня».

Он смотрел на эти три письма и не мог понять, на каком из них находится его собственная работа.

В дверь постучала девушка из волонтёрской группы.

— Мартин, у нас в онлайн-форме снова появилась фамилия Келлса. Мы же убрали.

— Где?

Она показала экран. Фотография исчезла из программы фонда, но в старом наборе материалов для участников он по-прежнему числился как «официальный голос движения». Программу кто-то скопировал, передал добровольцам, и теперь файлы путешествовали между телефонами без всякой возможности исправить исходную строку.

— Уберите и отправьте всем исправление, — сказал Мартин.

— Но люди уже печатают листовки.

— Тем более.

Девушка посмотрела на него с облегчением, будто наконец услышала команду, которую можно выполнить без угадывания смысла.

* * *

В одиннадцать Калеб пришёл с кофе и пакетом булочек.

— Ты не ел? — спросил он.

— Не успел.

— Слушай, мне нужен список контактов на субботу. Жильцов, с кем мы можем связаться напрямую.

— Они просили не рассылать телефоны.

— Я не собираюсь продавать их номера. Нужны приглашения.

— Тогда через координаторов.

Калеб поставил пакет на стол.

— Ты тоже стал говорить как адвокат?

— Нет. Как человек, который однажды дал кому-то чужой адрес и потом не смог объяснить почему.

Мартин сам удивился своей фразе. Перед глазами всплыли фотографии двери Лорен Пирс, которую кто-то приходил убеждать рассказать свою историю «своими словами». Он не знал, кем был посетитель, и не мог прямо обвинить участников движения. Но знал, сколько

раз сам пересылал таблицы с контактами из одного чата в другой, уверяя, что это нужно для организации.

Калеб сел напротив.

— Я не хочу, чтобы движение превратилось в кружок юристов, Мартин. Люди устают от процедур.

— Люди ещё больше устают, когда их данные оказываются у незнакомцев.

— Хорошо. Через координаторов. А теперь объясни, зачем ты собираешься отдавать историю изменений фонда.

— Потому что Келлс имеет право знать, кто поставил отметку.

— Он уже знает. Ты ему сказал.

— Сказал словами «технический статус». По сути, не сказал ничего.

Калеб посмотрел на него внимательно.

— Ты переживаешь из-за этой кнопки?

— Не из-за кнопки. Из-за того, что мне надоело всё называть иначе, чем оно есть.

В кабинете стало тихо.

— Ты понимаешь, что они будут использовать это против нас? — спросил Калеб.

— Возможно.

— Если Келлс начнёт обвинять организацию, город снова сможет делать вид, что дело Блум-стрит — это наша внутренняя ссора.

— А если мы будем скрывать документы, он окажется прав.

Калеб долго молчал. Затем взял одну булочку, разломил пополам и положил обе части обратно в пакет.

— Отправляй, — сказал он. — Но только то, что подтверждено, без твоих толкований.

Мартин не поверил, что всё закончилось так просто.

— Вы не против?

— Я против того, чтобы из человеческой ошибки сделали заговор. Но если мы хотим, чтобы нам доверяли, придётся выдержать проверку. Я не ребёнок.

Он встал, забрал кофе и вышел.

Когда дверь закрылась, Мартин обнаружил, что у него дрожат руки. Ему понадобилось несколько минут, чтобы набрать сухое объяснение: поле «Согласовано» было отмечено до фактического получения разрешения; отметку внёс он под своей учётной записью; отдельного подтверждения от Натана Келлса не существовало. Никакая цифровая подпись Натана не создавалась. Формулировка в документе вводила в заблуждение.

Мартин перечитал текст.

Он никогда не писал такого короткого и такого страшного служебного письма.

* * *

Клара Восс получила от него копию только на следующий день и не сразу поняла, зачем он прислал её журналистке. В письме говорилось: «Вы спрашивали, кто отвечал за подготовку материалов. Это то, что я могу подтвердить. Не публикуйте частные адреса из вложения».

Она позвонила.

— У вас есть подтверждение, что это тот же файл, который был отправлен фонду?

— История версий и исходное письмо.

— Можете передать их через защищённый канал? Я проверю, а потом отдельно спрошу, согласны ли вы, чтобы имя появилось в материале.

— Я не хочу быть анонимным героем, — сказал Мартин. — И не хочу, чтобы меня сделали главным виновником.

— Я не могу обещать, как вас увидят читатели. Могу обещать только не приписывать вам того, чего вы не сделали.

— Мне достаточно.

После разговора Клара оставила телефон на столе. Она могла бы немедленно выпустить новость: «Сотрудник движения признался в подделке согласования». Заголовок собрал бы просмотры, которых в редакции не хватало с начала месяца. Но слово «подделка» означало бы то, чего пока нельзя было доказать: в логах не было настоящей электронной подписи. Была ложная отметка о полученном согласии.

Разница казалась маленькой ровно до тех пор, пока не представляешь себя человеком, чья фамилия стоит в заголовке.

Клара открыла документ и написала первое предложение:

«Представитель движения подтвердил, что имя Натана Келлса было указано в материалах фонда без полученного согласия».

Она остановилась. Этого было достаточно на сегодня.

* * *

Натан в это время сидел в маленьком кабинете CivicTone. Перед ним лежал протокол внутренней проверки, а напротив — Джулиан Хейс.

За последние месяцы начальник заметно похудел. Галстук казался завязанным слишком туго, на переносице осталась красная полоска от очков. Натан впервые увидел в нём обычного человека, которому тоже трудно спать.

— Юридический отдел получил запрос на сохранение аудиозаписей, — сказал Джулиан. — Мы предоставим то, что у нас есть. Но хочу предупредить: не всё из того дня сохранилось в первоначальном виде.

Натан выпрямился.

— Что это значит?

— Часть внутренних переговоров записывалась отдельно. Срок хранения технических копий истёк. Это обычная политика.

— А мой разговор с вами?

— Есть расшифровка, сделанная для проверки. Полный файл пока ищут в архиве.

— Вы сказали мне закрыть заявку.

Джулиан сложил ладони.

— Я помню разговор. Но мы спорили о том, как классифицировать повторное обращение. Мы не обсуждали вероятность обрушения дома как установленный факт.

— Я говорил о трещинах.

— Вы говорили о сообщениях жильцов. Натан, сейчас важны точные слова.

Это было произнесено почти тем же тоном, каким Сара и Клара просили его проверять факты. Разница заключалась в том, что Джулиан слишком долго использовал точность как возможность никого не услышать.

— Когда мы получим запись, — сказал Натан, — я выслушаю её целиком.

Джулиан кивнул.

— Хорошо. Я тоже.

Натан ожидал от него возражения. Возможно, даже угрозы. Но мужчина напротив выглядел усталым и не особенно уверенным в том, что услышит сам.

Уходя, Натан заметил на стене прежнюю награду «За человечность в управлении». Она висела немного криво.

Он мог бы подумать, что это знак. Вместо этого спросил у секретаря, можно ли получить письменное подтверждение перечня сохранившихся файлов.

Глава 42. То, что остаётся в протоколе

Письма об изменении условий переселения приходили жильцам Блум-стрит не одновременно. Одни получили бумажные уведомления, другим прислали сообщение в личный кабинет, третьи узнали о новом сроке от соседей. Администратор гостиницы называл одну дату,

жилищный отдел — другую. Бет Далтон составила таблицу: имя заявителя, номер обращения, дата ответа, предложенный адрес, наличие лифта, способ добраться до больницы.

За день таблица выросла до четырёх страниц.

В её верхней части не было фотографии Натана. Не было лозунга движения. Только сведения, некоторые из которых ещё требовали проверки.

Когда Клара приехала к Бет, та сидела за столом в маленькой комнате общественного центра и пыталась понять, кому позвонить первым.

— Если хотите написать о нас, напишите не о том, как мы устали, — сказала Бет вместо приветствия. — Лучше о том, сколько людям надо ехать до поликлиники. У миссис Грант трость. У неё нет сил каждый раз доказывать, что лестница — это лестница.

Клара попросила показать ответы администрации. Бет передала копии, закрыв частные сведения. Они обсудили, какие адреса можно упоминать и что нужно согласовать с жильцами.

— А что думаете про фонд? — спросила Клара.

Бет перестала листать бумаги.

— Я думаю, что если человек даёт деньги на юриста, надо спросить, откуда деньги и какие у него условия. Если от этого юрист у нас появится — хорошо. Если юрист начнёт объяснять, почему нам лучше уступить квартиру дешевле, — плохо. Другого мнения у меня нет.

— Вы доверяете Калебу?

— Я доверяла, когда он обещал комнату для собраний. Комнату он нашёл. Теперь смотрю, что будет дальше.

Клара улыбнулась.

— Кажется, вы единственный человек в этом городе, который умеет отделять одно обещание от другого.

— Нет, — ответила Бет. — Просто у меня две смены в больнице. Некогда заниматься верой в людей без проверки расписания.

* * *

После обеда Клара встретилась с инженером, чья подпись стояла на одном из отчётов о состоянии старого квартала. Мужчину звали Саймон Лоу. Он пришёл с папкой, в которой документы были разложены по датам, а не по степени драматичности.

— Я не утверждал, что дом рухнет, — сказал он ещё до того, как она включила диктофон. — Я писал о необходимости внепланового обследования. Между этими фразами огромная разница.

— Кто получил ваше письмо?

— Департамент жилищного контроля и подрядчик. У меня есть подтверждения отправки.

— А «Астер-Куэй»?

— В копии не значилась. Возможно, сведения попали к ним через собственника объекта. Я не знаю.

Клара пролистала отчёт. В нём было несколько предупреждений о деформации конструкций, но не хватало измерений, необходимых для заключения о непосредственной угрозе обрушения.

— Почему вы не пришли к жильцам и не сказали, что нужен осмотр?

Саймон снял очки.

— Потому что я был подрядчиком по предварительной оценке, а не уполномоченным инспектором. Я мог написать. Написал. На этом счёл свою обязанность выполненной.

— Сейчас считаете иначе?

Он не ответил сразу.

— Я не уверен, что имел право пугать людей без подтверждения. Но я знаю, что мог позвонить ещё раз и спросить, назначили ли обследование. Не позвонил. Это не делает меня главным виновным. Но перестало казаться, что я вообще тут ни при чём.

Клара записала его слова. Подобная честность не закрывала расследование. Напротив, она делала его тяжелее: у каждого участника находилось хотя бы одно правдоподобное объяснение и хотя бы одна точка, в которой он мог поступить иначе.

* * *

В тот же день в городской приёмной состоялась небольшая встреча по переселению. Пришли пятнадцать жильцов, две сотрудницы отдела и представитель организации, которая занималась временным размещением. Натан появился без предупреждения, но не подошёл к столу организаторов. Сел в последнем ряду.

Ада заметила его и чуть нахмурилась.

Он не поднял руку, не попросил у ведущей микрофон, не попытался превратить собрание в вопрос о собственной репутации. Слушал, как пожилая женщина уточняет, можно ли держать в новой комнате электрическую плитку. Как мать троих детей спрашивает, пустят ли её старшего сына оставаться на ночь. Как один мужчина сердится из-за того, что ему уже трижды меняли адрес без объяснений.

В какой-то момент сотрудница администрации сказала:

— Мы понимаем, что ситуация вызывает у вас неудобства.

Ада тихо повернулась к соседке.

— Удобства у меня были дома. У них тут не неудобства, а отсутствие дома.

Натан услышал фразу и почувствовал желание записать её. Она была точной, резкой, легко запоминалась. Из неё мог получиться заголовок. Его рука уже скользнула к телефону.

Потом он увидел, что Ада всё ещё разговаривает с соседкой. Она не выступала. Не давала согласия стать чьей-то цитатой.

Натан убрал телефон.

После собрания Бет подошла к нему.

— Видели список сроков?

— Да.

— Можно попросить вас о маленькой вещи? Не выпуск. Не ролик. У фонда есть юристы. У вас, кажется, теперь тоже. Нам нужна проверка типового соглашения о временном размещении. Люди подписывают бумаги и не понимают, отказываются ли они от чего-нибудь ещё.

— Я спрошу Сару, может ли она помочь или порекомендовать специалиста. Обещать её время не могу.

— Вы научились, — сказала Бет.

— Чему?

— Не обещать чужие руки.

Натан хотел сказать, что она несправедливо сурова к нему. Вместо этого записал номер документа и уточнил, когда он нужен.

Вечером он отправил Саре письмо. В нём не было ни одной фразы, которую захотелось бы произнести перед камерой.

* * *

Калеб увидел фотографию Натана на встрече в социальной сети. Кто-то из посетителей сфотографировал общий зал, не зная, что в последнем ряду сидит известный человек. Подпись гласила: «Абонент тоже был, но ничего не сказал».

Калеб несколько минут смотрел на снимок.

Раньше тишина Натана означала подготовку. Теперь она всё чаще означала отказ участвовать в игре, правила которой Калеб привык устанавливать.

Он набрал сообщение:

«Нужно поговорить. Мы теряем темп».

Натан ответил через час:

«Можем поговорить о документах, маршрутах и контактах. Без публикаций от моего имени».

Калеб начал набирать длинное объяснение о том, что движение не принадлежит одному человеку. Потом удалил всё и написал:

«В субботу. В десять. Приходите на собрание».

Натан увидел приглашение. Не согласился сразу.

Он понимал, что в этой комнате его ещё будут слушать.

И всё чаще боялся не того, что ему не дадут слова.

Боялся, что дадут — и он снова захочет слишком многого.

Глава 43. Собрание без аплодисментов

В субботу утром общественный центр на Парк-авеню был почти полон. На стене висела та же карта, но красных булавок стало меньше. Вместо них появились листы бумаги с адресами консультаций и расписанием встреч с юристами. Бет радовалась этим листам больше, чем когда-то радовалась огромному плакату с именем Натана.

Мартин сидел у входа с коробкой документов. Он выглядел плохо: под глазами темнели круги, пальцы были испачканы чернилами. Натан прошёл мимо и тихо спросил:

— Вы отправили историю согласования?

— Да. Вашему адвокату. И фонду.

— Спасибо.

Мартин коротко кивнул. Благодарность не освободила его от собственных решений, но на секунду дала почувствовать, что его труд ещё способен иметь смысл.

Калеб стоял у окна. Когда Натан вошёл, он улыбнулся привычно и широко.

— Отлично, что пришли. Люди тревожатся из-за последних публикаций. Нужно объяснить, что мы всё ещё едины.

— Мы едины в чём? — спросил Натан.

— В желании добиться ответственности за Блум-стрит.

— Тогда давайте говорить об этом.

Калеб нахмурился, но ничего не сказал. В глубине комнаты кто-то начал хлопать, увидев Натана, затем замолчал: остальные не поддержали. Натан заметил это и почувствовал укол, словно у него отняли обещанную награду.

Собрание началось с отчёта Бет. Она перечислила, кому удалось получить письменные ответы о временном размещении, какие документы остались без движения, сколько людей записались на бесплатную консультацию. Голос её дрожал от усталости, а не от желания произвести впечатление.

Потом выступил Мартин. Он признал ошибку с согласованием имени Натана, сообщил, что документы исправлены, а внутреннюю систему учёта решили изменить. В комнате стало шумно. Двое добровольцев спрашивали, почему теперь нельзя быстро выпускать материалы. Кто-то требовал назвать человека, который «сливает всё журналистам».

— Людям нужно понимать, что на наши слова можно положиться, — ответил Мартин. — Скорость тут не единственная вещь.

Калеб вышел к середине комнаты.

— Никто не спорит с этим, — сказал он. — Но мы сегодня здесь не ради самобичевания. Город надеется, что мы погрязнем в собственных процедурах. У него получается. Пока мы спорим о бумагах, люди из Блум-стрит всё ещё живут в гостиницах.

Несколько человек закивали. Калеб почувствовал, как возвращается привычный ритм: вопрос, пауза, ответ толпы. Он повернулся к Натану.

— Нам важно услышать вас.

Натан встал. Ему дали микрофон, хотя комната была маленькой и прекрасно обходилась без него. Пластмасса была холодной, кнопка включения чуть западала. Натан держал его слишком близко к губам, и первые слова прозвучали с шумом.

— Я не знаю, кто сейчас имеет право говорить от лица всех, — сказал он. — Наверное, никто. Я знаю другое: некоторые документы по Блум-стрит появились благодаря людям, которые не ходили на сцену. И некоторые из наших материалов причинили вред тем, кто вообще не принимал решений о доме.

Кто-то в третьем ряду громко вздохнул.

— Я не собираюсь отказываться от проверки городской системы, — продолжил Натан. — И не хочу, чтобы из ошибки с моей подписью делали доказательство, будто все жалобы жильцов выдуманы. Но я больше не дам согласия на публикации, которых не видел. И не поддержу обращения, в которых есть чужие личные данные или обвинения без подтверждений.

Калеб смотрел на него напряжённо. Его лицо не выражало враждебности. Оно выражало ожидание, что Натан вот-вот скажет вторую часть, сильную и обнадёживающую, ради которой следовало вытерпеть первую.

Натан замолчал.

— И всё? — спросил молодой парень у стены.

— Что вы хотите услышать? — спросил Натан.

— Что мы не зря вам верили!

— Это не я могу решить за вас.

Парень покраснел.

— Вы раньше говорили, что город должен отвечать! А теперь сами от всего уходите!

— Я никуда не ухожу. Я говорю, за что отвечаю, а за что нет.

— Удобно, — раздался другой голос. — Когда было сто тысяч просмотров, вы отвечали за всех. Как только запахло проблемами — сразу юрист и «я не знаю».

Натан почувствовал, как внутри поднимается старая горячая волна. Ему хотелось объяснить, сколько лет его унижали. Как его заставляли молчать на работе, дома, перед начальством, перед бывшей женой. Как город не замечал его до того момента, когда он сумел заговорить. Но эти люди не знали той истории. Они не были обязаны возмещать ему все прежние унижения.

— Вы хотите, чтобы я был честным? — спросил он.

— Да! — отозвался парень.

— Тогда слушайте. Не каждое ваше требование справедливо только потому, что вам больно. И не каждый человек, который задаёт вопросы, ваш враг.

Слова прозвучали жёстче, чем он хотел.

В зале стало тихо.

— Вы сейчас нас учите? — спросила женщина у двери.

— Нет. Я пытаюсь объяснить…

— Вы сами звали людей бороться. А теперь говорите, что мы слишком сердитые.

Натан почувствовал соблазн сказать что-нибудь окончательное. Одну фразу, после которой все замолчат, а потом начнут аплодировать — пусть даже из смущения. Существовало множество способов унизить несогласного человека так, чтобы это выглядело как урок нравственности. Он знал их наизусть.

И всё же остановился.

— Да, я звал, — сказал он. — И некоторые вещи делал неправильно. Здесь есть люди, которым я обязан объяснением. Но если я снова начну говорить вместо вас, чтобы спасти своё лицо, ничего не изменится.

Он протянул микрофон Калебу.

Никто не хлопал.

Натан впервые за долгое время смог услышать, как скрипят стулья, когда люди меняют позу. Как в коридоре кто-то открывает банку с газированной водой. Как женщина у окна кашляет в рукав. В этих звуках не было приговора. Просто люди думали каждый о своём.

* * *

После встречи Калеб догнал его на лестнице.

— Вы понимаете, что сделали?

— Сказал то, что считаю нужным.

— Вы оставили их без опоры.

— Они не дети.

— Нет. Они люди, которых много лет заставляли ждать. И вы только что объяснили им, что больше не обязаны быть для них человеком, за которого они голосуют сердцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.